

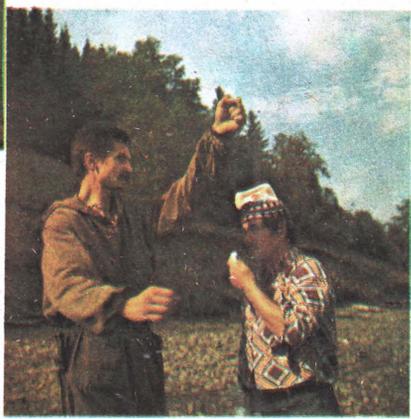

уральский

следопыт

№7**** 1982

Через 400 лет

В сентябре 1983 года экспедиция, организованная Свердловским обкомом ВЛКСМ, областным советом Всероссийского общества охраны природы и редакцией журнала «Уральский следопыт», на самодельных плавсредствах прошла вверх по Чусовой и ее притоку Серебряной более 300 километров — тем же маршрутом, которым в XVI веке, четыре столетия назад, прошел со своей дружиной легендарный Ермак.

В составе экспедиции было восемь человек:

Владимир ИПОЛИТОВ — ученый секретарь комиссии по охране природы Уральского научного центра, научный руководитель;

Олег САДЫКОВ — кандидат биологических наук, эколог-исследователь;

Альберт КЛИМОВ — инженер, мастер спорта по водному туризму, спортивный руководитель;

Геннадий КОЖУРНИКОВ — врач-травматолог;

Михаил ГРИГОРЬЕВ — инженер, кандидат в мастера спорта, конструктор наших «стругов»;

Александр КУНИЦКИЙ — электрик, «главный ремонтник»;

Владислав НИКОЛАЕВ — писатель;

Виктор КУЗЬМИН — старший инструктор областного совета Всероссийского общества охраны природы, руководитель экспедиции. Его дневниковые записи в сокращенном виде мы и предлагаем нашим читателям.

Фото А. Пасибина

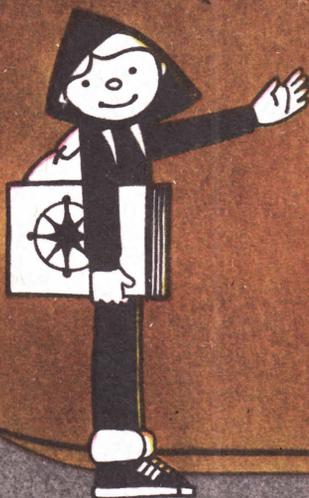
ЧУСОВОЙ

КУНГУР

Чусовая

Сыда

ПЕРВОУРАЛЬСК

Читайте стр. 2

в номере:

В. Кузьмин ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕСТА ЛЕТ	2
Л. Лапцуй ПОЛЯНА. Поэма	8
Е. Ермолович ПАРТИЗАНСКАЯ СЛАВА	10
С. Николаев НА ВСЕСОЮЗНОЙ ВЫСТАВКЕ НТТМ-82	14
Ю. Липатников ЧУДО ВЕКА	17
Н. Новый, В. Лобов, В. Воробьев, В. Крапивин, Н. Широкова ЦВЕТ РЕПЕЙНИКА	18
А. Шигина КРОПОТУШКИ ХРИСТИНЫ ДЕНИСОВНЫ	31
С. Слепынин МАЛЬЧИК ИЗ САВАННЫ. Повесть. Окончание	33
НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ	59
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	60
Б. Окуджава ...СТАРЫЙ СОЛДАТ, Я СТОЮ, КАК В СТРОЮ. Стихи	62
ЧТО ЗА ПЕРВЫМ ПЕРЕКРЕСТКОМ	64
В. Волков «МЕДВЕЖАТНИКИ»	71
Ю. Борисихин «ЮНОСТЬ»	72
Н. Притчина ВЕЛИКИЙ КНИГОНОША	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Владимир СТАРИКОВ
(ответственный секретарь).

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор
НС 11924
Подписано к печати 20.05.82
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,5
Тираж 255 000.
Заказ 416.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рисунок С. СУХОВА

© «Уральский следопыт», 1982 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

№7 * 1982

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕСТА

См. 2-ю стр. обложки

**Виктор
КУЗЬМИН**

1 СЕНТЯБРЯ 1981 ГОДА, СВЕРДЛОВСК

Наконец-то закончился август. Кончилось с ним и лето. Впервые в жизни я думаю о его уходе без сожаления. Сегодня, в первый день осени, мы начинаем поход по пути Ермака.

Цель нашей экспедиции — пропаганда природоохранительных знаний, исследование состояния рек, по которым прошел Ермак, и популярные рассказы о его походе. Мы наметили пройти только часть пути Ермака — вверх по Чусовой и Серебрянке до места волока через Уральский хребет. С собою взяли путеводитель, книгу Е. Ястребова «По Чусовой» (Свердловск, 1957). Она была выбрана не случайно. В этой книге, пожалуй, наиболее точно и всесторонне описана Чусовая, а давность издания помогает проследить те изменения, которые произошли на реке за последние 25 лет.

Словно огромная пропасть глубиной в 400 лет распахнулась перед нами. Дух захватывало на краю этой пропасти! Что было на Урале 400 лет назад? Наш город почти вдвое моложе. В то время охотничий шалаш на берегах Исети был довольно редким сооружением.

1 сентября 1584 года считается хрестоматийной датой начала похода Ермака. Пополняя свои знания об этом историческом событии, я с удивлением обнаружил, что эта дата не является абсолютно достоверной. И не только дата: много и других белых пятен в истории похода. И, пожалуй, главное — личность самого Ермака, теперь уже почти сказочного героя русского народа. Когда он родился? Где? Какие обстоятельства воспитали столь могучий характер? Противоречивы сведения. Одно можно сказать с уверенностью: его взрастила русская земля!..

Садимся в поезд, и я с радостью замечаю, что на белых окантных занавесках синими стежками вышито «Ермак», а рядом контуры его стругов. Фирменный поезд! Наверно, это добрый примета.

Экспедиция началась...

3 СЕНТЯБРЯ

Встали рано. После вчерашнего дождя на окнах плотные занавески тумана, даже соседних домов не видно. Доносятся приглушенные звуки пробуждающегося поселка. Наскоро выпив по стакану чаю, расходимся для чтения лекций.

На лекцию пришло человек 60. Я минут 40 рассказывал все, что знал о Ермаке и его знаменитом походе, начинавшемся именно здесь, в этих местах, 400 лет назад. Нетерпеливые трели телефонного звонка в соседней комнате напомнили, что пора заканчивать экскурсию в прошлое, людей ждут сегодняшние дела и заботы... Когда шел обратно, туман по-прежнему плотной пеленой висел над поселком.

Чусовские Городки — первое известное истории поселение русского человека на Чусовой. Его основали в 1568 году купцы и промышленники Строгановы в 125 километрах от устья реки на левом ее берегу. Позднее чуть выше по реке, при впадении в нее Усолки и Россошки, на правом берегу Строгановы построили соляные варницы. Поселение, возникшее рядом с ними, стало называться Верхне-Чусовскими Городками, а первое —

Нижне-Чусовскими. При создании Камской ГЭС и водохранилища, в связи с подъемом уровня Чусовой, поселку пришлось перебраться еще выше по реке с правого берега на левый. Место первого поселения скрыли воды Камского моря, но напротив, на высоком крутом берегу, возвышался его ровесник — Успенский монастырь. Храм, который остался на месте этого монастыря, мы собирались посетить сегодня.

ИЗ ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ПО ЧУСОВОЙ»:

«На высоком правом берегу реки Чусовой, в четырех километрах ниже Верхне-Чусовских Городков, сохранилось здание Успенского монастыря. Оно было построено около 1580 года и является единственным памятником на реке Чусовой, сохранившимся со времен Ермака до наших дней».

Спустились к Чусовой. Завеса тумана здесь казалась еще плотнее. Даже паром не ходил. Но катер, с которым удалось договориться, все-таки пришел. Мы быстро, не веря в удачу, как будто боясь, что он растворится в тумане, забрались на борт по узенькому дощатому трапу. Только успели оглядеться, устроиться поудобней, как катер ткнулся носом в причал на другом берегу.

Пошли по грязной, разбитой машинными дорогами, и вскоре из тумана, словно тени минувших лет, проступили силуэты старых деревянных домов. Многие из них оказались брошенными, но огородами, видимо, еще пользовались. За огородами начался крутой подъем в гору. На плоской вершине стали попадаться покосившиеся кресты, а потом показалась и церковь.

Мы сразу определили, что это не остатки Успенского монастыря, а старая, действующая до сих пор Строгановская церковь. Правда, сейчас на дверях висел замок. На зубчатых ступенях виднелись железные прутья, которыми прижимали когда-то ковровые дорожки, устилавшие крыльцо по престольным праздникам.

Все разбрелись по погосту, рассматривая надписи на старинных крестах. На одной могиле вместо привычного креста увидели камень, очень похожий на пень средних размеров. Подошли ближе: да, действительно, мраморный пень. Сверху, в самой середине, овальное углубление, до краев наполненное вчерашним дождем. С одной стороны пень как будто стесан. На этом месте была надпись. Удалось разобрать только дату: 1815. Возможно, это год рождения или смерти. «Значит, здесь похоронен современник Пушкина», — и невольно уважительнее посмотрел на необычное надгробие. Скромное и даже бедное рядом с величавыми крестами, оно второе столетие пошло птиц чистой дождевой водой.

Снова подошли к реке. Нашего катера уже не было. Паром не ходил. Туман по-прежнему висел над водой. Я вспомнил, что где-то здесь на берегу стоял и строгановский дом.

ИЗ ПУТЕВОДИТЕЛЯ «ПО ЧУСОВОЙ»:

«До настоящего времени здесь сохранился двухэтажный строгановский дом трехсотлетней давности. Он стоит на самом берегу Чусовой около устья речки Усолки. Толщина его каменных стен достигает двух

ЛЕТ

метров. Дом имеет очень простую, но своеобразную архитектуру и отнесен к числу неприкосновенных памятников русской старины. Для осмотра его надо перейти на правый берег Чусовского залива».

Сейчас осматривать нечего. Дома нет, хотя Камское море и не дотянулось до него своими волнами...

Снова плывем по Чусовой — к Успенскому монастырю. Катер часто подает длинные, тревожные гудки. Минут через 20 он мягко ткнулся носом в береговую кромку, и мы, как десантники, дружно посыпались на берег.

Прибрежная кромка — несколько метров гальки, а дальше крутой, словно стены древней крепости, берег. Верхний край его терялся в тумане.

Мы отчаянно лезли по круче, будто собирались податься сразу на небеса. И вот из тумана возникли контуры приземистого, уверенно стоящего на этой круче храма. Здесь, на высоком берегу, туман несло рваными клочьями, и храм то неожиданно вышлывал из него, словно приближаясь к нам, то снова как бы растворялся в тумане. Мы долго стояли, завороженные этим волшебством.

Вблизи храм представлял собой печальное зрелище. На месте больших и, несомненно, красивых когда-то ворот зияла черная пустота входного проема. Все перегородки внутри разрушены, пол забетонирован, повсюду битый кирпич. В одном месте на стене, кроме каракулей досужих туристов, мы увидели и остатки старой росписи.

Бродили по пустому храму, трогали руками его древние стены, пытались снова поддаться очарованию старины. Но нет, не получалось. Безнадёжно обшаривали мы глазами каждый уголок: взгляд повсюду наткнулся на варварские следы разрушения. Не время оставило эти следы — человек.

С катера я долго смотрел на одинокий, покинутый храм, пока он не скрылся из виду. Наверно, и Ермак смотрел на него в день своего отплытия. Но тогда только что остроенный храм сиял всеми своими красками. Это рукотворное чудо человека вселяло и силы, и надежду.

Сейчас старый храм напоминал нам горестно и мудро: «Люди! Цените свой труд, берегите красоту, не оставляйте после себя пустыню».

...В этот день во Дворце культуры у нас состоялись встречи со школьниками и жителями поселка. Завтра отплываем.

4 СЕНТЯБРЯ

Утром опять туман. Но всем нам, обвешанным фотоаппаратурой, наверно, не меньше, чем Ермаково воинство оружием, очень хотелось сделать хорошие снимки на память. И мы надеялись, что к моменту старта нашей флотилии солнышко сумеет вырваться из этого белого плена.

И вот первые километры пути. Говорят, в этих местах преобладают западные ветры, и Ермак использовал паруса. Наши катамараны тоже оборудованы парусами,

поднять их секундное дело, но, к сожалению, сегодня этого не требуется — дует легкий встречный ветер.

Почему-то постоянно хочется называть наши плавсредства стругами, хотя они даже отдаленно на них не похожи. Один катамаран сделан из байдарок, второй — из двух резиновых гондол, обтянутых плотной грубой тканью. На каждом экипаж из четырех человек.

Машем веслами дружно, но не все достаточно умело и согласованно. Продвигаемся медленно. «Струг» из байдарок оказался намного быстрее. Сразу дали ему название «ертаульный» — так назывался легкий разведывательный струг Ермака. Мы на своем грузовом стали безнадежно отставать. Тогда «адмирал» (так мы окрестили нашего спортивного руководителя Альберта Климова) принял решение тащить его по-бурлацки — бечевою. Дело пошло веселей, скорость заметно возросла.

Лето в этом году было сухое, жаркое, вода невысокая. Буи, обозначающие фарватер, во многих местах лежат на берегу. Прибрежная кромка обнажилась, идти по ней было бы совсем легко, если бы не бревна. Они неровной цепочкой протянулись вдоль берега. И по реке плывут бревна — молевой сплав продолжается весь сезон. Не всякое бревно доплывет по назначению — под водой видны бесчисленные топки.

Руслó реки резко повернуло влево, в излучине мы увидели костер и наш ертаульный струг. Ребята варили обед. Мы быстро сообразили, что медленное продвижение имеет для нас несомненную выгоду.

После обеда пошли на веслах. Залив, который образовала река, круто поменяв направление, полностью забит бревнами. Когда участок реки выровнялся, снова пошли по-бурлацки. Очень мелко, поэтому и привычной уже цепочки бревен на берегу нет. Только в одном месте застрял на мели небольшой, метра два всего, обрубок молодой сосенки. Она, видимо, была срублена совсем недавно, тоненькая кора еще не успела потемнеть и золотилась на солнце. Захотелось вытащить ее подалеже на берег, может, сойдется кому для дела.

Я опустил веревку и уже направился к ней, но тут вспомнил, что полчаса назад видел тысячи разбросанных по берегу бревен, до которых никому нет дела. Кому же нужен будет этот обрубок? И я прошел мимо. Но на душе стало как-то мутно. «Вот как получается: большой беспорядок рождает психологию расточительности».

Ертаульный струг опять скрылся из виду. Мы идем без остановки. Если удастся иногда несколько минут просто пройти по берегу, не налегая на веревку, — это уже отдых. Садимся на весла только тогда, когда по берегу трудно пройти. В этом случае огибаем препятствие или переплываем на другой берег.

Стало темнеть. Мы пристальнее вглядываемся в берега в надежде увидеть огонек нашего костра. В сумерках вода приобрела смоляной оттенок. Руки с непривычки устали. Кажется, запустишь сейчас весло в эту вязкую смолу — и не вытащишь.

Только в 10 часов, уже в полной темноте, увидели мы наконец долгожданный огонек. За первый день прошли 18 километров.

5 СЕНТЯБРЯ

За день пройдено 19 километров. Маловато, конечно, но жаловаться не на что — работали, как могли, на пределе.

Ветер опять был встречный, нам не помощник. Утром немного задержались с выходом, подклеивали одну из гондол нашего катамарана. За ночь она совсем спустилась. Но главное не это. Сегодня, на второй день пути, мы перестали чувствовать подпор Камского водохранилища, скорость течения усилилась. Катамаран трепыхается на веревке, как огромная рыбина. Тащить его стало труднее.

Начались обширные мели, довольно стремительные перекаты, где бревна летят нам навстречу, словно вражеские торпеды. Один из перекатов не смогли преодолеть с первого захода. Пришлось частично разобрать затор из бревен и нарастить конец веревки, на которой мы тащили наш струг. Сотни полторы бревен отправили вниз по реке. Жаль, некому было выписать наряд на эту работу.

Ертаульный струг, видимо, преодолел этот перекат удачнее. Обеденное время давно прошло, а мы так и не смогли его догнать. Хорошо еще, что я оставил в своем рюкзаке сыр и сухари — привычка пешего туриста все свое носить с собой. Тяжко пришлось бы нам без этого перекуса. Но мы не останавливались даже поесть: двое садились на катамаран и жевали, а двое других продолжали тянуть бечеву.

Показался остров с суровым названием Дикий. Это самый большой остров на Чусовой. Длина рукавов, огибающих его, более восьми километров. Мы повели струг левой, более широкой протокой.

Свое название остров, может быть, когда-то и оправдывал, но сейчас выглядит вполне мирно и культурно. Плоский, берега поросли кустарником, небольшие перелески разделяют луга и покосы.

Протокой идти довольно легко, течения почти не чувствуется. Появилась возможность отвлечься от борьбы с течением и немного пофантазировать. Как Ермак со своей дружиной проходил здесь на стругах?

Впечатления сегодняшнего дня несколько поломали в моем воображении картину дружно плывущей по Чусовой флотилии Ермака. Несомненно, река за 400 лет значительно изменилась. Видимо, была полноводнее, без мелей. Не могли люди раньше себе позволить и такой роскоши, как тысячи затонувших бревен. Ну а течение-то было, пожалуй, даже посильней.

Во многих местах, как ни старайся, на веслах не поднимешься. Тем более на грузном струге. Немного, наверно, Ермаку довелось плыть по Чусовой, большую часть пути пришлось тащить струги по-бурацки.

Сколько же было у Ермака стругов? Они нужны больше для подъема вверх груза и военного снаряжения. Нужен ли был ертаульный струг, если его все равно приходилось тащить на веревке?

За этими мыслями я и не заметил, как пролетело время. Тем приятнее было увидеть огонек костра, привычно маячивший нам из густеющей темноты. День 6 пожалуй, не легче, чем первый, но устали уже мен-

6 СЕНТЯБРЯ

До Чусового 25 километров. Так что день предстоит тяжелый, возможно, придется прихватить в пути и часть ночи.

Встали рано. Тепло. Сегодня не только тумана, но даже и росы нет на свисающих прядях осоки. Покинули лагерь под монотонный перезвон ботал. На остров Дикий гнали пасти реденькое стадо коров из деревни Нижняя Лещевка.

Я пошел по деревне. Во многих огородах копают картошку. День воскресный, и погода самая подходящая, хотя и пасмурно.

Наконец-то, на третий день, подул попутный ветер. Поставили парус. Вода стремительно проносится между

гондолами. Если смотреть на нее, то кажется, что мы не плывем даже, а почти летим. Скорость хорошая. Торцы полузатонувших бревен, качающиеся, словно черные мячики, по всей реке, быстро скрываются за кормой. Только успеваем подгрести, чтобы не напороться.

Прошли под парусом километров семь. Впереди показался остров, на нем драга. И тут припустил дождь. Крупный. Вода в реке словно закипела. В небе даже громыхнуло.

Когда обогнули остров, увидели дымок на берегу. Нас ждал готовый обед, ребята успели сварить его до дождя. Набрисав на себя полиэтиленовые пленки, быстро поели и сразу двинулись дальше.

Дождь постепенно терял летнюю силу, но приобрел осеннюю уверенность и монотонность. Ертаульный струг опять ушел вперед. Напротив поселка Лямино мы догнали его. Ребята сильно пропорзли одну из байдарок. Срочно разгрузились, чтобы заклеить дыру. Нашей помощи не требовалось, и мы ушли вперед.

Уже стемнело, когда показалися огни города Чусового. Вспомнилось избитое выражение «очаг цивилизации» — оно придумано будто специально для этого города. Крутые берега не дают ему разбежаться вдоль реки, а металлургический завод, составляющий основу города, дымит и дышит пламенем, создавая, особенно в темноте, полную иллюзию огромного очага.

11 СЕНТЯБРЯ

Город Чусовой остался далеко позади. Прочитаны лекции, посажены деревья, много было интересных встреч. Особенно запомнилась встреча со старым коммунистом А. С. Шелковниковым. Узнав, что будет проходить экспедиция, он специально приехал в Чусовой из Перми. Много рассказывал нам о становлении Советской власти на Урале, показал свои материалы. Уже на протяжении многих лет он собирает сведения о жертвах колчаковского мятежа, уроженцев этих мест. С волнением листали мы эти страницы...

И вот мы плывем дальше. Круче становятся повороты, быстрее перекаты — попутный ветер поймать в паруса трудно. Чаще всего по-бурацки тянем наши струги на бечеве. Рыбаки, сплывающие по реке на своих моторках, заметив нас, замедляют ход. Интересуются, удивляются, некоторые предлагают взять на буксир, протащить с десятка километров, но мы отказываемся без сожаления. Во время Ермака моторок не было — не собираемся их использовать и мы. А кроме того, чем медленнее мы идем, тем больше успеваем увидеть. Жаль, что нет с нами археолога. Вода в этом году низкая, чистая. На мелях попадаются интересные предметы: крупные кованые гвозди, необычной формы узкая подкова, топор...

Все чаще по берегам реки высятся грозные скалы — бойцы, как издавна зовут их на Урале. Они поражают своей суровой красотой, удивляют названиями: Шайтан, Плакун, Башня, Гнутый, Щит, Отметыш...

На многих из них надписи проплывавших здесь туристов. Стыдно за людей, недогнувшей рукой портящих такую красоту. Этот современный образованный дикарь, еще собирая в дорогу рюкзак, заблуждается: «Не забыть бы банку с краской поярче и малярную кисть». Не такие ли «туристы» оставляют свои неровные каракули на стенах общественных туалетов?

12 СЕНТЯБРЯ

Сегодня утром привычные уже капли не стучали в палатку. Когда вышли на маршрут, день совсем разгулялся. Сухо, временами даже выглядывает солнышко. Мы с Олегом бредем по мелководью, тянем за собой катамаран. Из-под сапог, словно салютуя каждому нашему шагу, летят кристальные брызги. Особенно красивы они в те минуты, когда выглядывает солнце.

— Смотри, Олег, какая чистая вода. Честно говоря,

и ожидал увидеть Чусовую грязнее. Действуют, значит, очистные сооружения?

Но он отвечает неожиданно резко, почти зло:

— Ерунда все это. Мало сделать воду чистой, надо сделать ее живой. Ты видишь, сколько топляков в реке, все дно усеяно. Они же гниют, уменьшают содержание кислорода в воде. В результате здесь не могут жить рыбы форелевых пород — хариус, таймень, голавль. А ведь Чусовая — идеальное место для них. Вторую сотню километров идем, и везде камень, песок на дне, быстрое течение. Ты вот вчера названиями камней восхищался. Помнишь — Стерляжий? Значит, и стерлядь когда-то водилась. Бракенеры остатки рыбы вылавливают, кто как может: сетями, переметами... Моторки по реке сплывают, сколько мальков выплескивают. Мало того, еще карбидом глушат. Видал кучки пепла по берегам? Ты говоришь — очистные сооружения... Надо людям на душу, на совесть очистные сооружения ставить, прежде чем выпускать в лес, к реке, озеру.

После такого разговора мне уже не казалось, что фонтанчики брызг салютуют шагам человека по земле...

Дальше пошли места, наводившие когда-то ужас на людей, сплавлявших барки с грузом по Чусовой. Грозные, погубившие не одну сотню бурлацких жизней бойцы. — Разбойник, Крикунчик, Молоков.

Излучина, действительно, очень опасна. Легко представить, как несетесь здесь вода в весеннее половодье! На левом песчаном берегу, напротив Разбойника, будто до сих пор лежат остатки разбитых плотов. Но увы! Это все те же топляки.

С начала пути пройдено 127 километров.

14 СЕНТЯБРЯ, СЕЛО ВЕРХНЯЯ ОСЛЯНКА

Почти на границе областей стоит на Чусовой камень, встречу с которым мы особенно ждали: камень Ермак с его легендарной пещерой. Словно неведомый великан выдолбил дыру в середине скалы. Попасть в нее можно только спустившись сверху по веревке.

Бывал ли Ермак в этой пещере? Наверно, незачем ему было сюда залезать. И вряд ли оставал он тут свои богатства. Но все же здесь как-то особенно остро чувствуешь, что шел он вдоль этих берегов со своей дружиной.

К вечеру дошли до села Верхняя Ослянка. Первый раз ночевали не в палатках, сходили в баню.

Ермаульный струг из байдарок изрядно потрещало на перекатах, не успеваем латать дырки. Так как большой воды и дальше не ожидается, пойдем на одном катамаране. Благо, грузоподъемность у него хорошая, хоть и тащить трудновато. Предполагаем, что на Серебрянке и он сядет у нас на мель. Да, не удалось бы Ермаку попасть в Сибирь, если бы Чусовая уже к тому времени успела так обмелеть.

15 СЕНТЯБРЯ, РЕКА ЧУСОВАЯ

Когда перед отплытием из Верхней Ослянки мы грузили рюкзаки на катамаран, какой-то прохожий поинтересовался:

— Далеко ли плывете?

— Вверх по Чусовой поднимаемся, а потом по Серебрянке пойдем, по пути Ермака. 400 лет минуло, как прошел он в этих местах.

— Вон оно что! Хороший у вас отдых.

То, что он назвал наши мучения по преодолению перекатов, течения, мелей отдыхом, да еще хорошим, неприятно кольнуло. В его словах послышался упрек: все, мол, делом занимаются, а вы вот отдыхаете.

Я попытался возразить:

— Какой же это отдых? Целый день, как бурлак, лямку тянешь. Днем мокнем, а ночью еще мерзнем.

Но он настаивал на своем:

— Раз с удовольствием, значит, отдых.

Конечно, мы получаем удовольствие, пожалуй, толь-

ко увлеченность идеей и помогает нам сносить все тяготы изнурительной борьбы с течением. На секунду ослабь веревку, отпусти весло, и река неумолимо тянет вниз. Но спорить было некогда, я промолчал.

Провожали нас на берегу несколько мальчишек да какой-то молоденький внушительных размеров пес, которому вчера мы скормили остатки ужина. Когда мы двинулись в путь, он побежал за нами. Сначала мы не придали этому значения, но когда околица села осталась далеко позади, забеспокоились. Обращаясь к нему серьезно, как к человеку, стали уговаривать: «Слушай, что ты за нами бежишь? Мы возвращаться не будем, иди лучше назад».

Километра через два нам потребовалось переплыть на другой берег, мы погрузились на катамаран и поплыли. Пес заметался по берегу, сунулся было в воду, потом лег в осоку, положил голову на передние лапы и не жалобно, а как-то горько завыл.

Мы молча гребли, а когда доплыли до середины, пес прыгнул в воду. От неожиданности мы растерялись. Ширина реки в этом месте метров 50, вода ледяная и течение сильное. «Сейчас вернется», — подумал я. Но пес злыл и плыл, слегка подвывая.

Мы причалили, вскоре выбрался на берег и он. Долго стращивал с себя воду, катался по траве, терся о кусты. Потом укоризненно тявкнул и снова побежал впереди нас. Мы сразу прониклись к нему уважением и больше от себя не гнали.

Когда проходили мимо деревни Бабенки (поселок Заречный, как называют ее сейчас), я решил пройти по улице. Хотелось понять, за что дали деревне когда-то это необычное название.

Улицы были пусты, окна многих домов заколочены. Уже в самом конце деревни увидел старушку, вынимавшую газеты из почтового ящика на воротах. Подошел.

— Здравствуйте, бабушка. Что в газетах пишут?

— На, погляди. Откуда идешь-то?

— Экспедиция у нас, — я кивнул в сторону реки, — вверх идем.

— Проверяете чего али ищите?

— Проверяем, бабушка, проверяем. Как живете-то?

— Да уж как жись! Изю всей деревни четырнадцать дворов осталось. Приезжают котеры, картошку сажают, а как дома и вовсе брошены. Старики-то есть, век доживают.

— А вам сколько годов-то?

— Да вот уж 70 стукнет. Нонче страдовала еще. С сыном живем, корову держим. С покосу-то идем в потемках, дак жуть берет: избы черны стоят, ни дымочка, ни огонечка.

— Летом туристов, наверно, много плывет?

— Ну их! Лучше бы и не было. То хлеба попросят, то еще чё. Нам самим-то хлеб привозят два раза в неделю, а как отказать? Да еще озоровать стали. В огородах пакостят. Курицу вот черную украли. Така хороша курица была, ласковая.

Стыдно мне стало, что и меня можно причислить к этому разбойному племени. На лбу, как говорится, не написано... Я попрощался и заспешил догонять ребят.

16 СЕНТЯБРЯ, СЕЛО КЫН

Сегодня прошли старинное уральское село с нерусским названием, оно расположено на месте впадения в Чусовую небольшой речки Кын. Так назвали ее когда-то коми за очень холодную воду (кын в переводе с их языка означает «холодный»). Позднее Строганов заложил здесь железодельный завод. Церквушка, прилепившаяся на склоне горы, напоминает нам о прошлом.

17 СЕНТЯБРЯ, УСТЬЕ РЕКИ СЕРЕБЯНКИ

Первый камень-боец, встретивший нас утром за поворотом, назывался Печка. В скале, нависшей над водой, река промыла полукруглую нишу. Эта ниша и придавала

скале большое сходство с русской печью. Вспомнилось, как Емеля приехал когда-то на печи за водой, да так, видно, и оставил ее здесь, на берегу...

Перевалило уже далеко за полдень, когда мы подошли к устью реки. Серебряная — так называют ее местные жители. Вода ее заметно отличается по цвету от воды Чусовой, словно разбавлена чем-то. Пытаюсь подобрать подходящее сравнение: молоком, мемом, известью — все не то. Самый точный оттенок в ее названии — серебряная.

Беглого взгляда на реку оказалось достаточно, чтобы понять, что тянуть по ней наш «струг» вверх практически невозможно. Если на Чусовой перекаты перемежались большими плесами, то здесь, в устье, Серебрянка предстала как один мелкий, но достаточно сильный перекат. Берега заросли кустами, тянуть бечеву во многих местах нельзя. Сходили на разведку вверх километра на полтора, но и так было все ясно.

Вывод напрашивался один: дальше идти вдоль русла пешком, без катамарана. Мы не могли бросить его, как Ермак побросал когда-то в верховьях Серебрянки свои струги, а для переноски в рюкзаках он был тяжеловат. Кому-то надо было сплавлять катамаран назад в Верхнюю Ослянку. Миша Григорьев и Алик Климов — наши водные асы — добровольно согласились это сделать. Я понимал, конечно, чего им стоит отказ от прохождения части маршрута, поэтому был особенно благодарен за эту необходимую инициативу.

Вместе пройдено по Чусовой 216 трудных, но счастливых километров.

19 СЕНТЯБРЯ

Вчера начался новый этап нашего пути. Веревку тянуть не надо, рюкзак довольно легкий, бежим, будто нас не от катамарана, а от забора отвязали. Поглядываем только по привычке на воду да прикидываем, как же здесь Ермак Тимофеевич поднимал свои струги.

Изменилась, конечно, река за 400 лет. Но как изменилась? Кое-где драга ее перелопатила, деревья по берегам повыврубали, обмелела она, ослабла. Правда, сейчас лес у реки давно не рубят, дружно обступил ее берега тонконогий березняк да осинник. А казакам-то Ермака пришлось здесь помятаться!

Как ни странно, но прошли мы за первый день, пожалуй, не больше двадцати километров. Дороги, уводящие от русла, мы не используем, а рыбацкая тропа непостоянна, да и потерять ее легко — ступи только шаг в сторону.

К вечеру набежали тучи. Дождь, то усиливаясь, то ослабевая, шел всю ночь. Не прекратился он и сегодня утром, поэтому с подъемом мы не торопились. Когда дождик, притомившись, взял первую передышку, мы успели приготовить завтрак. Во время второй — свернули палатку и уложили рюкзаки. Дождь, словно спохватившись, полил с новой силой, но мы уже шли, подняв голенища сапог и надев полиэтиленовые накидки.

«А ведь у Ермаковых казаков не было ни плащей, ни резиновых сапог», — подумал вдруг я и сразу почувствовал, как уютно ногам в теплых шерстяных носках за надежной литой резиной.

С небольшими перерывами дождь продолжался до самого вечера.

21 СЕНТЯБРЯ, СЕЛО СЕРЕБРЯНКА

Вчера, в сумерках уже, поднявшись на высокий берег, мы увидели внизу большое село — Серебрянку. Ровными рядами, словно палаточный лагерь, выстроились потемневшие от дождя квадратные деревянные крыши, среди них белым шатром выделялась церковь. На улицах никого. Моросит дождь.

Спустившись к селу, у вездесущих мальчишек мы узнали, что в селе есть баня, а работает она сегодня до восьми. Было уже семь часов, и мы торопливо зашагали по деревянным тротуарам.

До чего же приятно, выйдя прямо из тайги, из дождя, скинув в предбаннике тяжелые, намоченные рюкзаки и одежду, окунуться в томное тепло, поддать парку! Говорят, древние римляне важные государственные вопросы решали в бане. Мы тоже попытались решить самый важный для нас сейчас вопрос: где остановиться на ночлег?

Словоохотливый истопник посоветовал нам обратиться к студентам из строительного отряда «Ровесник» Нижнетагильского филиала УПИ, которые еще продолжали строительство в селе, ремонтировали пекарню и детский сад.

Несмотря на позднее время, они были еще на работе. Скоро пришел их командир Сергей Тумачек. Высокий, крепкий и, почему-то сразу подумалось, надежный парень.

Часть ребят из отряда уже уехала, поэтому разместить нас не составило труда. Сразу после ужина состоялась встреча со студентами. Говорили и об историческом походе Ермака, и о современных проблемах Чусовой и Серебрянки. Экспедиция подходит к концу, и нам есть что рассказать. Разговор затянулся за полночь.

Утром мы не торопились с выходом. Надо было дожидаться сплавщиков катамарана Алика и Мишу, докупить продуктов, попытаться уточнить карту и обязательно передать, наконец, давно подготовленную информацию в областную газету «На смену!». Уже в двух предыдущих пунктах я не смог этого сделать из-за отсутствия устойчивой телефонной связи.

Деревянный домик, в котором разместилось все почтово-телеграфное хозяйство села, был совсем недалеко. Разговор со Свердловском дали на удивление быстро, и, что самое главное, слышимость была хорошая.

В лесничестве, убедившись в моей причастности к охране природы, дали посмотреть карту с квартальной разметкой, часть ее я перенес к себе на кальку.

23 СЕНТЯБРЯ, РЕКА КОКУЙ

Утром, выглянув из палатки, я залюбовался нежданной красотой. Некошенный луг на противоположном берегу серебрился в лучах восходящего солнца, осока устало свесила в воду свои вдруг поседевшие пряди: это был первый иней.

По всем приметам, сегодня к вечеру мы должны дойти до Кокуя, но за вчерашний день не встретили ни одного квартального столба, ориентироваться приходится, в основном, по изгибам реки, а их так много, что порой кажется даже, будто идем по кругу.

Когда мы заканчивали завтрак, метрах в двухстах ниже по течению увидели двух мужчин с ружьями и собаками. Они шли вдоль берега в нашу сторону. Я обрадовался: «Охотники. Сейчас можно будет уточнить, где мы находимся». Но они, заметив нашу палатку и дымок костра, так быстро скрылись в лесу, что даже собаки тявкнуть не успели.

«Опять браконьеры», — зло подумал я. Высшей несправедливостью показалась мне стрельба по живому в это чудесное утро.

Когда-то Пришвин написал серию очерков о природе «В краю непуганых птиц». Если писать подробные заметки о нашем путешествии, то, пожалуй, их можно объединить названием «В краю непуганых браконьеров». Честно говоря, не ожидал я увидеть такого массового, спокойно-обыденного истребления рыбы и дичи. Особенно рыбы. Если лесной зверь или птица имеют еще небольшой шанс убежать куда-то, улететь, забиться в чашу (может, поленится охотник туда залезть), то рыбе не убежать, вся она здесь, в реке. И весной, несмотря ни на что, снова пойдет вверх, в мелководные притоки, чтобы, повинаясь инстинкту, продолжить свой род. Особо легко брать ее, беззащитную, в это время.

И берут. Всеми способами: и запрещенными, и совсем варварскими. А главное — безнаказанно!.

Сегодня с утра безнадежно пытаюсь «привязаться» к квартальной просеке. Кручу головой, оглядывая берега, — нет просеки! В одном месте принял за нее старую лесовозную дорогу. Пройшел километра полтора от берега реки и вышел на край огромной, совсем еще свежей вырубки. Дальше леса не было. Уваа, рисующий правую дугу горизонта, был лысым. Вот тебе и чаща! Вот тебе и дикие места! Оказывается, и зверю-то бежать некуда. Только что и осталась полоска леса вдоль берега — водохранилище. Сумеет ли она спасти реку, а тем более зверье?..

Как ни странно, но чем дальше мы идем, тем шире и полноводнее становится Серебрянка, словно спускаемся вниз по реке, а не поднимаемся к ее истокам. Появились длинные плесы, разделенные перекатами. Сначала мы удивлялись этому, но, получше изучив карту, нашли объяснение. Серебрянка течет строго вдоль западного склона Уральского хребта, плавными извилинами огибая его отроги, и только перед самым впадением в Чусовую круто скатывается с хребта, пробивая себе дорогу сквозь скалы. Здесь она узка и стремительна.

В некоторых книгах говорится, что проводники рекомендовали Ермаку для подъема на Уральский хребет реку Межевую Утку.

Возможно, это и так. Если составить представление о Серебрянке по ее низовьям, то трудно отважиться подняться по ней.

Подойдя к устью Кокуя, мы в беспорядке побросали рюкзаки и молча разбрелись в разные стороны. Каждому хотелось побыть с этой речкой наедине.

Это место было конечной целью нашего путешествия. Некоторые историки считают, что здесь Ермак построил небольшое укрепление для зимовки своего воинства. Сейчас на этом месте ничего нет. До наших времен дошло только название: Кокуй-Городок.

Стремительно сожмулся пропасть времени, словно и не было четырех столетий, отделяющих нас от Ермака. Не было тех людей, которые до нас уже ходили по этим берегам.

Я пошел от реки в глубь леса, представляя, что Ермаковы казаки бродили когда-то здесь, выбирая деревья крепче для своих стругов и укреплений. Внимательно вглядываясь в деревья: «Да, пожалуй, среди вас нет ни одного свидетеля тех времен. Все обмолвилось. Все!»

Возвращаясь, наткнулся на остатки испорченного ствола. Совсем трухлявый, он уже покрылся толстым слоем мха. На нем, как на аллее, ровным строем стояло десятка полтора аккуратных маленьких, словно игрушечных, елочек. Я присел около них, дотронулся до одной — нежные лапки были уже колючими. Да, этот-то великан запросто мог видеть Ермака. А сейчас вот красавица внучек растит. Немало, должно быть, повидал он за свой долгий век.

Начало темнеть, пора разводять костер, ставить палатку, но я не торопил ребят. Наступили те самые звездные минуты, ради которых мы почти целый месяц поднимались по Чусовой и Серебрянке на Уральский хребет. На душе было спокойно и радостно, как после хорошо выполненной трудной работы.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Отправляясь в экспедицию, мы не ставили цели проводить исторические исследования. Основная работа на маршруте заключалась в обследовании бассейна Чусовой и Серебрянки. Но тем не менее уже сама по себе наша экспедиция представляла известный «проходческий» эксперимент. Мы убедились в одном твердо: поднять вверх по Чусовой груженные струги было непростым и не скорым делом.

И вот, по размышлении, приходишь к какому вы-

воду: Ермак отправился в дальний путь осенью. До ледостава у него оставалось времени мало.

Историков, исследовавших путь Ермака, выручала, и вернее сказать, запутывала мысль о зимовке на Уральском хребте, она, зимовка, продлевала путешествие Ермака на целый год.

Современные исследования все больше подводят к мысли, что зимовки не было. Был кратковременный набег — смелый и дерзкий. Конечно, русских казаков отличали такие качества, как смелость и быстрота, но не надо их путать с суетой и поспешностью в принятии решений. То, что они делали, старались делать надежно и основательно.

Отметим также, что Ермак во время похода был ограничен не только временем, но и немногочисленностью дружины, а у сибирского хана Кучума были значительные силы.

Царское послание Строгановым от 16 ноября 1582 года, которое, как теперь говорится, точно датирует начало сибирской экспедиции Ермака, гласит: «Писал нам воевода из Перми, что послали вы из острогов... Ермака с товарищи воевать сибирские места сентября в первый день, а в тот же день сибирские люди к Чердыни приступали и наших людей побили и многие убитки нашим людям починили».

За год до этого было нападение сибирских людей на владения Строгановых на Чусовой. Тогда царь Иван IV в специальной грамоте от 6 ноября 1581 года приказал Строгановым и чердынскому воеводе действовать совместно в случае подобных нападений.

Думается, что Ермак знал о регулярных осенних нападениях Кучумовых воинов, но понимал, что гоняться за его отрядами хлопотно, бесполезно и, главное, невыгодно — разгромив военный отряд, не возьмешь богатой добычи.

И Ермак пустился на военную хитрость. Летом, по межевой воде, он поднял свои струги на Уральский хребет, приготовился к сплаву по сибирским рекам. Историки упоминают еще такой факт, что в период осенних дождей наступало малое половодье и уровень воды в горных реках поднимался до двух метров. Такое половодье могло сильно затруднить и даже сделать невозможным подъем вверх по Серебрянке.

Получил ли Ермак точное сообщение о нападении на Чердынь или предположил, что такое нападение произошло, установить сейчас, пожалуй, уже невозможно. Но можно предположить, что во время осеннего половодья, скатился он с Уральского хребта в сибирские реки и отправился в свой дерзкий рейд по тылам противника.

Расчет Ермака оказался правильным, Кучум не смог и не успел оказать дружке настоящего сопротивления — главные его силы в это время «воевали» Чердынь.

Конечно, нарисованная мной картина не подкреплена историческими данными, это всего лишь домысел. Но тем не менее я склонен думать, что подъем груженных стругов вверх по Чусовой и Серебрянке и волок, как самая трудоемкая работа, были не началом похода, а его подготовкой.

В сентябре Ермак начинал свой легендарный поход уже за Уральским хребтом.

60
лет СССР

Богатый, суровый край Ямало-Ненецкий автономный округ.
Более половины его территории — за Полярным кругом.
Многолетняя мерзлота,
продолжительные морозные зимы и — удивительные недра.
Еще в тридцатых годах начались геологические изыскания в округе.
«Уральский следопыт» 1935 года много писал об этом.
А в первом номере нашего журнала,
начавшего выходить регулярно с апреля 1958 года,
уже рассказывается об изначальных скважинах, давших природный газ.
Ныне широко известны месторождения Медвежье, Уренгойское,
Северо-Комсомольское и другие.
Неузнаваемо преобразился округ.
Раньше почти поголовно неграмотные ненцы
стали культурным народом, полноправным в единой
многонациональной семье нашей советской Родины...
Вся жизнь поэта Леонида Васильевича Лапцуя
связана с этими знаменательными переменами в жизни ненцев.
Родился он в 1932 году в семье оленевода.
Был пастухом, рыбаком, служил на рыбзаводе.
Окончил отделение журналистики Высших курсов при ЦК ВЛКСМ.
Был на комсомольской работе в своем округе,
заместителем председателя райисполкома.
В 1960 году вышел первый сборник его стихов «Цвети, мой Ямал».
Замечательному труду земляков-северян, верной дружбе,
родной природе были посвящены все его стихи.
Леонид Лапцуй умер, не дожив нескольких дней до своего пятидесятилетия.
Нас связывало с поэтом долгое и доброе сотрудничество.
Поэма «Поляна» — последнее произведение, которое он прислал нам.

Леонид ЛАПЦУЙ

Рисунки
В. Меринова

ПОЛЯНА

Поэма

Над весенней лесотундрой
Солнце заблестало.
Лес осыпан белой пудрой,
Тундра — пудрой алой.
Пляшут отблески рассвета
Птицей красноперой —
Вот пока и все приметы
Оттепели скорой.

Дальний юг манит погодкой —
Там весна в разгаре.
Здесь же день еще короткий,
Словно нос гагарий.
Но уже трепещет хвоя,
Дав разгон капелям,
И выходит все живое
Встретиться с апрелем.

По тропинке, спозаранку,
Молча пасти щеря,
Тихо вышли на полянку
Два таежных зверя.
На весенний мир глаза,
Щурились спросонок.
Шла медведица, а с нею —
Малый медвежонок.

И медведица глядела,
Не близка ль добыча,

Медвежонка то и дело
Теплой мордой тыча.
Разбирать его учила
Запахи и краски...
А в лесу весеннем было,
Как в волшебной сказке!

День теплел. Пути змеились.
След спешил за следом.
Медвежонок прыгал, сияя
Разобраться в этом.
Он вставал на лапы тихо —
На две, на четыре...
Было тихо, очень тихо,
Слишком тихо в мире.

И, как будто раздраженный
Тишиной таежной,
Вдруг раздался протяженный,
Громкий, невозможный,
Страх несущий, вероломный,
Низкий гул, с которым
Пролетал вдали огромный
Вертолет над бором.

Заревело, запуржило,
Засвистело тонко,—
А медведица кружила
Возле медвежонка.
И металась, глухо вой,
В этой круговерти,
Увидав над головою
Приближенье смерти...

А малыш, не зная страха,
Тянет воздух носом,
Утыкается с размаху
В снежные заносы,
Лезет глупо и упрямо —
Посмотреть охота! —
И бежит, забыв про маму,
Прямо к вертолету...

Поднимается пороша
Прямо над машиной,
Медвежонка огороша,
Падает лавиной.
А березки бьются оземь,
Заметая стежку,
Слово горько молят: «Просим,
Пошадите крошку!..»

И, под ветром наклоненный,
Но прямой от веку,
Лес в округе бьет поклоны
Чуду-человеку.
За добычей не стремиться,
Чтобы впредь, на годы,
Сохранить живой частицу
Жизни и природы.

Им прислушаться бы, людям,
Что твердит рассудок,
Но бывает безрассуден
Дикий их поступок...

Медвежонек коготочек
Об обшивку точит,
А веселый вертолетчик
Рядом с ним хохочет.
Подхватил его под мышку,
Гладит лоб и спину —
И уже пихает мишку
Прямоком в кабину.

И тогда раздался сразу
Грозный рев — и рядом
Вертолетчик краем глаза
Увидал громаду:
В вековом снегу по пояс,
Грозно, без оглядки,
Шла медведица, готовясь
К рукопашной схватке.

Но уже закрылись с силой
Двери за пилотом —
И медведица вступила
В битву с вертолетом.
Вертолет, винтом вращая,
Стал взлетать отвесно,
Точно зверя ухрющая —
Ну, а тот ни с места!

Над таежным тихим кровом
Вертолет вертело.
А хозяйка леса с ревом
На шасси висела.
Как циркач воздушный, — выше
Сопок на равнине,
Подбираясь ближе, ближе
И верней к кабине...

Над таежною поляной
В блестках синих льдинок
Разгорелся этот странный
Дикий поединок.
И могло ведь так случиться —
Страшная картина! —
Что, как раненая птица,
Рухнет вниз машина!

И погибнет все живое —
Люди и медведи,
И затанет снеговой
Пеленою эти
Обнажившиеся кочки
Подо льдом белесым...

«Отдавайте мне сыночка!» —
Рев стоял над лесом.

Вихрь поземкою метельной
Всю округу будит.
Пред опасностью смертельной
Онемели люди.
И открыв окно кабины,
Жизнь свою спасая,
Как на мягкую перину,
Мишку в снег бросают.

И за медвежонком следом
Тут же отцепилась
Мать-медведица — и с неба
В тот же снег схатилась.
Вот он маленький комочек,
Черный с буроватым,
На поляне, возле кочек,
На снегу примят!

Вертолет вспорхнул, как птица,
В тучах исчеза...
На поляне воцарится
Снова тишь лесная.
И ничто уже, быть может,
Никогда отныне
Не вспугнет, не потревожит
Эту тишь в долине.

Как бы я хотел, признаться,
Чтоб велось от века
Чуду-зверю не бояться
Чуда-человека!
Чтоб экзотике в угоду
Наобум не жили,
Не губили мы природу
И зверей щадили!

...Краткий день к концу подходит,
Поднялись туманы.
Мать-медведица уводит
Сына от поляны.
Кружит медленно по снегу
С медвежонком рядом
И глядит, глядит на небо
Долгим, грустным взглядом!..

*Перевел с ненецкого
М. Яснов*

Партизанская

**Евгений
ЕРМОЛОВИЧ**

Фото автора

Однажды я услышал по радио, что недалеко от Свердловска, в Сысерти, живет человек, сражавшийся в партизанских соединениях Белоруссии, Михаил Ильич Лысов. На следующий день я стоял у порога его дома.

Михаил Ильич оказался человеком нелегкой судьбы. В первых же боях с фашистами попал в плен. Бежал. Добрые люди вывели к партизанам. Опять сражался, теперь уже в тылу врага. После соединения партизанского края с регулярными частями Советской Армии дошел с пехотой до Германии. Не раз в составе танковых десантов ходил в атаки. Горела земля, горела броня, но он, словно заколдованный, оставался целым и невредимым. Тем временем на Урал, в его родную деревню, пришли одна за другой две похоронки. Первой мать не поверила. После второй надела черный платок и пошла в соседнюю деревню, поставила в церкви свечу, а пошел «раба божия Михаила».

Да, есть что вспомнить ему! Но о чем бы ни говорил Михаил Ильич, мысли его все время возвращались к белорусским лесам под Борисовом, где сражалась бригада «Дяди Коли». Там был его второй дом, там были его настоящие друзья.

Каждый год в начале июля Михаил Ильич укладывал в чемодан уральские сувениры, блокноты, магнитофонные пленки и улетал в Белоруссию на традиционный партизанский слет. На этот раз он предложил отправиться вместе.

Это предложение я ждал и с радостью, и с болью: в Белоруссию, к партизанам, вела меня память детства.

Во время войны наша семья оказалась под оккупацией. На улице звенели солдатские подковы и гремели бравурные немецкие марши. Мать обвинили в содействии партизанам и арестовали.

Мы с сестрой сидели в холодном темном доме и слушали, как где-то над городом пролетали наши советские самолеты. Дверь открылась, и в квартиру вошли двое в штатском. Оглядев внимательно комнаты, они подошли к нам.

— Мы все знаем! — сказал тот, что был повыше, и достал из кар-

мана пистолет. — Когда ваш отец уходил к большевикам, он спрятал в квартире вот такую штуку. Где она может быть?

Мы молчали.

— Хорошо. Можете сидеть. Мы найдем сами.

Эти люди перевернули все вверх дном, но интересовали их только вещи. Лучшее, что попадалось под руку, они складывали в чемодан. Один из них долго вертел в руках туфли:

— Отличная работа, но размер...

— Ничего, пригодятся!

Ночные посетители оказались представителями нового, немецкого порядка на земле. Тот, что повыше и пошире в плечах, долго ходил еще по городу в отцовской кожанке.

В то время мы с Люсей думали только о хлебе и дороге. В течение недели надо было собрать у соседей и знакомых как можно больше хлеба, чтобы в воскресенье отнести его матери в концлагерь Колдычево. А это шестнадцать километров хода. Туда еще как-то мы доходили, но назад уже ноги не шли.

И вот однажды у обочины дороги вдруг остановилась автомашина, крытая тентом. На дорогу выпрыгнули мужчины с карабинами в руках, подошли к нам и стали расспрашивать, куда и зачем мы идем. Потом они расступились, и вперед вышел высокий мужчина в кожаной черной куртке, перепоюсанной ремнями. Я не слышал, о чем говорил этот человек, а как зачарованный, смотрел на его куртку. Выше пряжки широкого ремня, слева и справа, в два ряда, шли металлические черные пуговицы с вытисненными на них настоящими пятиконечными звездочками. Командир говорил нам что-то хорошее, доброе. Потом взял меня своими крепкими сильными руками и высоко поднял над головой. Машина тронулась в путь, а люди с карабинами все еще махали руками.

Эта случайная встреча на проселочной дороге, истоптанной фашистскими сапогами, была для нас встречей с Родной, источником веры в то, что весь этот кошмар, обрушившийся на нашу семью, скоро исчезнет.

Слава

Вот почему я оказался у порога Михаила Ильича, вот почему летел вместе с ним в Белоруссию на очередной партизанский слет. Конечно же, став взрослым, я отчетливо понимал, что никогда больше не встречу человека в черной кожаной куртке — чудес на свете не бывает, но я должен был увидеть людей, рядом с которыми он сражался.

Как сейчас помню тот солнечный летний день: шумят на ветру молодые дубки, плачут у надгробий женщины в черных платках. Рядом с трибуной — памятник. Необычный, может быть, единственный во всей нашей стране. Посвящен он всем народным мстителям, павшим в борьбе с завоевателями, а изображен на нем конкретный, знакомый здесь всем человек, — Борис Качан.

Служили в бригаде «Дяди Коли» два друга, два разведчика — сорвиголова Борис Качан и под стать ему Николай Кашай. Не раз поручались им такие задания, выполнить которые, казалось, просто невозможно. Но для друзей не было преград. Возвращались они в бригаду веселыми, жизнерадостными, словно ходили не на опасное дело, а на увлекательную прогулку. Однажды прикатили на легковом автомобиле. Вез их шофер очень важного немецкого офицера.

— Ох, хлопцы, не сносить вам головы! — скажет, бывало, кто-нибудь в сердцах.

— Ну что вы, ничего с нами не случится до самой смерти! — отшучивались друзья.

— А если меня, к примеру, убьют, — добавлял с улыбкой Качан, — то Колька мне памятник отгрохает. Он ведь у нас художник!

...Стоит на окраине белорусского села Буденичи памятник, вылепленный руками друга. На груди Бориса Качана автомат, сам он немного подался вперед и бережно отодвинул за спину мальчонку и девочку. Стоит Борис, как живой, смотрит вдаль и словно не может насмотреться на бескрайние партизанские леса. Где-то там вьется и та тропка, на которой оборвалась его жизнь. Так уж случилось, что этот памятник стал символом мужества и героизма всей бригады. Каждый год сюда съезжаются друзья по оружию,

У памятника героям-партизанам

чтобы вспомнить все, что было пережито вместе в этих лесах под Борисовом.

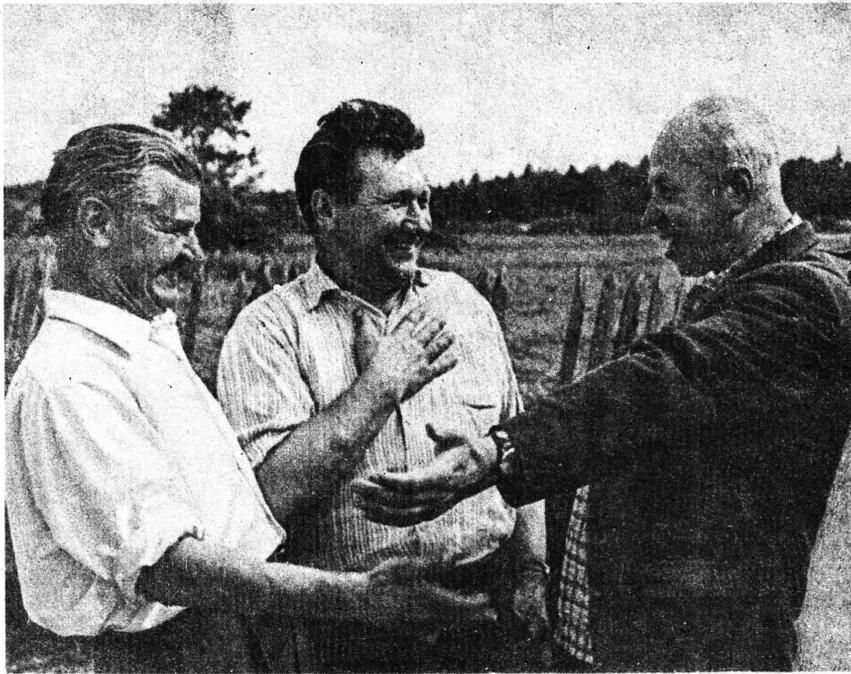
Памятник залит солнцем. Я смотрю на Бориса Качана и думаю о том, что он вполне мог быть тем человеком в черной кожаной куртке, который случайно повстречался нам на военной проселочной дороге. Мне кажется, вот-вот он поправит на груди автомат и посмотрит вниз, где полонцуют на ветру алые знамена и

шпирские галстуки, где среди разноцветья кофточек и косынок се ребром отливают волосы его друзей.

— Посмотри, Женя, налево, — говорит мне Михаил Ильич. — Вон тот, высокий, седой...

— Тот, что смеется?

— Да, это наш общий любимец, Шиманович. Толик. Так мы его зовем потому, что он был в отряде самым молодым, шестнадцати лет от роду ушел в партизаны. В ту пору

Встреча боевых друзей. Справа — А. П. Шиманович

многие называли его хлопчиком, а он рвал эшелоны так, что только щепки летели. Толик пустил под откосы семнадцать немецких составов. Вот тебе и хлопчик!!

Посмотришь на Шимановича в праздничный день — весельчак, тамада застолья. Но видели бы вы, как он прощался со своими друзьями-подрывниками. Стоит в центре Минска высокий седой человек и плачет. Плачет о том, что остались его друзья на этой грешной земле безрукими, безногими, с тяжелыми шрамами на суровых лицах, плачет о том, что на следующий слет кто-то из них уже не вернется, плачет о том, что пришлось вместе пережить...

...Произошло это в сентябре 1943 года: В расположение немцев были отправлены две диверсионные группы. Одну возглавил Иван Лизунов, вторую — Толик. Несмотря на то, что Шиманович еще не вышел из комсомольского возраста, ему доверяли судьбы людей. Юноша нравился командирам не только беззаветной отвагой, но и не по возрасту обдуманнми действиями.

Задание на сей раз не отличалось особой сложностью: надо было пробраться к железной дороге и при помощи противотанковых ружей вывести из строя паровоз идущего на фронт эшелона.

Уже подходили к шоссейной дороге Жодино — Логойск, когда вдруг увидели, что со стороны дерев-

ни кто-то бежит. Остановились. Подождали. По дороге бежал старик. Он оглядывался, падал, поднимался и опять бежал из последних сил, что-то крича.

Когда он оказался рядом, партизаны неожиданно вышли на дорогу:

- Куда спешишь, отец?
- О господи, никак партизаны?
- Они самые.
- Родные наши, хорошие. Ратуйте... Спасайте — немцы приехали!
- Не можем, отец, — срочные дела.

— Да як же ж это? Да куды вы? Хлопчики, родные, да они ж деревню жечь собираются. Людей в сарае сгоняют.

Это была деревня Мгле на «нейтральной полосе», где подрывникам, возвращавшимся с задания, всегда находились и кусок хлеба и кринка молока.

Бой начался успешно. Захваченные врасплох полицейские побросали факелы и стали отходить к дороге. Вот уже раскрыты настезь ворота сарая, вот уже замолк вражеский миномет. Неожиданно со стороны Жодино появились еще две автомашины. На дороге замелькали зеленые и черные шинели.

— Отходить через картофельное поле! Беречь патроны!

Сраженный наповал, упал Мишин. Убит Бужко. Вскрикнул Дудник, и за ним потянулся кровавый след. Рядом упал Анищенко:

— Толик, пристрели, не оставяяй гадам!

Немцы уже отрезали отступающих от леса. Положение становилось безвыходным. Нужно было прикрыть раненых огнем, но как? Толик снял с ремня последнюю гранату, бросил ее в сторону карателей и, пользуясь взметнувшейся к небу землей как прикрытие, перескочил на новое место. В это время со стороны кустарника, куда отползли раненые, раздались автоматные очереди.

Все... Теперь надо было заставить себя подняться, взять автомат за раскаленный ствол и пойти на врага. Это лучше, чем плен... И вдруг Толик услышал, что где-то далеко-далеко, все нарастая, звучит русское «ура-а!»

Погибших похоронили на развилке двух дорог, одна из которых вела в партизанский край...

Я был на месте боя. Деревня Мгле жила обычной жизнью, и трудно было представить, что вместо хат здесь могло остаться седое пепелище, а вместо сарая — одна-единная могила для всех сельчан. На поле, по которому отступали партизаны, колосилась рожь.

Здесь, в партизанском краю, я услышал еще одну историю.

...В сорок четвертом году под стремительными ударами Советской Армии фашистские войска откатывались на запад. Партизаны не давали им ни минуты передышки: летели в воздух мосты, составы с техникой и живой силой. Немцы ввели в действие регулярные армейские части, усиленные артиллерией и авиацией: началась последняя, самая кровопролитная блокада партизанских соединений. Бригада «Дяди Коли» оборонялась в районе озера Палик.

В одном из последних боев тяжело ранило Надежду Кочергу, и вместе с группой выбивших из строя бойцов она была переправлена на небольшой островок, затерявшийся среди болотных тэпей.

Навстречу Наде бросилась медсестра. Это была Настя Мерзлякэва.

— Жива, жива! Надюша, дорогая! — Настя подставила подруге плечо, помогла добраться до сухого места и осторожно опуститься на траву.

— Ну как там? — тревожно спросила она.

— Тяжело, очень тяжело, — ответила Надежда. — Ребята говорят, что надо удержаться до вечера, а там наша армия подойдет. Рядом ведь они, представляешь, совсем рядом. Когда тихо бывает, слышно, как орудия бьют. Еще бы чуть-чуть...

Бой нарастал и приближался. Автоматные очереди раздавались то слева, то справа. Вот огонь переметнулся на другую сторону болота. Подруги сидели молча. Когда устоялась тишина, Надежда приподня-

лась и, преодолевая боль, стала надевать рацию.

— Ты что надумала, Надя? Куда же ты?

Надежда обняла подругу, оглядела долгим взглядом раненых, взяла автомат, гранаты и, шатаясь от слабости, исчезла в зарослях кустарника.

...В этот день группа разведчиков, в которой находился Егор Струков, возвращалась с задания. Шли осторожно, подолгу припадая к земле, когда где-то вдали завязывалась перестрелка. Уже подошли к Буденичам, как вдруг невдалеке, на пригорке, раздались автоматные очереди. Партизаны залегли. Вскоре по характеру огня стало ясно, что кто-то нарвался на немцев и ведет неравный бой. Вот раздался взрыв гранаты.

Рядом погибал кто-то из своих, но партизаны не имели права подняться во весь рост и с автоматами наперевес броситься в атаку. Они добыли важные сведения, и от жизни разведчиков зависела судьба многих людей, возможно, всего отряда.

Послышались пистолетные выстрелы. Стреляли из парабеллума. Стреляли методично, спокойно, как на стрельбище: выстрел за выстрелом, выстрел за выстрелом. И опять тишина. Не хотелось верить, что там, на пригорке, кто-то погиб. По всем законам разведки надо было уже давно уходить из опасной зоны, но партизаны по-прежнему лежали на месте, чутко прислушиваясь к тишине.

— Ребята, прикройте, я — мигом, — сказал Егор Струков и короткими перебежками, от дерева к дереву, исчез в лесу.

Оружие — на боевом взводе, и каждый чувствует, как тугими, упругими ударами бьется сердце. Зашелестели кусты, на поляну вышел Егор. На вытянутых руках, как былинку, он нес девушку лет восемнадцати-двадцати. Егор бережно положил ее на траву и тяжело опустился рядом.

На девушку больно было смотреть: одежда вся в крови, ноги, предплечья, шея, нижняя часть лица — прострелены навывлет. Николай, парень с Алтая, взял ее за кисть руки, потом припал ухом к груди.

— Ну что?

— Не дышит.

Разведчики уже начали собираться в путь, а Егор все еще стоял над девушкой, всматриваясь в ее лицо.

— Нет, ребята, я ее здесь не оставлю! Как же так? Ведь она — папа. Я даже ее где-то видел...

Струков опустился на колени, осторожно приподнял девушку и, прикрываемый разведчиками, понес ее на руках. Когда выпли в без-

Н. И. Кочерга и Е. С. Струков

опасное место, партизаны сняли рубахи, порвали их на мелкие полосы и перевязали ими девичьи раны. Так, на руках, сменяя друг друга, через болота и топи, они вынесли девушку к партизанскому госпиталю. Медсестры сразу же узнали свою подругу:

— Ребята, да это же Надя... Господи, что они с ней сделали, природы!!!

Словно почувствовав тепло родных рук, Надежда начала дышать.

Надежду Иосифовну Кочергу я увидел на партизанском слете. Помнится, наступил уже вечер, зажгли костры, зазвучали песни. Мы ходили от костра к костру и разыскивали Анатолия Павловича Шимановича с его друзьями-подрывниками, когда Михаил Ильич вдруг придержал меня за плечо и сказал:

— Посмотри внимательно на эту группу людей. Вон там, у дерева, рядышком. Это они, Струков и Кочерга.

— Надежда вышла замуж, — продолжал Михаил Ильич, — теперь ее фамилия — Разумова, а для нас она по-прежнему Надя. Девчонки растут у нее. Обрати внимание на Егорову рубашку.

— Рубашка как рубашка: новая, белая.

— То-то и оно, что особенная. Познакомились Надежда с Егором

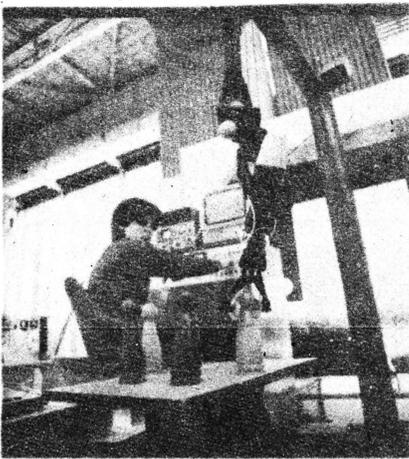
здесь же, когда открывали памятник. Подводят ее к Егору и говорят: «Ты только, Надюша, не волнуйся, но именно вот этот товарищ спас тебя от смерти». Об этой минуте словами не скажешь.

А на следующий год привозит Надежда с собой белую, как снег, рубашку. Подходит к Струкову и говорит:

— Егор Степанович, однажды ваша рубашка заменила мне бинты... Примите новую. Носите на здоровье. Никогда не забуду, что вы сделали для меня...

Недавно я получил письмо из города Сердобска Пензенской области. Письмо оказалось от одной из дочерей Надежды Иосифовны — Людмилы. Она сообщила, что у Надежды Иосифовны сейчас растут уже шестеро внучат: Лена, Дима, Сережа, Игорек, Таня и Олежка. Все они гордятся своей бабушкой, а двоим из них — Сереже и Танюше — посчастливилось носить бабушкины галстуки. Эти алье галстуки были вручены Надежде Иосифовне на торжественных вечерах, посвященных чествованию участников Великой Отечественной войны.

Живут на земле дети и внуки Надежды Кочерги, и великое это счастье, что о войне они знают только по книгам и рассказам.

В канун XIX съезда ВЛКСМ в Москве открылась Всесоюзная выставка НТТМ-82. Около десяти тысяч экспонатов со всех концов нашей Родины рассказали о делах советской молодежи. Сегодня мы публикуем заметки нашего специального корреспондента С. НИКОЛАЕВА о некоторых экспонатах этой выставки.

Поселок на вахте

Геологи, изыскатели, геодезисты подолгу работают там, где до них не ступала нога человека. Им приходится жить в палатках или в маленьких передвижных домиках на полозьях — балках. Деревянная будка на тракторных санях, посередине которой круглые сунки горит печка-буржуйка, а по бокам стоят грубо сколоченные нары — вот что такое балок в его изначальном варианте.

Но вот на выставке я вижу макет передвижного поселка совсем другого типа. Десятка полтора балков — этих самых передвижных домиков — собраны вместе; они поставлены вплотную друг к другу. Однако что это за балки? Каркас и наружная обшивка выполнены из алюминия или прочного дерева. Стены внутренних помещений — из декоративного бумажно-слоистого пластика или отделочной фанеры. Пространство между обшивками заполнено теплоизоляционной прокладкой. В таком домике не страшны ни сильные морозы, ни ветры.

Более того, каждый такой домик вовсе не случайно поставлен вплотную к соседу. Между ними есть крытые переходы (примерно такие же, как в поездах между вагонами), и таким образом все вагончики соединяются. А потому их можно и

специализировать. В жилом домике есть встроенные шкафы, откидной стол и четыре спальных места: два нижних и два верхних. Верхние, как в железнодорожном вагоне, днем можно убирать. А вот домик-кухня, где есть все необходимое для приготовления пищи. В домике-конторе созданы все условия для нормальной работы. Есть также домик-медпункт, домик-клуб и даже домик-баня...

Словом, если постараться — так, как это сделали авторы санитарно-бытового комплекса «Геолог-ЭР-24» молодые архитекторы Гипрогеол-строя Н. Бирюков, Л. Демьянова, Н. Зудихина, О. Куприна и С. Шибалева, — то выходит, можно и в полевых условиях обеспечить людям почти что городские условия жизни.

И вот еще что мне понравилось. Такой комплекс существует не только на бумаге и на макете. В нашей стране подобные передвижные дома уже несколько лет выпускаются серийно и снискали себе известность и уважение строителей БАМа, геологов и нефтедобытчиков Тюмени, изыскателей Крайнего Севера и Дальнего Востока...

Где вездеходы не пройдут...

— Все хорошо, — скажете вы. — Подобные поселки действительно очень нужны в необжитых районах нашей страны. Но как их туда доставить? Ведь дорог-то в этих местах, как правило, нет...

Вполне резонное замечание. Молодые инженеры подумали и об этом. Передвижные домики могут быть доставлены на место даже по бездорожью вслед за трактором-тягачом, приплыть, если это возможно, по реке или даже... прилететь.

— Именно для перевозок подобных, как говорят специалисты, негабаритных грузов и предназначен наш гибридный летательный аппарат легче воздуха, — рассказывал мне представитель студенческого конструкторского бюро Московского авиационного института Александр Путинцев.

По внешнему виду этот летательный аппарат, модель которого я вижу перед собой, похож на диск.

Или, если хотите, даже на летающую тарелку.

— Диаметр этого диска — около 300 метров, — продолжал свой рассказ Александр. — Двигаться он будет с помощью турбовинтовых двигателей, как обычный дирижабль. Скорость — до 200 километров в час. Дальность полета без посадки — 5000 километров...

Конечно, «тарелка» подобных размеров и грузоподъемностью отличается не маленькой — 1000 тонн. Таким образом, дирижабль МАИ может перенести с места на место не только один домик, но и целый городок.

— Но почему ваш летательный аппарат называется гибридным? — спросил я Александра.

— Дело в том, — отвечает он, — что в нашей конструкции есть некоторые технические «хитрости». Посмотрите на диск сбоку. Видите?

Профиль у него такой же, как у обычного самолетного крыла. Таким образом, при движении этого летательного аппарата примерно третья часть его подъемной силы образуется за счет аэродинамических свойств корпуса. Остальные две трети создает легкий газ гелий, заполняющий оболочку. Причем в зависимости от нагрузки или каких иных потребностей эту, аэростатическую, часть подъемной силы можно менять

в широких пределах. Для этого внутри корпуса помещаются специальные установки. По мере необходимости они сжижают гелий, и подъемная сила летательного аппарата уменьшается. Нужно ее увеличить — пожалуйста — жидкость снова превратится в газ...

Летаем, сидя на земле

Там же, у стендов, занятых конструкциями МАИ, я увидел и еще одну интересную машину.

Представьте себе самолет длиной около четырех метров. У него, как это и положено, есть мотор, пропеллер, хвостовое оперение, крылья. Но... нет привычной пилотской кабины!

— В данном случае она и не нужна, — говорит уже знакомый вам Александр Путинцев. — Дело в том, что пилот этого самолета остается на земле. Он управляет полетом вот отсюда...

И тут только я обратил внимание на стоящее неподалеку от самолета кресло. Перед ним был расположен пульт с приборами и телеэкраном, имелась и ручка управления.

— Самолет и пост управления связаны между собой радиосвязью, — пояснил Путинцев.

— Саша, а не проще ли было поместить пилота на его привычное место? Зачем усложнять конструкцию, создавая систему радиоуправления?

— Нет, не проще. Взрослый человек весит порядка 80 килограммов, а то и больше. Кроме того, необходимо ведь ему еще поставить кресло, приборы, органы управления, снабдить пилота парашютом... Мы же решили оставить летчика на земле,

а освободившееся место заняли аппаратурой, которая и меньше весит, и более компактна. А кроме того, совершенно не боится перегрузок. Все это вместе взятое и позволило создать летательный аппарат, для взлета и посадки которому вполне достаточно мало-мальски ровной площадки длиной в 100 метров.

— А для чего нужен такой летательный аппарат?

— Мы с вами только что говорили, что людям довольно часто приходится работать в тех местах, где нет аэродромов. И в то же время геологам, геоземистам очень часто необходимо взглянуть на обследуемый район сверху. Оттуда, как говорится, виднее... Вот в таких случаях и пригодится наш беспилотный летательный аппарат. На борту он несет телекамеру, а также аппаратуру для фото- и кино съемки. За несколько минут с его помощью можно зафиксировать на пленку район диаметром около 150 километров. Такой аппарат пригодится также лесным пожарным, егерям, натуралистам... Словом, радиоуправляемый летательный аппарат способен решать около 30 задач, которые ставит перед ним наше народное хозяйство...

Говорит... сердце

Поскольку уж речь зашла о радиосвязи, расскажу об одном необычном радиопередатчике, с работой которого мне пришлось познакомиться на выставке. Но прежде —

один вопрос к вам, товарищи читатели:

— Вам снимали когда-либо кардиограмму?

— О, сколько раз! — наверное,

ответит большинство. И может подробно описать, как это делается. Ложись на кушетку, медицинская сестра накладывает на тело несколько датчиков. От них уходят проводки к электронному блоку, самописец которого и вычерчивает на бумажной ленте регистрируемую кривую.

У такого способа есть один существенный недостаток: им невозможно пользоваться на ходу, а тем более на бегу.

Вы спросите: зачем это нужно? Но ведь кардиограммы снимают не только тогда, когда человек находится в состоянии покоя. Врачам нужна информация о том, как поведет себя сердце при нагрузке. Особенно необходима такая информация для ранней диагностики некоторых сердечных заболеваний, для того, чтобы тренеры могли подобрать спортсменам правильный тренировочный режим, при подготовке космонавтов...

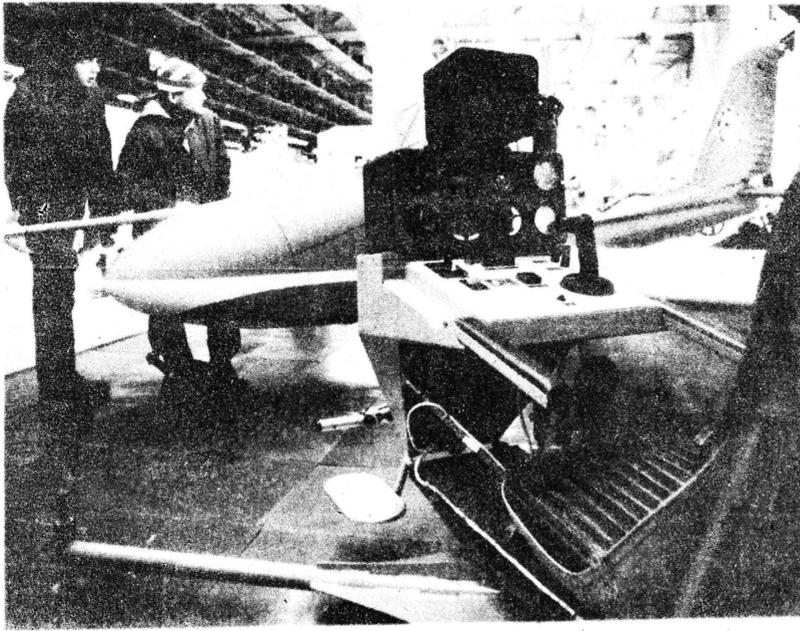
— Вот для таких случаев и предназначена наша система съема кардиограмм, энцефалограмм и других электрических сигналов жизнедеятельности организма, — рассказывал мне студент-дипломник Московского инженерно-физического института Юрий Зайцев.

С виду система очень проста. Два круглых датчика размером с пятак каждый. От них идут тонкие проводки к коробочке размером с резинку для стирания карандашных помарок. Вот и все устройство.

— Коробочка — это и есть радиопередатчик, передающий информацию о жизнедеятельности организма регистрирующей аппаратуре, — пояснил Зайцев. — Впервые в Советском Союзе нам удалось добиться столь небольших размеров, выполнить всю схему заодно. Интегральная схема очень надежна и неприхотлива в работе, а крошечная батарейка обеспечивает 1000 часов непрерывной радиопередачи данных о нашем организме...

С помощью специального клея датчики и передатчик прикрепляются прямо на тело испытуемого. А поскольку весит вся система не более 20 граммов, то человек очень скоро о ней забывает и ведет свой привычный образ жизни. Таким образом врачи получают точную и объективную информацию.

— В настоящее время в нашем студенческом конструкторском бюро, — говорит Юрий, — заканчивается разработка еще одной подобной системы. В отличие от той, что вы видите, она будет передавать информацию не по одному, а сразу по четырем каналам. Размеры же ее останутся прежними...

Радиоуправляемый самолет и его системы управления созданы молодыми специалистами МАИ

«Сделай так, как я хочу...»

Электрические сигналы, подаваемые организмом, можно использовать не только для диагностики того или иного заболевания, но и для управления различными машинами, например роботами. Это убедительно доказали студенты и молодые инженеры еще одного конструкторского бюро — Московского высшего технического училища имени Баумана.

Вот что рассказал один из участников работы инженер Владимир Крюков.

— Вы, верно, замечали: если перенапрягешься, скажем, бежишь быстрее, чем можешь, то скоро организм начинает реагировать на такую перегрузку. И воздуху перестает хватать, и в боку начинает покалывать...

Именно такую систему предупреждения и использовали разработчики в устройстве самоконтроля, предназначенного для спортсменов. При перегрузках, превышении тренировочного задания, такое устройство вырабатывает электрические импульсы. Они воспринимаются человеком как легкое покалывание. Более того, в ряде случаев такие

импульсы, подобно импульсам, вырабатываемым нервной системой, можно использовать и как сигнал непосредственно к расслаблению мышц! Возникла обратная связь: человек — прибор — человек.

Идею такой связи молодые исследователи использовали при конструировании нескольких тренажеров для бегунов, велосипедистов, гребцов... Более того, работа, цель которой сначала была довольно узкой — помощь спортсменам, — стала, как выяснилось, нужной биологам, геофизикам, кибернетикам...

— Вот, к примеру, есть в роботехнике разновидность аппаратов — копирующие манипуляторы, — продолжал рассказ Владимир Крюков. — Оператор держится за рукоятки управления и, передвигая их, заставляет исполнительные органы манипулятора в точности повторять свои движения. Чтобы точно управлять манипулятором, оператор, прилагая усилие на рукоятки, обязательно должен иметь представление о том, с какой силой действует исполнительный орган. Раньше такая задача решалась так. К рукояткам управления специально прикладывалось тормо-

озящее усилие. Ну что-то в виде пружин, которые приходилось растягивать. Преодолевая сопротивление этих пружин, оператор и получал представление о том, с какой силой он действует механическими клешнями. Конечно, такая система далека от идеала. Теперь же мы действуем по-другому. Давайте вашу руку...

Владимир наложил на мою руку что-то вроде браслета, от которого шли тонкие проводки к электронному блоку.

— Сожмите пальцы...

Я сжал. И тут, словно по команде, ожила механическая рука, которую я поначалу принял просто за неподвижный макет. Я поворачиваю руку в сторону, и робот послушно копирует мои движения...

— Вы начали сжимать пальцы — с помощью биодатчиков электрические сигналы от вашего мозга поступают теперь не только к мышцам руки, но и к исполнительным органам манипулятора, — сказал Владимир. — В итоге механическая рука тоже начинает сжимать свои пальцы. Допустим, предмет, который должен взять манипулятор, чересчур для него тяжел. Раньше оператор мог судить об этом только по тому, как предмет вываливался из захватов манипулятора. Теперь же электрический сигнал, пропорциональный напряжению, испытываемому манипулятором, передается датчиком, и те возбуждают другие группы мышц. Человек начинает противодействовать сам себе, как бы своими руками ощущает тяжесть передвигаемого предмета...

— Попробуйте взять при помощи манипулятора вот эту гирию, — предложил Владимир.

Рука манипулятора, следуя моим командам, захватила ручку гири и начала поднимать ее вверх. И я сразу почувствовал, как рука моя стала наливатьсь прямс-таки свинцовой тяжестью.

— Таким образом, теперь появилась возможность управлять манипуляторами со значительно большей точностью, чем раньше, — подвел итоги беседы Владимир Крюков.

Группа приборов, разработанная студентами и молодыми инженерами МВТУ, недавно была удостоена премии Ленинского комсомола. Этой высокой наградой научная общественность страны отметила важность и актуальность исследований.

Вот и закончено наше короткое путешествие по выставке НТТМ-82. Мы с вами увидели только крошечную часть экспонатов. Но и они, я думаю, дали вам возможность оценить, какую огромную помощь народному хозяйству страны оказывают молодые исследователи.

Фото В. Дудникова

ЧУДО ВЕКА

Юрий
ЛИПАТНИКОВ

В папку, куда я однажды начал складывать заметки и документы о рождении знаний по атомной физике на Урале, попали любопытные, на мой взгляд, сведения, в частности — о людях, которые еще до Октября, в начале нашего века, любительски интересовались загадочным явлением радиоактивности. В журнале «Уральский техник» за 1913 год была опубликована заметка «Простой прибор для определения радиоактивности минералов». Она была посвящена кружку физиков в Екатеринбурге...

Прежде напомним, что первым радиоактивное излучение урановых солей обнаружил ученый Анри Беккерель. Это случилось в 1896 году. И человечество оказалось на пороге новой эры — атомной. Мария Кюри обратила внимание и на радиоактивность других элементов. Миру был явлен радий. Это произошло в 1898 году. Позже Резерфорд и Содди создали теорию радиоактивного распада, самопроизвольного превращения элементов. В русском журнале «Новь» за 1908 год я увидел заметку о количестве радия у ученых. Некий Гордас подсчитал, что в то время у человечества было не более одного грамма чистого радия. Профессор Рамзай, Арсонваль и Эдисон имели по 20 миллиграммов. Профессор Беккерель — 10, Кюри — 15 миллиграммов...

Как видим, радиоактивные вещества были малодоступны для небогатых и незначительных исследовате-

лей. В России — тем более.

Вызывают уважение настойчивость и увлечение, с каким екатеринбургские любители естествознания старались не отстать от новых веяний в науке.

В то время в больших лабораториях для определения радиоактивности тех или иных элементов пользовались электрометрами. Они поражали своей чувствительностью. О них известный физик Содди говорил: «Недавно мы лично имели случай убедиться... что легко определяется уже одна пятидесятиллиардная доля грамма радия. Если бы тридцать миллиграммов чистого бромистого радия, которые находятся здесь сегодня вечером, были разделены поровну между всеми человеческими существами, живущими на земле в настоящий момент, и если бы одна такая часть была возвращена нам, то ее было бы достаточно, чтобы при помощи электроскопа с золотыми листочками без всякого затруднения открыть присутствие радия и распознать его».

Однако, разумеется, в те годы, в самом начале атомного века, ни рядовые физики, ни тем более любители не имели столь «чутких» и потому дорогих электрометров. Но существовали приборы попроще, подешевле. И в конце 1910 года по инициативе жителей Екатеринбурга Е. Н. Короткова и Г. А. Олесова возник маленький кружок энтузиастов атомной физики, который намеревался заняться исследованием радиоактивности минералов на Урале. Первые атомщики уральского края пожелали не просто просветить себя, они хотели решать важную задачу — поиска нового сырья. Толчком к организации кружка послужили сообщения в научной периодике о том, что уральские минералы монацит, самарскит, пирохлор будто бы радиоактивны. Е. Н. Коротков имел в то-

вариществе с А. А. Железновым (его кирпичный особняк сохранился в Свердловске, теперь это архитектурный памятник) прииск в Оренбургской губернии, на котором встречался в значительных количествах монацит. И далее автор заметки в журнале «Уральский техник» сообщает:

«Как раз к этому времени В. И. Горн привез из Лондона только что выпущенный новый прибор для обнаружения радиоактивных минералов — сцинтилоскоп Глю».

Наверное, никаких шансов найти этот, возможно, первый на Урале сцинтилоскоп, уже нет, но, по крайней мере, будем помнить о самом факте появления первого физического прибора в нашем крае в 1910 году.

Это было менее чувствительный прибор, чем электрометр или нынешний счетчик Гейгера, однако для геологоразведки он годился, позволяя не делать предварительно никакого химического анализа, а прямо в поле проверять какой-либо минерал на радиоактивность. Сцинтилоскоп имел лишь трудное название. Устроен же он был просто. Деревянный брусок со стеклом. На стекле толстым слоем насыпали испытываемый минерал. Затем этот слой прикрывали другим стеклом, на котором был слой сернистого цинка. Надо всем этим укреплялась медная трубка с лупой. Вот и все. Исследователи того времени, затемнив комнату, наблюдали через увеличительное стекло «неистощимый дождь искр белого цвета». Это наглядное действие силы, сокрытой в веществе, надо думать, очаровывало, магнетизировало наших пытливых дилетантов. И то сказать: большинство образованных людей начала века имели только умозрительное представление о радиоактивности, мало кто видел его воочию. Впрочем, и теперь наблюдавших глазами ра-

диоактивность не стало больше...

Еще некоторые подробности из истории лондонского сцинтилоскопа на Урале. Якобы в Миасской даче с его помощью были открыты новые радиоактивные минералы, не описанные в научной литературе того времени. Прибор, как изрядную диковину, демонстрировали даже «бывшему министру, посетившему Екатеринбург, пожелавшему познакомиться с кружком как достопримечательностью города».

Свой рассказ об екатеринбургских любителях новой физики член кружка В. Ярков заканчивает на страницах журнала «Уральский техник» эмоционально: «Обнаруживание радиоактивности представляет одну из самых блестящих побед человека над природой ввиду того огромного интереса, какой вызывает эта таинственная сила, молодая еще, в руках людей, но оказавшаяся такой же древней, как и мир. Ученые доказали, что каждая частица альфа-лучей есть атом гелия, и вы смотрите, как на ваших глазах происходит рождение нового тела природы. Присутствовать на этом празднестве доставляет истинное удовольствие».

В. Ярков предлагал сделать подобные приборы доступными школьникам.

История екатеринбургского кружка любителей атомной физики еще раз убеждает в том, что уральцы не отставали от новых идей в науке и технике.

Лишь мерцала в то время атомная эра для любознательных уральцев. Теперь могучий атом буднично работает у нас на Белоярской станции, и каждый школьник может объяснить, как это происходит.

Возраст взрыва

Выход энергии

Безделье —
чем его заполнить?

Лидер — с плюсом,
с минусом?

Контактная группа — 99 %

Криминогенная ситуация:
будет, не будет...

ШЕДЕВР

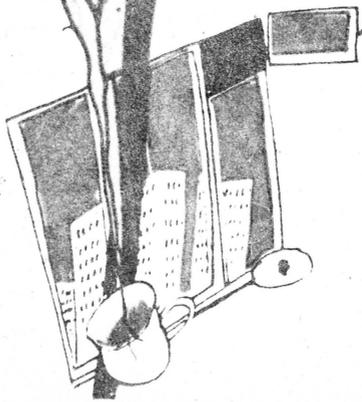

Рисунок О. Земцова

НУЖЕН ЛИ МАЛЬЧИШКАМ ЛИДЕР?

Переходный возраст — явление, установленное самой природой во всех сферах ее жизни. Ягненок и волчонок когда-нибудь отлучаются от матери, учатся жить сами. От черенка или корня растет молодая поросль — крепкая или слабая, в зависимости от условий. Птенцы учатся летать... То же самое, но при социальной «декорации», происходит в человеческом обществе. Всякий юный человек когда-нибудь делает первый самостоятельный шаг. Наш разговор — об обыкновенных мальчишках, об особенностях переходного возраста, о трудностях его и об условиях, в которых воспитываются мальчишки, — всегда ли эти условия учитывают взрывную силу возраста! Как направить ее в нужное русло! Мы позволили себе сравнить этот сложный возраст с репейником, который столь же почитают в народе — за выносливость и признанные с времен старины хорошие лечебные свойства, сколь и кланут — за сорность и излишнюю «прилипчивость». Репейник «о двух концах», как и мальчишка в определенные годы: то ли это шелковистый, набирающий силу цветок, то ли ошетилившаяся колючка...

Кто «король» у «Буревестника»?

*Из историй, рассказанных
участковым инспектором*

Ребята с Посадской крепко рассорились с парнями, живущими в районе кинотеатра «Буревестник». Сначала дрались один на один, потом в драки втянулись новые мальчишки. Число враждующих росло, как снежный ком.

Вовка Чиж во время одной из бесед в милиции, широко улыбувшись и показав при этом три выбитых зуба, прошепелявил:

— Выясняем, кто «король» у «Буревестника»...

К Витьке Голошубову пришли вечером трое. «Витя, к тебе», — крикнула мать и ушла в комнату. На лестничной клетке минут пять возились, пыхтели. Через одну-две минуты с перекошенным от боли лицом вошел сын. «За что тебя? Кто это?!» — всполошилась мать. «Ребята с Посадской, — коротко ответил сын. — Отношения выясняли». Больше мать ничего не могла добиться.

...Младший лейтенант милиции Иван Солодянкин подошел к «Буревестнику», когда там уже стояла толпа — двадцать — тридцать ребят. Кое у кого были палки, металлические прутья, ремни с пряжками. «Дело ясное, — прикинул Иван. — Быть драке...» Из сберкассы он позвонил в райотдел. Потом подошел к ребятам:

— Чем занимаемся, хлопцы?

— Спортом! — с вызовом выкрикнул чей-то густой бас под издевательский хохот подростков.

«Видать, серьезно, — размышлял Иван. — Только бы из райотдела подоспели, одному не справиться».

— Ладно, хватит базарить, — раздался тот же самый пьяный голос.

Насвистывая, громко переговариваясь, парни пошли в сторону Посадской. Там, на пустыре, чаще всего возникали стычки враждующих сторон. Иван озабоченно огляделся, зачем-то покрутил в пальцах свисток, плюнул с досады и потопал вслед за пацанами: «Будь что будет, драться я им не дам».

Дежурный наряд отдела, куда входили я и еще два молодых милиционера, встретил всю группу у молочного магазина. Милицейская машина с проблесковым маячком,

четыре работника милиции, считая водителя — пять, внушили, как видно, забывая некоторые опасения.

— Куда идем, граждане? — поинтересовался я, хотя в этом не было необходимости: в сквере стояла группа человек в пятьдесят, а из-за магазина спешили еще по меньшей мере двадцать. Ситуация складывалась сложная. Я сказал Ивану:

— Давай поищи в этой толпе своих, убеди, чтоб добру топали домой.

Сам напряженно разглядываю возбужденных, ошетившихся мальчишек. Взвешиваю их коэффициент агрессивности, пытаюсь определить, кто тут «бугры». Вот, наверно, этот длинноносый в свитере. Федька Власов... Неделю две назад мы привезли его от Центрального стадиона, пьяного, в красной рубашке навыпуск, с огромным нательным крестом... Сейчас он в свитере, в руках — велосипедная цепь: чудодейственное превращение из христианина в хулигана... Но Федька сам вряд ли пойдет — туповат, своей воли не имеет. А вот Эдик, рядом с ним, симпатичный, волосы заброшены небрежно на бок, глаза прищурены — этот, пожалуй, способен на все. Ребята из уголовного розыска говорили, что за ним есть кой-какие темные делишки, но ему удается выходить сухим из воды. Я нахожу его глаза, смотрю в упор. Не выдерживает, отводит взгляд...

Нас пятеро. Их — больше сотни. Хорохорятся друг перед другом, рисуются. Кое-кто, правда, потихоньку начал сматывать удочки от греха подальше. Плохо, что в толпе есть пьяные — этим все нишечем. В голове молоточками только одно: «Драки не должно быть!» В этом сейчас моя милицмейская, партийная и человеческая миссия, и я обязан выполнить ее.

— Ну, что, орлы? — произнес я в мегафон. — По домам пора. Утро вечера мудренее.

Засмеялись. Группками, по два-три человека, от толпы отделились десятка полтора ребят. И то хлеб!

— Отвалили! — коротко бросил Эдик. За ним потянулась пестрая компания.

Драки не будет. Сегодня мы столкновение предотвратили. Но на улицах города должно быть спокойно всегда — сегодня, завтра... А потому надо сейчас поработать в счет завтрашнего дня. Решаем взять несколько человек из числа заводил. Есть основания привлечь за мелкое хулиганство: нецензурная брань в общественном месте, действия, нарушающие спокойствие граждан. Взяли Эдика, Федьку Власова, «Бугра», здорового, рыжего, с мощным басом, пьяного парня, и еще нескольких. Остальных убеждаем идти по домам. Я говорю им о завтрашнем дне, об учебе, о волнующихся родителях. С радостью вижу перед собой уже не разъяренную, неуправляемую толпу, а обычных ребят, с открытым взглядом, с нормальными, не искаженными злобой и азартом, лицами.

В отделе с теми, которых доставили, работает инспектор уголовного розыска Слава Ершов.

— Витьку-то Голошубова они били. Теперь не отвертятся.

— Кто «они»? Их здесь человек двадцать...

— Эдька, «Бугор» и Гоголь, — уточнил Ершов.

— Какой Гоголь?

— Вот те раз! Гоголя не знает! — хохочет Славка. — Федька Власов.

— Да, что не подскажет фантазия, — улыбаюсь я, вспоминая длинные Федькины волосы, расчесанные на пробор.

Много пришлось говорить в ту ночь, много писать. Вот разговор с «Бугром» — Сергеем Замараевым:

— За что вы избili Виктора?

— За дело.

— За какое дело?

— Он знает.

И в таком духе — минут двадцать. Обычная история. Ни за что. А если уж точнее, то, скорее всего, за то, что Голошубов сильнее их оказался, не сговорился в чем-то.

Эдик вошел тихо, осторожно прикрыл за собой дверь, попросил разрешения сесть.

— Чем не угодил вам Голошубов?

— Да стоит ли этим заниматься милиции, товарищ лейтенант! — широко улыбается Эдик. — Так, ребячьи дела. Подрались, помирились, только и делов-то.

Этот — фрукт!.. Лжив и хитер. Вон и взгляд «переделал»: вместо презрительного прищура что-то угодническое... Для таких святого нет. Не хотел Витька с такими, как этот фрукт, быть.

У Федьки Власова, «Гоголя», добродушно-глуповатая улыбка во всю физиономию, как к теще на блины пришел.

— Витьку?.. Били. Он «бочку катил» на Сережку с Эдькой.

— А ты-то зачем пошел с ними?

— Эдька сказал, что Витьке надо вмазать.

— А если Эдька скажет — убить?

— Не-а... — опять широко улыбается Федор.

Парень здоровенный, а податлив на любую авантюру, как третьеклассник. Федьку искренне жаль. Не злой он, а вот попал, поди ж ты...

Около десяти человек оформляем за мелкое хулиганство, нельзя же, в конце концов, оставлять безнаказанными. За остальными приезжают мамы, папы, бабушки. У всех встревоженные, расстроенные лица. Возгласы недоумения, гнева, сожаления:

— Неужели и мой Вовочка тоже?..

— До каких пор ты будешь над матерью издеваться!?

— Вадим, как ты мог?!

— Экая дубина вырос, а ума нету...

Одна сцена разыгрывается и смешная, и трагическая. За недорослем, метр восемьдесят ростом, пришли отец с матерью.

— Ах, подлец! Ах, подлец! — задыхался от гнева отец, который на голову ниже сына. — Ты негодяй! Позорить отца!..

Хотел ударить парня. Тот спокойно отвел руку, пробасил:

— Ладно, хватит. Больше не буду.

От этого детского «больше не буду» мать разрыдалась. Хватаясь за сердце, уговаривала то одного, то другого:

— Паша, не волнуйся, Паша, прошу тебя, не надо... Сашенька, сынок, что же ты наделал! Сашенька...

Это была трудная, длинная ночь. Ночь родительских волнений, тревог, забот. Мы разбирались с правонарушителями — здоровыми, крепкими ребятами, вовсе неглупыми. «Бугры» изолированы, «кодла» распалась, — и остались только растерянные, беззащитные мальчишки. Те самые, которые несколько часов назад были готовы к драке, к тому, чтобы ударить побольней, чтобы доказать, что они «короли» на пресловутом пятке у «Буревестника». Я верю Сашке — он «больше не будет». Верю многим другим мальчишкам — они попали случайно.

Около месяца в районе Посадской и «Буревестника» каждый вечер патрулировали усиленные наряды. Еще два-три раза вспыхивали ссоры, но примирение все же наступило. Инцидент был исчерпан.

...Шесть лет пробежало с той поры. Ребятам сейчас за двадцать, отслужили в армии, у многих растут дети. Осмысливая давние события, один из прежней компании, что от «Буревестника», Владимир Пономарев, при встрече со мной говорил:

— Глупость, конечно. Сейчас вспоминаю, — и смешно, и грустно. Мальчишество... Сегодня я сам бросился бы разнимать пацанов.

— А если вернуть то время, и опять в той же компании, и тот же Вовка Пономарев — как?

— Боюсь, повторилось бы, — Владимир задумался. — Не в «королях» дело, далось оно нам выяснять... В возрасте. В азарте, в риске. Энергия через край бьет. Тут только повод дай, толчок — он к любому действию мальчишку приведет. А выяснение, кто «король», и было таким толчком. Ну, вы сами знаете, что вам говорить... В этом возрасте все трудные, а мальчишки особенно...

Если бы ты был дворовым «королем»!..
 Нужен ли ребятам лидер, какую власть ты дал бы ему? С ЭТИМИ ВОПРОСАМИ МЫ ОБРАТИЛИСЬ К ВОСПИТАНИКАМ ОДНОЙ ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОЛОНИЙ. Мы нарочито не ставили задачи — определить «короля» конкретно: плохой, хороший... Хотя в жизни у этих ребят было всякое, и кое-кто шел за плохим человеком. Большинство из них ставят себе это в вину. Есть и такие, что жалеют: почему у них не было хорошего лидера. А иные просто размышляют о том, каким бы они представляли себе мальчишечьего предводителя.

«Ребята должны вокруг кого-то объединяться»

- Компания без главаря не существует.
- Нужен или не нужен — это зависит от самих ребят.
- Застрельщик всегда нужен!
- Лидер должен организовать компанию на интересные и нужные дела, а то ребята часто подчиняются и плохому человеку.
- Я не люблю людей, которые живут по принципу «как все». Уважаю людей, отличающихся способностью увлечь за собой. Те, кто считает: «если бить, так бить, мы не отстанем», чаще всего попадают под влияние более сильного и более плохого.
- Лидеру нужна доброта, и если он хороший человек — то и сила.
- Ребята должны вокруг кого-то объединяться.
- У нас в компании был Девятых. Он работал на машине и научил нас разбираться в двигателе и водить автомобиль. Не знаю, кто он — лидер или нет.
- Умному человеку я бы дал все. Но пусть он сделал бы, чтобы мне всегда было интересно, а не скучно.
- Я сам себя считал главным. Ребята все ведут себя по-разному, а я умел улавливать настроение.
- Конечно, был лидер. Плохой человек, вместо себя меня посадил.
- У меня был Андрей. Он хорошо влиял на меня. Если бы не он — я бы уже давно сел. Но он не мог мне помочь.
- Главным считал своего «подельника» (кто был в одном деле. — ред.) Потому что он старше всех нас был.
- Считал себя главным. Все были здоровыми, но тупыми, а я был у них мыслью. Я никому не дал выше себя подняться и требовал, чтобы они говорили мне только правду.

Соседи.

Фото А. Липтева

Мнения

90 процентов информации об окружающем мире ребенок получает из внешкольных источников.

Академик А. ПЕТРОВСКИЙ

Педагогические методы... неизмеримо сложнее того, чем занимаемся мы, физики.

А. ЭЙНШТЕЙН

□ Не умею командовать, и над собой не хотел бы никого иметь. Жил своей головой.

□ Мне кажется, что кто-то должен поддерживать порядок и дружбу во дворе.

□ Один за всех, все за одного — и никаких главных.

□ Обычно лидер тот, кто что-нибудь интересное придумывает.

□ Лидер нужен, но власть его должна контролироваться другими. Чтобы было все поровну, чтобы один другого не унижал и во всем поддерживал.

□ Я бы «королём» не стал, не люблю рисоваться.

□ Пусть будет, но чтоб умел сдерживать себя, а то чуть что — кулаки...

□ Я бы никакую власть одному человеку не дал, потому что она часто портит. А нужен авторитет.

□ Если бы я дал власть кому, то пусть бы он сделал так, чтобы все ребята жили одинаково.

□ У меня не было ни компании, ни главного. Я сам себе компания и сам себе главный.

□ Какой лидер — такая и компания. А то бывает компания — одни кражи, хулиганство, а потом скамья подсудимых...

□ Было время, что считал главным себя, потому что пил и был храбрым.

□ Лидером должен быть добрый и честный человек.

□ Лидер нужен, а то будет анархия.

□ Дал бы полную волю «королю» или лидеру там, но чтобы он советовался с ребятами.

□ Каждой группе нужен лидер, потому что у каждого свое на уме.

□ Не считаю, что обязательно нужен, но меня всегда тянуло к взрослым.

□ Власть какую лидеру дать, я не знаю. Но чтобы у него была справедливость, совесть и чтобы он мальчишек понимал.

□ Лучше быть самим собой...

□ У него должна быть выдумка, фантазия, а то ребята не признают.

□ Был бы надо мной кто — я бы ему дал!..

□ Лидер должен требовать, чтобы была железная дисциплина, без нее с ребятами не сладить.

□ Для меня мой напарник был хороший человек, для окружающих — плохой. А я тогда не думал.

□ Время покажет, что лидер сделает: актив или анархию.

□ Есть люди — их, правда, мало, — которым не нужна власть. Я из таких.

□ Был под властью брата, а он, редиска, сманил меня к выпивону...

□ Это должен быть инициативный человек, но в хорошем смысле. Я бы прежде всего создал актив, чтоб была поддержка.

□ Я был сам главным, но ребята мои жили, как им виднее.

□ Нужен, только не такой, как был у нас. Ему было 27 лет, почему-то мы его держались — казался спокойным, интересным. Взрослые всегда притягивают.

□ Который бы понимал ребят, был благородный, справедливый, не запрещал ничего, что интересно, а то многое запрещают.

□ Если бы я был «королем», я бы ничего не просил, потому что все умею делать сам.

□ Кто старше — тот и главный, так считаю.

□ Лидер должен быть ловкий, умный, отчаянный и честный. На него вся компания равняется.

□ Мне без разницы, какую бы власть он имел, лишь бы хороший человек...

Итак, мнение большинства ребят: ЛИДЕР НУЖЕН.

Когда нет лидера «с плюсом», находится лидер «с минусом», и находится сам по себе, под любой маской: «пахан», «бугор», «старшой»... Преступник, прошедший огонь и воду, он, конечно, не одержим «идеей воспитания», а действует только ради вербовки помощников. В нем есть тайна и риск, он не боится никого. Он позволяет держать себя на равных — не то, что «классная» Марья Иванна, зануда, или родители, которые видят в мальчишке младенца... По-мужски говорит, отчаянно действует — вот и клюнула мальчишечья душа... Что он — волк в овечьем стаде, что он предаст первый и держит пацанов ради собственной выгоды — это ребята, вошедшие с ним в контакт, поймут, когда уже будет поздно... Пока он для них — яркая личность, с активной жизненной позицией, только она у него антиобщественная.

Ушинский определял воспитание, как ВОЗДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ НА ЛИЧНОСТЬ.

Надо ли говорить о том, что хороших людей больше, чем плохих, что нет ничего нужнее подростку, чем умный, вдохновляющий на доброе наставник! Мастер ли на производстве, друг-старшеклассник, отец, просто сосед, на которых с обожанием смотрит мальчишка и которым старается во всем подражать — кто бы он ни был, пусть помнит: нельзя оттолкнуть пацана. У нас у всех есть одна общая забота — уберечь подростка от роковых случайностей, помочь ему стать настоящим человеком.

Лидер с «минусом».

Лидер с «плюсом»

**Николай
НОВЫЙ**

Ночью на электростанции неизвестные обокрали клуб. Взяли магнитофон, музыкальные инструменты, кое-что личное у работников клуба. Даже беглый осмотр места происшествия неопровержимо свидетельствовал: дело рук подростков. Такие дела, как правило, не представляют сложности и раскрываются по горячим следам.

К концу дня мы уже знали имена: Володя Васнецов, Игорь Агафонов, Сергей Четвериков. Нашли и краденое: вещи были спрятаны в сарае Четверикова. Преступники задержаны, в краже признались, вещи изъяты. Что еще вроде бы надо?

А я смотрел в ребячьи глаза и не мог поверить, что эти мальчишки совершили кражу. Не мог, и все тут! Зачем им барабан, медные тарелки? И ребятишки не «оторви да брось» — нормальные пацаны, хорошо учатся, на учете в милиции не состояли.

Время шло, надо было решать, что делать с ними, решать судьбу, будущее этих худеньких, тонкошеих, с большими доверчивыми глазами подростков.

«Похоже, лидер у них Васнецов», — размышлял я, снова и снова вглядываясь в лица. Высокий, рослый; когда обращаешься ко всем трем с вопросом, он отвечает первый. Отец у Володи офицер, и он гордится этим, сам мечтает стать офицером. Бесспорно, считает себя смелым...

И я решился.

— Что-то не так, Володя. Виляешь, крутишь... Боишься кого? Брось... Игоря с Сережкой кто разукрасил — думаешь, я не заметил рассеченную губу и синяк под глазом? Или живете по принципу: «Ударили по одной щеке — подставляй другую?»

Владимир вспыхнул:

— Не боюсь! Пусть только попробует, заденет... Ладно, что там. Витька это, Веряев, научил.

Витьку Веряева я знал. У Витьки уже были две судимости: сидел по 206-й за хулиганство, по 89-й за кражу. Ростом бог парня не обидел, кулаки увесистые. У него постоянно водились деньжонки, и он одаривал разношерстное и раболепствующее перед ним ребячье войско вином, сигаретами. В сарае у него мальчишки слушали музыку. На Витькиной груди красовался орел, на руке — якорь, на плече — корабль, и даже на пятках, когда Витька загорал, можно было прочесть: «Они устали».

...Володя, Игорь и Сергей вначале наотрез отказались от предложения навести в клубе «шмон». Тогда избили Сережку. На другой день веряевские парни прямо возле дома встретили Игоря, сбили его с ног, пинали. Володю не трогали. Только как-то, встретив у клуба, Веряев предупредил: «Если капнете — замочу».

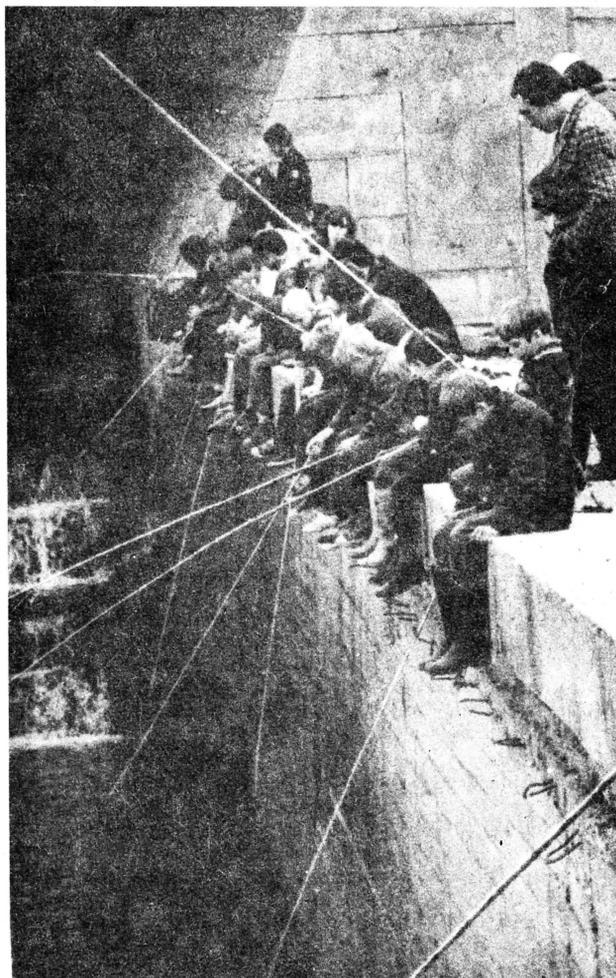
— Замочить-то он не замочит, — горько усмехнулся Владимир, — а навешать где-нибудь может запросто... Веряева взяли вечером.

— «Бочку катят» на меня, начальник. Ни при чем я, чист, как слеза младенца!

Ему были зачитаны показания. Витька скривил тонкие губы:

— Напраслину городят. В ссоре мы... Все дела. Я к этим сосункам близко не подхожу.

Провели очные ставки. Ребята держались молодцом, особенно Володя.

«Контактная» группа

Фото Н. Медведевой

Мнения

На мой взгляд, успех всякого клуба определяет в первую очередь руководитель. Нет увлеченного человека — и любой клуб с самым завораживающим названием станет прибежищем скуки...

Е. НЕЙМАН, директор
Дворца культуры, Саратов

...Жизнь идет. Я вспоминаю об этом случае с радостью. Что ни говори, а мальчишек из беды тогда удалось выручить. Веряева с тех пор не встречал. Видно, в город не вернулся.

Что может быть страшнее для 14—16-летнего мальчишки, чем искореженная в самом начале пути жизнь? Когда мы говорим о воспитании, о формировании характера, о становлении человека, мужчины, мы просто обязаны помнить: здесь нужно не просто время — нужна обстановка добра, понимания, такта, человеческого тепла и участия. Без них мальчишка может очень тяжело «переболеть» переходным возрастом.

Посмотрите, как бьются садоводы над каждым кустиком: и литературы горы перероют, и все приемы и методы испробуют, удобряют, взрыхляют землю, делают прививки...

Дети — это тоже сад, только возделывать его еще сложнее.

Я мог бы без числа называть хороших людей, которые повлияли не на одну мальчишечью судьбу. Но остановлюсь только на одном примере, на мой взгляд, достаточно ярком.

В Свердловске, когда я учился в радиотехникуме, довелось мне познакомиться с одним парнем. Дружим мы с ним и по сей день, хоть не часто видимся, и историю я его знаю хорошо.

Парень был грозой в одном из дворов на центральной улице. Дома были построены в начале первой пятилетки — кучные, с закоулками, глухими площадками в подъездах. По давней традиции собирались здесь неблагоприятные ребята.

Вовка был заводилой в пестрой дворовой компании. Он уже стоял на учете в милиции. В компании нередко ходил стакан по кругу, брэнчали гитары, устраивались драки, вытряхивались карманы не только у подростков. И, похоже, все шло к тому, что не миновать Возке уголовной ответственности...

Встретилась на его пути Ольга Павловна Розина. Эта невысокая, энергичная женщина руководила художественной самодеятельностью в радиотехникуме. Ольга Павловна, увидев Возку — рыжего верзилу, с крупными, волевыми чертами лица, услышав его бас, всплеснула руками:

— Господи!.. Да ты — прирожденный актер! Такой талант не должен пропасть!

И взялась всерьез за Вовку. Вскоре ему поручили главную роль в спектакле «Маленькая студентка», а потом и в другом спектакле — «Пятна на солнце».

Когда Ольга Павловна ушла из техникума, Вовка перешел во Дворец культуры им. Свердлова и стал заниматься у Ольги Петровны Солдатовой — позже руководительницы Народного театра Дворца им. Лавроза. Окончил техникум. Поехал в Москву. И сразу же, блестяще сдав экзамены, поступил в ГИТИС.

Сейчас это — известный всем киноактер Владимир Гостюхин...

Вот как может измениться судьба мальчишки, если найдется человек, который сумеет дать ей правильное направление.

Я часто думаю над тем, как важно уметь работать с детьми. Есть большие недостатки и во внеклассной работе школы, и у нас, в работе инспекций по делам несовершеннолетних. И когда я слушаю неподготовленные, скучные лекции и беседы с детьми, от которых буквально сдуваются скулы, я думаю: «Вот мы поставили «галочку» и считаем, что внесли свой вклад в воспитание».

Мягко говоря, это попросту заблуждение. Детям не столько нужны — пусть даже самые интересные и нескучные — беседы, сколько — возможность действия! У них энергия бьет через край, они увлеченности ищут, заинтересованности; искренности в обращении с собой требуют — сюсюканьем их не завоеешь... И счастлив ребенок, подросток, в котором взрослые углядели струну, что будет петь всю жизнь...

Почему трудные подростки редко заглядывают в детские клубы, специально для них создаваемые? Почему больше тянутся к уличному общению, к дворовым «королям»? Потому что это, как правило, очень инициативные и отчаянные ребята, умеющие придумать что-нибудь интересное, увлечь. Они, конечно, делают ошибки, но они никогда не действуют стандартно или формально — вот чего больше всего не приемлет душа подростка.

В дворовых клубах, увы, слишком мало работает молодых парней. Там сидят «тети» и «бабушки», которые хороши только, когда они родные — не чужие. Честь и хвала бабушкам, они искренне стремятся быть организаторами досуга ребятни и почти никогда... не ошибаются. Но у возраста свои законы.

Где же пацанам найти крепкую руку! Где выход буйству энергии! Где тайна, азарт, риск!.. *Avida est periculi virtus* — смелый жаждет опасности, как подметили древние философы, а мальчишки все хотят быть смелыми. И они идут за самым отчаянным...

В Тюмени специально ищут дворовых и школьных заводил, забияк. Опыт тюменского клуба имени Ф. Э. Дзержинского показывает, что подростки охотно подчиняются дисциплине и нравственным правилам, если подводить их к этому с умом, если создать интересную атмосферу, учитывающую интересы каждого. Тогда ребячья вольница готова отвечать любым требованиям.

Флаг на башне

Владимир
ЛОБОВ

В День Победы к Вечному огню шли и шли люди. Затихали у памятника малыши, склоняли головы ветераны, молчала молодежь. И вдруг тишину нарушил четкий строевой шаг — на площадь вышли подростки. «Кто это? Откуда?» — зашелестело в толпе.

— Сегодня, в этот знаменательный день, в клуб имени Дзержинского вступает еще одно поколение. Памятью павших поклянутся они быть достойными и с честью носить высокое звание дзержинца, — звенел над площадью мальчишеский голос.

Еще девяносто человек стали дзержинцами.

Ген Саньч в тот вечер на площадь не пошел. Хотя удержаться и не пойти туда, где на глазах у всего города твои воспитанники принимают присягу, почти физически невозможно. Хоть краешком глаза бы посмотреть, как там, все ли ладно... Как всегда, в последнюю минуту обнаружилось, что забыли погоньи, что ползвода доучивали клятву на ходу, что нет бензина для факелов, и т. д., и т. п... Но он все-таки не пошел.

Парадом командовал десятиклассник Леня Шехирев.

Парадом командовал начальник политотдела клуба Леонид Шехирев.

Чувствуете разницу?..

О подростковых клубах написано и рассказано немало. И все же беру на себя смелость утверждать, что тюменский клуб имени Феликса Эдмундовича Дзержинского отличается от остальных. Формы и методы, организация клуба сложились за четырнадцать лет в определенную систему воспитания.

...Старая водонапорная башня пережила на своем веку немало. Она была свидетелем расстрела комиссаров белогвардейцами, первых революционных боев на улицах Тюмени. В 1966 году ее хозяевами стали подростки. Над башней поднялся флаг.

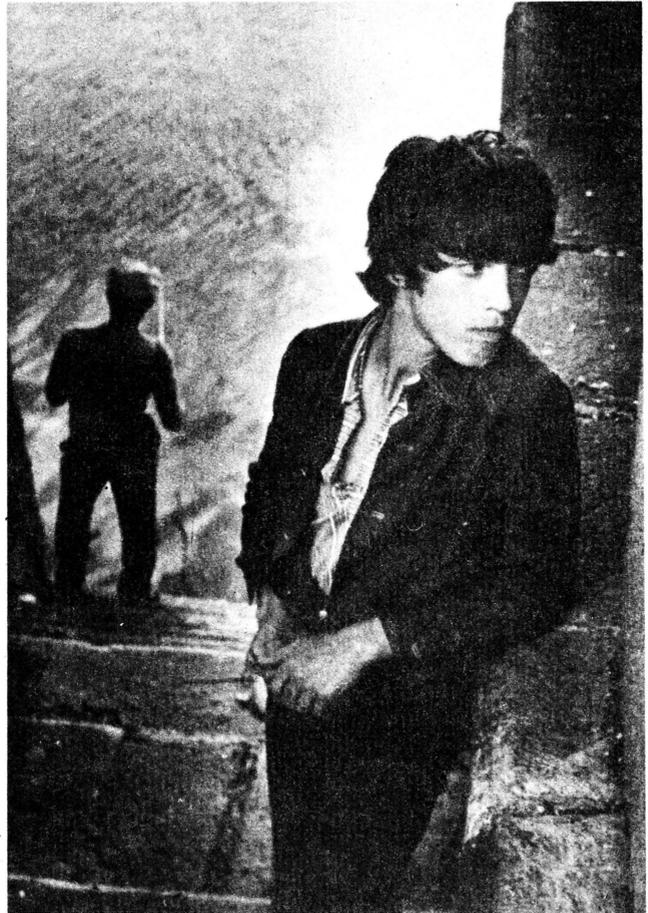
Аналогия с известными «Флагами на башнях» не случайна. В клубе царит своеобразный культ Макаренки: томики его сочинений не залеживаются в библиотеке, в разговорах ребят непременно мелькают положения о ступенях развития коллектива, о ближних и дальних перспективах...

Руководит клубом энтузиаст, на ком до сих пор держится дворовая и клубная педагогика, — Геннадий Александрович Нечаев, сокращенный до Ген Саньча.

На календаре не двадцатый год, и в башне «держат оборону» не беспризорники, но ситуация, по сути, мало отличается от тех времен. Она лишь значительно усложнилась: переубеждать, перевоспитывать надо не откровенно запущенных ребят, а таких, которые носят вполне приличные маски благополучных и раскрываются полностью только у себя во дворе, а потом здесь, в клубе.

Не обойтись без маленького экскурса в прошлое Ген Саньча, ибо истоки понимания им души подростка, его смутного влечения и тайн лежат в его детстве.

В семье Геннадию жилось сложно и скучно. Его все время преследовал страх перед наказанием. Что-нибудь не так сделаешь — ремень был беспощаден. О том, чтобы поговорить дома или рассказать что-то — не было и речи. Может, поэтому с такой неохотой возвращался Гена домой после школы. Чуть подрос — жизнь стала совсем невыносимой, хоть беги из дома. И однажды в милицию поступило заявление с просьбой помочь разыскать родителям их сына Г. Нечаева. Несколько раз убегал Геннадий. Ког-

Кого ждем?..

Фото И. Медведевой

Мнения

Свободное общение — не просто способ проведения досуга, но и средство самовыражения личности. Юноша жаждет новых знакомств, приключений, переживаний. Своеобразное, часто неосознанное чувство неприкаянности гонит его прочь из дома... Это ожидание чего-то нового, неожиданного: вот прямо сейчас, за ближайшим поворотом должно произойти что-то значительное — интересная встреча, важное знакомство... Большой частью эти ожидания не сбываются... И все-таки на следующий вечер ноги сами несут его туда, где люди.

Профессор И. С. КОН

да привозили его домой — грязного, бритого, — смотрел волчком.

После очередного кризиса пришел в школу, смутно надеясь уладить неладное в своей судьбе, побороть отчаяние. Выдержал и насмешки одноклассников, и строгий разговор с директором. А от одной фразы, небрежно брошенной «классной дамой» Матильдой Филипповой, пришел в ярость.

— О, снова наш каторжник появился... — договорить Матильда не успела, запустил в нее Генка фарфоровой чернильницей. И — с глаз долой, из сердца вон...

Ребячьих клубов в те годы, когда кончалось Генкино детство, не было. А вот чудачки и тогда не переводились. Был в их поселке милиционер дядя Миша. Кумир пацанов. И ножи метать учил, и приемы самбо показывал, а главное — жизни обучал: справедливости, честности. Дядя Миша и стал для Генки образцом для подражания, идеалом, самым светлым человеком в детстве и отрочестве. Потом была армия, борьба, бальные танцы, бокс, каратэ, спортивный техникум.

Мальчишки вошли в его жизнь неожиданно. Работал методистом по спорту на заводе, заведовал спортивным инвентарем, футбольными мячами. Попросили парнишки один раз мяч попинать. Дал. На другой день они тут как тут. А сами худенькие, слабые... В этот раз они мяч получили лишь после того, как проделали несколько упражнений. Так у них и пошло: позанимаются — получают мяч, а после матча сразу же расходятся — посидят, поговорят.

И на каком-то этапе Ген Саныч понял: долги надо отдавать. Он для этих мальчишек — тот же самый дядя Миша...

Можно подробно, год за годом, рассказывать о становлении коллектива, об удачах и провалах, поисках и сомнениях. Когда-нибудь дзержинцы расскажут. Сейчас же хочется поведать лишь об основных направлениях.

...Итак, вы — «черный ящик». Не удивляйтесь, так оно и есть. Никому не известно, что вы за человек. Из первой научной конференции в клубе проблеме «черного ящика» было посвящено целое выступление. Цитирую: «И вот непосвященный новичок пришел в клуб с заявлением на руки и очутился на самой первой ступени. Он ничего не знает о клубе, мы ничего не знаем о нем...»

Цель первой ступени: всестороннее изучение личности новичка, ознакомление его с клубным коллективом.

Задачи: познакомить с организацией, требованиями, символикой клуба, определить личностную и ценностную ориентацию, круг интересов.

Проблемы: несоответствие знаний и умений личности и требований клуба, противоречие между потребительским отношением к жизни и активным.

Средства: разнообразные формы анкетирования, социологические опросы, включение в деятельность коллектива.

Итог: составлена полная характеристика личности (черты характера, способности, интересы, наклонности), определены ближайшие цели, сформированы трудовые навыки по самообслуживанию себя в клубе.

Всего таких тщательно разработанных ступеней — четыре. Переход со ступени на ступень осуществляется строго индивидуально для каждого члена клуба. Почти всегда неизбежен срыв: следует скатывание на предыдущую ступень или даже — в отсев, на первоначальную. Эта модель проверена практикой клуба, и отдельные детали приемлемы для организации любого коллектива.

Но вернемся к «черному ящику». Знакомство с клубом происходит хитроумно и весьма оригинально. Новичку дают бегунку, вреде обходного листа. За время испытательного срока ему нужно встретиться с шестью-семью руководителями кружков, побывать в политотделе, заглянуть в спортзал и во Дворец пионеров — выбрать себе дело по душе. Мимоходом заметим, что вначале новичок лишь получает знания, умения, навыки — это действует первая ступень роста. Конечная цель — получение права учить других и быть наставником кому-то следующему.

Старшие братья издавна учили младших всем дворцовым наукам, так происходит и в клубе.

Любой из дзержинцев поручится вам, что ничего этого не было бы без самоуправления. Слово это не новое, даже скорее избитое, ибо зачастую, говорим мы, и в школе существует самоуправление, закрывая глаза на то, что его нет и в помине. В клубе существует общий сбор, совет командиров, ряд отделов — политический, военно-спортивный, хозяйственный, отдел кадров. Совет командиров — это действующий актив. Система самоуправления построена таким образом, что каждый побывает в должности и командира, и подчиненного.

Нелегкому искусству воспитания надо учить. В клубе имени Дзержинского создан свой педотряд. Вот что рассказывает о нем командир взвода рабочей молодежи Владимир Морозов:

— Взвод образовался из людей с разнообразным характером деятельности: рабочие, служащие, студенты. Приобщить их к одному характеру работы — с трудными подростками — не просто. Не скрою, взвод несколько раз распадался и создавался вновь. На основе взвода действуют кружки: автодело, радио, акробатика. Мы очень тщательно выбираем время работы кружков, стараемся, чтобы оно не совпадало. Подросткам, с их еще не сложившимся характером, трудно правильно определить интересы и распределить свои силы: они часто хватаются за одно, потом теряют к этому интерес — им надо дать найти себя.

Идея педагогических отрядов возникла случайно: просто башня была не в состоянии вместить всех желающих. И тогда из числа наиболее подготовленных ребят были выделены инструкторы для работы в школах и дворах. В школах инструкторы взяли на себя роль «вторых» педагогов. Создавая отряды дзержинцев, они помогали сплачивать ребятам в единый коллектив, живущий по законам клуба. Инструкторы посещают командирскую учебу, читают педагогическую литературу, на взводных собраниях делятся мнениями, опытом.

В школьные отряды дзержинцы набирают не менее 30—40 процентов неуспевающих и часто нарушающих дисциплину учащихся. Пока работа ведется в 7-й, 12-й, 16-й, 26-й средних школах. Не все было гладко сначала, порою педагоги даже не понимали дзержинцев. Но вот в 7-й школе (инструктор Сергей Раевских) ребята стали меньше получать замечаний, сократилось количество двоек. Раньше Сергей создал такой же отряд из тридцати трудных подростков в 23-й школе — сейчас ребята ни за что не узнали бы себя в тех ершистых подростках, какими они были...

Опыт работы взвода рабочей молодежи признан одним из лучших на IV Макаренковском всесоюзном слете в Череповце в августе 1979 года.

Сначала в отряды шли, как правило, те, кого интересовал спорт. Первые тренировки вел сам Ген Саныч, потом туда направлялся клубный инструктор. Сейчас можно открыть маленький секрет. У клуба, у отрядов дзержинцев, есть одно завлекательное средство — каратэ. Занятия ведутся на профессиональной основе, под руководством опытных тренеров. Первые воспитанники нынче уже участвуют в чемпионатах по этому виду спорта.

Я хочу предложить читателю экскурсию в один из дворов Тюмени. В этой истории вымышлены только имена.

— Клянись, что никому не скажешь! — прошептал Колька. — Я теперь каратэ занимаюсь...

Что такое каратэ, Сашке объяснять не надо было. И фильмы видел, и журналы читал, а при случае мог подпрыгнуть вверх и дрыгнуть ногой, изображая прием.

— А мне можно? — тоже шепотом почему-то спросил Сашка.

— Ладно. Спрошу у Игоря.

Мир для Сашки потерял свою привлекательность. Надо же, столько лет жил с соседом, и вдруг он каратист, а Сашка — нет. Где же справедливость? Сашке-то,

как никому, надо быть сильным: отца нет, и ростом не вышел, только и знаешь, что всех бояться...

Несколько дней Колька тянул резину. Наконец сказал:

— Игорь разрешил. Тольке 13 рублей принести нужно.

Таких денег у Сашки отродясь не бывало. Надежды снова рушились. И Сашка решил рискнуть.

...Озираясь, он спускался за Колькой в подвал. Папиросный дым стоял коромыслом. Несколько подростков, класса девятого-десятого, демонстрировали различные приемы. Игоря Сашка определил сразу: по спортивной фигуре, по властности в глазах. Сашка увидел еще человек пять салажат, из пяти-шести классов.

— Слушайте все,— вдруг захопал Игорь в ладоши.— Особенно вы, мальки. Я предупреждал, что о нас никто не должен знать. Пеняй на себя, Колька, мне сказали, что ты перед мужиком хвастал, приемы показывал.

Неожиданно Игорь подошел к Сашке, натянул ему на руку боксерскую перчатку, приказал:

— Бей!

Сашка не знал, что делать. Ему совсем не хотелось ни с того ни с сего дубасить лучшего друга. Но и Игорю хотелось понравиться с первого раза... Колька заплакал сразу. Потом Сашка плохо сообразил, что было: били Кольку по очереди... Игорь добавил еще одну фразу: «Предателей расстреливают»,— и в Санькиной голове все встало на место: да, правильно, Колька проболтался, Колька — предатель, правильно ему поало.

Несколько недель Игорь не напоминал о деньгах. Сашка приходил, отрабатывал удары, вместе со всеми склонялся над японским учебником, заучивал непривычные названия, японский счет. Это был другой мир — такой далекий от их двора с детскими играми, от ворчания матери...

Сашка обещал отдать деньги через неделю. Ходил по автобусам, собирал копейки, искал бутылки. Но до тринадцати рублей было так же далеко, как до черного пояса мастера.

Через неделю в том же подвале били Сашку. Он ушел окровавленный, с двумя выбитыми зубами. Ушел, чтобы никогда не вернуться...

Сейчас эта тайная секция не существует. А о Сашкиной трагедии узнали дзержинцы и привели его в отряд. Рассказать же об этой истории захотелось потому, что подростки в клуб имени Дзержинского идут, в основном, из-за каратэ. Эта приманка действует как магнит...

Но как рыба незаметно для себя оказывается в воздухе, так и тут подростки, придя только для того, чтобы заняться спортом, оказываются втянутыми в широчайшую и разнообразнейшую деятельность...

И здесь, вероятно, немаловажную роль играют традиции. Вот как говорит об одной из них Леонид Шехириев:

— Мы приходим в клуб и здороваемся с товарищами за руку. С рукопожатия начинается пребывание здесь. Лишь от новичков иногда услышишь, как они удивлены, что им сразу же протягивают руку. У нас этот жест говорит о том, что в любой момент человеку окажут помощь и протянут руку в беде...

А вот еще: ребята встали в круг, передают друг другу банку с соком, говорят тосты. Празднуется чей-то день рождения. Для именинника сыграют на гитаре, споют, спляшут...

Закончился ли диспут, вечер, выступление — и начинается анализ «по солнышку», по кругу. Это тоже традиция: отмечать все удачи и промахи, учиться анализировать.

В свое время всем клубом проводили в армию Рафика Фаизова и Сергея Андрейченко. А сейчас Рафик и Сергей, демобилизовавшись, сами взяли себе детские отряды. И то, что многие из дзержинцев идут на работу в милицию, в педагоги,— тоже традиция.

А не бояться никакой работы — это закон.

В клубе мало говорят о трудовом воспитании — здесь работают. Ни одна из шефствующих организаций не финан-

сирует клуб. Телевизор, диапроектор, фотолаборатория — все заработано самими. Ни разу за все годы существования клуба не было сказано: «Принесите по пять рублей, нужно сшить форму». Вопрос ставится только так — работать.

Все чаще на страницах газет появляются тревожные статьи о том, что, запретив детский физический труд, мы обрекли 14—17-летних ребят на безделье, на ничегонеделанье, предоставив им самим, куда девать пустое время. У дзержинцев свободного времени нет. Работу на почтамте они принимают как должное. Субботники проводят не раз в году — много чаще: каждый раз, как совет командиров решает что-нибудь приобрести для клуба.

...Духом дзержинцев заражаешься, если поближе познакомишься с ними. Побываешь ли на совете командиров, или на диспутах, где спорят о международной обстановке, о новых кинофильмах, обо всем, что волнует. Или на субботниках, где агитбригада поет, мальчишки ворочают железные ящики, Ген Саньч по-пацаньи свистит в два пальца. «Коты» придумывают хохмы («коты» — это те, кто заняты смехом и считают, что это дело серьезное). Вдруг ощущаешь, что ребята приходят сюда за всем этим — за самоутверждением в своих глазах и в глазах товарищей. Приходят, несмотря на то, что за один-единственный пропуск занятий приходится писать объяснительные записки, на то, что отдел кадров еженедельно собирает дневники — и горе тому, у кого появились двойки: он отстраняется до тех пор, пока не наладит дела с учебой.

Опыт клуба рекомендован к самому широкому распространению. В какой-то мере «Дзержинцу» удалось решить проблему подростковых клубов — перерастающий детский возраст, привлечь — в хорошем взаимном проникновении — и четырнадцатилетних мальчишек, и рабочую молодежь, и студентов. И для всех быть привлекательным.

Два слова об идеале

Я не знаю, кто был бы мне идеалом. Не известен мне человек, в котором совместились бы все хорошие или все плохие черты сразу. Много людей добрых, отзывчивых; конечно, это прекрасные черты, но разве они не обязательны для всех людей? Природа умна: она дает человеку ровно столько, сколько нужно. Поэтому если мне или кому-то другому захочется все знать и уметь, я вряд ли найду конкретного человека, служившего бы примером на все сто процентов.

Свердловский школьник
Алексей КСЕНОФОНТОВ

Брать с кого-то пример можно и нужно, но далеко не во всем. Абсолютно положительных людей не бывает, так что идеал, как правило, оказывается «сборным». Идеал предполагает вообще слепое поклонение. А это занятие не для мыслящих людей...

Свердловский школьник
Александр КОРОБКОВ

Что ищет и не всегда находит подросток, чего он хочет? Свободного общения — поэтому его привлекает двор; друзей — он легко вступает в контактную группу, чаще всего, стихийную; интересных дела — он готов; он хочет быть на равных со взрослыми, он требует самостоятельности. Как часто многие воспитатели рады подменить это слово «самостоятельностью» — оно бы оберегало их, воспитательский, покой, сразу бы сняло весь груз ответственности. Но ведь сами взрослые когда-нибудь да вырастали из коротких штанишек...

Статус самостоятельности

Виктор
ВОРОБЬЕВ

Мы, взрослые, часто кричим «караул!» и спешим занести колочухи, дерзких ребят в реестр непослушных только за то, что они поступают не так, как мы хотели бы. Термин даже такой выдумали: «трудновоспитуемые».

А можно ли вообще процесс воспитания человека назвать легким? «Жить — значит медленно рождаться. Это было бы чересчур легко — брать уже готовые души», — говорил Экзюпери.

Летом мне по служебным делам пришлось побывать в школьном лагере труда и отдыха «Буревестник», деньги на содержание которого выделил Уральский алюминиевый завод города Каменска-Уральского. Не скрою, идея школьного лагеря, куда собрали «запущенных» подростков, у многих ответственных лиц не вызвала рукоплесканий: «А вдруг ваши «подучетники» начнут колобродить и испортят хороших ребят?»

...Прежде чем познакомиться с начальником лагеря Юрием Ивановичем Тумашовым, я спрашивал о нем многих мальчишек и девчонок. Хотелось уяснить: Тумашов авторитетен только у «начальства», много говорившего мне о его заслугах, или чтим и у себя «на производстве»? Все опрошенные, словно сговорившись, отвечали: «Добрый, смелый, все умеет».

«Добрый»... Видимо, соскучились эти ребята, не раз приглашаемые на всякие официальные разбирательства, по доброжелательности! Да, это много значит: не возрастное понятие, не автономное. Доброта не может существовать в человеческой природе рядом с хамством, скажем; невозможно искренне желать кому-то добра и одновременно отравлять другому жизнь. Доброжелательность — она либо есть, либо ее нет, а если есть, то занимает всю полноту сердца.

Только я и этих ребят знаю: они доброту ценят, но иной раз могут и ни во что поставить — обойти, обвести вокруг пальца, коли им надо. Тут что-то другое. Чем Тумашов берет? Прямо души наизнанку у этих «трудных» выворачивает...

...Шестнадцатилетний Андрей Барбатулов — рослый парень с репутацией забияки и бесстрашного мотогонщика. Однажды он вернулся в лагерь после победного выступления на соревнованиях. Но вернулся не с пустыми руками: в спортивной сумке позвякивали бутылки, разумеется, не с минеральной водой.

По уставу «Буревестника» нарушитель должен быть немедленно изгнан. Что же делает Тумашов?

Он придумывает себе срочную поездку в город...

— Андрей, — сказал юноше начальник лагеря, пригласив в кабинет, — мне необходимо выехать. Назначу тебя старшим по лагерю. Все, Барбатулов, ты свободен.

И он действительно уехал. В машину, правда, сел с тревогой на сердце, но внешне выглядел, как всегда, спокойным. Утром, на линейке, Андрей доложил:

— Происшествий на территории школьного лагеря труда и отдыха за истекшие сутки не произошло...

А ведь произошло: в тот летний день в лагере «Буревестник» впервые показала себя личность — то, над чем долгие годы бились профессиональные педагоги. Тумашов, проявив человеческий такт и приняв смелое, нестандартное решение, поверил юноше. Состоялась обратная связь: Андрей, в свою очередь, ответил ему безукоризненно выполненным поручением.

Доверяя подросткам и спрашивая с них по самому высокому счету, мы проявляем уважение к ним как к самостоятельным людям. Серьезность и требовательность, доброжелательность и вера — это необходимые условия воспитания. Между прочим, Юрий Иванович закончил технический вуз и педагогикой начал заниматься лишь в последние годы.

Тумашов выглядит молодо. Высокий, сильный, энергичный. Не любит одиночества. Ребята его любят и повинуются беспрекословно, только в повиновении этом нет и грама раболепия, боязни или бездумного автоматизма. Фраза «Тумашов сказал» сразу же приводит всех в движение. А может, они любят Тумашова потому, что и он относится к ним, как относился бы старший брат, а не начальник, не руководитель?

По предожению Тумашова в лагере введены дни самоуправления. Ребята обязаны все делать сами. Никто их не кличет на утреннюю линейку — сами. Никто не дает наряды на работу — сами планируют и контролируют качество сделанного.

Но дело в том, что Тумашов решил начать эксперимент с самых что ни на есть «трудных»... В самый первый день доверил управление Юре Рыжову, Саше Бахареву, Мише Королеву, Серееже Пологову, Лене Кумину. И вот ребята, на которых и в стенах милиции-то поглядывали с опаской, оказалось, умеют со всей серьезностью справиться с поручением. Рабочие бригады в этот день перевыполнили норму в полтора раза. Все мероприятия прошли на самом высшем уровне. Порядок был везде и всюду.

Работать с четырнадцати-семнадцатилетними подростками нелегко. Еще труднее завоевать у них авторитет — и не по должности, а по-человечески.

— Я ничего нового тут не открыл, — сказал Юрий Иванович. — В человеке есть огромные возможности. Каждый по-своему талантлив. Значит, остается только точку приложения определить и все резервы реализовать...

Как было с Барбатуловым? В этом парне с поразительной легкостью уживаются качества необузданного анархиста и способного организатора, вожака ребят и уличного дебошира, хозяина крутых, рискованных автотрасс и труса, прячущегося за спину своих товарищей, когда складывается не совсем приятная ситуация. Что перевесит?

— Если я не буду ему верить — все негативное оценится, — убежден Тумашов. — Моя задача — дать толчок его лучшим качествам.

...Они вокруг нас, мальчишки и девчонки. Им предстоит многое взять на себя завтра. Как важно, чтобы был рядом вот такой Тумашов, который обратил бы их, стоящих на распутье, в свою веру!

...Первоклассник сочиняет сказку. Он подбирает слова, разыгрывает в уме картинки, называет злых героев сердитыми именами... А потом насчитается 45 томов, а в них семь тысяч лучших сказок, написанных учениками начальных классов... Это — школа Василия Александровича Сухомлинского.

...Утром начинается удивительная жизнь. Короли и королевы мудро и не очень мудро правят своей детской Страной. Послы собираются в дорогу с важными поручениями. Воинственные индейцы прилаживают перья на головных уборах. И даже суд готовится рассматривать очередное дело, опираясь на свой собственный кодекс порядочности... Это — Дом Сирот Старого Доктора Януша Корчака.

...Звенят склянки, созывают мальчишек с красными звездами на груди. Полно у них дел: девочку плачущую угомонить, козу беспутную домой вернуть, защитить жителей от хулиганов... Это — мир героев Гайдара.

...Два одноклассника под одним парусом ходят. Маленький — в адмиралах давно; а тот, что выше его на полторы головы, у него в матросах. А все равно приятелей водой не разольешь... Это — отряд «Каравелла» свердловского писателя В. Крапивина.

РЕБЯТАМ НУЖНА ИГРА. Без нее их души черствеют. И пусть старо, как мир, понятие «романтика» — она одна, настоящая, неподдельная, способна создать противовес стихийным группам.

Двадцать лет — вожатым

Интервью с писателем

Владиславом КРАПИВИНЫМ

— Владислав Петрович, как ваш корпус стал флотилией?

— Во-первых, с самого начала пошло: пиратская команда на чердаке, штурвал, карты, вахтенный журнал... Потом журнал «Пионер» предложил создать корреспондентский пункт. Но скоро стало ясно: одними заметками мальчишек не удержать — скучать будут. Начали снимать фильмы. Занялись фехтованием. Решили создать флоти-

лию. Сперва учились вязать морские узлы на веревках. В 1969 году стали строить свой флот; у нас появились яхты, ходили на них в походы. В 1978 году, когда мы лишились помещения, я, не видя выхода, сдал яхты Первоуральску, распустил экипажи. И вот тогда встретил общее неповиновение своих ребят: группа барабанщиков отказалась разойтись, более того, они сами договорились о том, чтобы продолжать «Каравелле» выходить на воду. Наши собственные традиции обнаружили «непотопляемость»... Я до сих пор вспоминаю тот «кризисный» наш период, то трудное зрелое время с волнением и с благодарностью ребятам — за то, что оказались верны нашим принципам. Нам всегда здорово помогала морская школа ДОСААФ в Свердловске: моряки дали две шлюпки, пустили на свою базу. Помогали и моряки Балтики и Севастополя. Сейчас мы оснащены не хуже, чем некоторые такие же организации в приморских городах, хотя они на государственном бюджете. Нынче за зиму мы построили целых восемь яхт — такого в нашей флотилии еще не бывало.

— Вас наверняка спрашивают о методике вашей работы, что вы отвечаете!

— Я всегда буду повторять: нет у нас своей методики — есть давняя методика пионерской организации — прекрасная, проверенная, с романтикой, самодеятельностью, революционным содержанием. Мы строго ее придерживаемся.

— Какие главные правила отряда «Каравелла»!

— Есть в дворовых клубах немало ребят, которые пришли, в пинг-понг поиграли, под надзором старших отдохнули за приятным занятием, а потом ушли и делают, что хотят: вешают кошек, бьют стекла, отбирают деньги у малышей. В клубе он «такой», а за его дверями — «другой». Первый наш пункт обязывает: ты — член «Каравеллы» везде и всюду. Одна форма, одни принципы. Держи честь отряда, будь ответствен за свои слова и поступки, где бы ты ни был.

Второе правило: никогда не дразни слабых, «рыжих», «очкастых». Никакого пренебрежения и никакого сиротства. Не можешь писать заметки — найдется дело в фильме; на рапирах не получается — первым пойдешь в походе. В отряде все равны.

Третье правило — не бойся риска. Это правило, скорее, для руководителя, поскольку накладывает на него ответственность. Мало ли у нас людей среди воспитателей, которые боятся водить ребят в лес, отпрзвить по озеру в лодке... Мы не боимся ночью оставлять в карауле пятиклассников: мальчишки — народ смелый.

Четвертое правило: соблюдай все отрядные ритуалы. Был в отряде один случай, я считаю его проявлением настоящего долга. В красном уголке, где мы занимались, была назначена лекция. Взрослые собрались, а в комнате у флага наш паренек стоит... Они его стали выпроваживать, кто-то даже додумался оскорбить: «Ах, ты, сопляк!» Он уперся на своем: «Я — на посту». Как жаль, что не нашлось никого из взрослых, кто бы похвалил мальчишку, он того заслуживал. Меня часто упрекают: не так маршируют ваши ребята, не такие у них барабаны, не в той стойке стоят у флага. Я не знаю, в какой «не той» стойке он стоит, но я знаю — он стоит, его не уберешь никакой силой. Можно отмаршировать по всем правилам, а потом насовсем забыть про знамя и оставить его надолго пылиться в углу. Все это показушное отношение к ритуалам, а нужно глубинное понимание этих вещей.

И пятое правило: никогда, ни при каких обстоятельствах не будь трусом! Неважно, что меняются критерии, и за разумное нынче многие выдают точку зрения человека из хаты с краю: «А зачем я полез!» Без умения защищать свое достоинство человек не может уважать себя.

— Из отряда выходят моряки, журналисты!

— Есть и моряки, и журналисты. Но мы существуем не для того, чтобы профессионалов выпускать. Когда ребята видят свою первую заметку в газете, или когда идут под парусом, они «не готовы жить», а уже сейчас жи-

вут, делают дело, чувствуют себя настоящими людьми. В этом куда больше радости, чем в обладании заграничными штанами, в сытой устроенности... Есть сервант, и есть Сервантес... Есть «Жигули», и есть конь и всадник с шашкой наголо... Мы хотим, чтобы ребята выбрали коня. Детство должно быть ярким, радостным и смелым. Когда мне говорят: «Вы воспитываете идеалистов», я с гордостью отвечаю: «Да! От слова — идея!» Практицизм жизнь сама привьет... А мальчишки должны сердцем принять святые вещи, должны в детстве ощутить бескорыстные дружбы, научиться быть непримиримыми ко всякой несправедливости и неравноправности.

— **Что вы считаете самым опасным для ребят?**

— Чрезмерную опеку. Возьмите хотя бы продленку... Ведь хороший замысел, но доведен до абсурда: восьмиклассники ходят под наблюдением воспитательниц! Они — что, малыши? Им зачем каждосекундный надзор нужен? А как тогда учиться самостоятельности? Этаким дуболук ходит за ручку и умеет только «слушаться...» Потом он и на армию смотрит, как на продленку...

— **Что вы считаете самым опасным для взрослых!**

— Говорить детям неправду. Я выслушал немало упреков, когда разбирался в школьных конфликтах: «Зачем вы ребят впускаете в эти дела, зачем вы говорите им, что взрослый не прав?» А если этот взрослый бьет мальчишку, и другие ребята это видят? «Вмешивать детей сюда непедagogично», — говорят мне. Значит, я должен давать искаженное представление о педагоге, о законности — врать детям, или что? Убежден: половина взрослых потеряла ребячье доверие из-за того, что детям говорили неправду или полуправду. Ребенок очень чуток на ложь и не прощает ее.

— **Как вы считаете: пятнадцатилетним нужна игра!**

— Игра нужна всем — и пятнадцатилетним, и тридцатилетним, людям всех возрастов. Возьмем спорт, возьмем многие ритуалы наших праздников, всевозможные телеконкурсы, лотереи, олимпиады... Известно, игра — это то, что создает праздник, не в смысле «фейерверк», а в смысле — приподнятое настроение, состояние души. Детям она нужна в первую очередь.

ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Есть теория становления ребячьего коллектива, она включает в себя три стадии, три ступени. Первая стадия, «диктаторская», предусматривает единоличное влияние педагога, безоговорочное подчинение ему. На второй стадии педагог «делит власть» пополам с активом. И только на третьей ступени каждый член коллектива становится его полноправным хозяином — коллектив получает бразды самоуправления в свои руки.

Стихийная, контактная, группа в эту нормальную схему не укладывается. Она сразу осуществляет третью стадию — с ее равноправием, самостоятельностью, свободным общением!.. Она и притягивает тем, что ничто в ее движении не предусмотрено правилами, не запланировано, все вызывает встречный интерес подростка: неожиданность, стихия-вольница, открытие...

Но направить эту самостоятельность, это самодвижение в нужное русло стихийная группа не всегда может.

Безусловно, нужен ребятам лидер. Природа пустоты не терпит: нет хорошего руководителя — найдется плохой. Им станет мальчишка не самых лучших качеств или опытный правонарушитель, опасность влияния которого реальна, и мы никак не имеем права списывать ее со счетов. Больше того: не слишком ли мягки наши законы, не следует ли

усилить меру наказания именно за привлечение несовершеннолетних к преступным действиям?

И в «плохом», и в «хорошем» случае налицо тенденция, которая всех нас может обезоружить, или, наоборот, вооружить. Лидером всегда становится тот, кто владеет чем-то уж очень захватывающим. Это у взрослых лидер выбирается по другому принципу, но ни в одной дворовой компании не выбирают мальчишку в лидеры за то, что он хорошо учится, — это ведь слишком обычно... Дети и подростки выбирают себе кумира за необычность.

Одно из социальных мнений даже допускает такую крайнюю формулировку: подростков часто привлекает все, что запрещено. Не надо пугаться этого слова (антиобщественные поступки всегда были запретны, и здесь ничего не изменится); а вот так ли уж запретны — во имя режима! — ночные тревоги в пионерлагерях, дальние походы? Не стоит ли провести ревизию подобного рода запретов?

Кстати, клубы и методы, о которых рассказано на этих страницах, как раз привлекают своей неординарностью, необычностью. Наверно, с точки зрения официальной педагогики не очень правильно, а может, и запрещено, называть ребят «котами» (жаргон!), всех допускать к карагэ, девчонок отправлять на яхтах... Или — просто необычно?

Так что же, подвести черту под этими двумя знаменателями — необычность и запретность? Ни в коем случае.

Нет одного-единственного ключа к подростку. Он может потянуться за необычностью, но он займется и самым обычным делом, если это дело настоящее. Подростку интересно заниматься и со слесарем, который учит чинить водопровод, и с инструктором, который учит водить летающие модели. Взрывную энергию переходного возраста можно обуздать умением создать интересную атмосферу. Подчинить дисциплине. Направить в нужное русло хорошим общением. Увлечь игрой...

И если есть тут ключ к беспокойной, бурно ищущей действия мальчишечьей душе — так это только честное, искреннее отношение к ребятам, искренняя заинтересованность в их судьбе.

Да, лучше если у всех компаний будет умный взрослый руководитель, наставник, старший товарищ. Но вернемся к дворовым «королям» — они не исчезли и, наверное, не исчезнут. Далеко не все из этих озорных, инициативных ребят — плохие. Никому, пожалуй, не придет в голову надеть высокое звание гайдаровского Тимура, а по сути этот славный мальчишка был тем самым дворовым «королем». А оруджавовский Ленка, верховодивший в одном из московских дворов: «...Если другу станет плохо или в чем не повезет, он протянет ему свою царственную руку, свою верную руку, и спасет».

А однажды, когда

«Мессершмитты», как вороны,

Разорвали на рассвете тишину,

Наш король, как король:

Он кепчонку, как корону —

Набекрень, и пошел на войну...

Дворовые «короли» — руководители, что называется, первой инстанции. Им бы, со всеми их, тимуровскими и не-тимуровскими, командами — да дело стоящее, да верную руку старшего...

А у вас во дворе разве другого хотят мальчишки? Разве хотят они быть плохими?

РЕДАКТОР ОТДЕЛА

Кропотушки Христины Денисовны

**Аэлита
ШИГИНА**

Фото на 1—3-й стр. вкладки
Н. Медведевой

Христина Денисовна — человек известный. Ее рукодельные работы — коврики, игрушки — не раз бывали на областных, всероссийских выставках прикладного искусства. Газеты о ней писали, телевидение передачи ей посвящало, в кино Христину Денисовну показывали...

Она еще и рисует, и лепит, и строит. И тот, кто видел ее работы и потом пытается рассказать о своих впечатлениях, всегда пользуется одним и тем же словом — «поразительно», «поражен», «поразительное искусство».

А Христина Денисовна удивляется:

— Никак не понимаю: ну, что тут поразительного? Неграмотная я баушка-то. И говорю плохо, и слова не все выговариваю.

Не понимает Христина Денисовна в безыскусной душевной своей простоте, что даром владеет редким, удивительным.

— Вся моя жизнь — в этой вот кропотушке. Охота все это было делать всю жизнь. Много переделала, ох, много! И все — своими руками: узоры, скатерти, полотенца, коврики. Пряла, ткала, вышивала, шила. Я ведь и портниха, и все добрые люди — ко мне. Шила на людей платья, кофты, юбки, шапки, фуражки.

А потом наш батька четыре года на войну ходил. Нас оставил — пять человек. Детки все — в школу, да все малы. И я все сама правила: сено косила, дрова ладила. Сегодня не сделаешь, так надо завтра пораньше встать. Корова-то вредная была, не принимал ее пастух — тоже сама пахла. И мне все охота было делать, и не тяжело было.

У меня так до сих пор и осталось: делаю, делаю, остановиться не могу, хоть и стара уже. Меня даже люди, бывает, попрекают:

— Ты что, от ума отстала, зачем тебе все это?

А мне — пусть что хотят, то и говорят. Мне интересно. Я захожу в свой дом, и все у меня тут есть: все, что когда видела, слышала, со мной навсегда остается. Все — с самого детства.

Вот и раскрыла свой секрет Хри-

стина Денисовна: не должна уходить из жизни человека пережитая им радость, изменчивая красота времен года, память о дорогих сердцу местах и людях. И удержать все это рядом должно искусство...

— Родилась я в деревне. Вот, смотрите, на коврик моя деревня. Вот в этом домике жили, а это — соседский. А это — речка. За речкой-то — луг. А на лугу, вишь, лошадь пасется.

Вот так в деревне было, когда я девчонкой бегала. Работы-то в деревне много. Родители-то сами работали и с детей спрашивали. Старший брат тоже сидеть не давал. Иван-то Денисович трудиться любил, все сам умел — плотницкие работы, телеги, инвентарь сам ладил. Кони у нас были — так он и кошевку, и сани. Я тоже умею сани сделать. Все умею...

А рукоделие тоже с той поры пошло. Чтоб рукоделье уметь, надо с детства начинать. Руки приловчиться с малых лет должны. Вот у меня внучка Света, хорошая девочка, учится хорошо и музыке учиться на пианерки. А вот так сделать уже не сможет. Уже время вышло. Сызмальства надо начинать.

Вот глянь-ко, скатерка. Мне семьдесят годов, а она, поди, — тоже старушка. Пятнадцать годков мне было, когда ее вышивала. Прочная еще: стираю — хоть бы что. Узор — цветы по углам. А посредине — салфетка кладется, тем же узором вышита. По старинке-то подносы на стол ставились. Вот и я свой поднос сделала. Ручная работа. Филейка — тоже ручная работа. Мы филейку-то свяжем с мамой, бывало, натянем ее, хоть большую, хоть маленькую, и вышиваем, какой рисунок надо, шерстью. А шерстку тоже мама сама пряла — тоненько-тоненько.

Вот с детства все и получилось. И рисунки — с детства. Что такое лыко, знаете? Это с липы кору надирают. Она как канва. Я коврики из лыка делаю, а потом их раскрашу, разрису — красиво получается.

А сейчас у меня Саша-то, сын, рубит в мастерской. Он какой ящик не нужен — изломает, принесет до-

мой. И я на дощечках тех красками рисую. Что понравится, то и рисую.

Большую добрую семью собрала вокруг себя Христина Денисовна. Светла вместе и поселила под крышей своего небольшого гостеприимного дома таких непохожих друг на друга, разных судеб и жизней людей.

— Вот Лев Толстой. И это — он тоже. Тут он еще молодой был. Тут на обороте надо смотреть. Это я из журнала вырезала: Толстой в кругу семьи. Вот семья-то какая была у него большая.

Тут тоже на обороте надо смотреть. Также из журнала: Байконур, домик Гагарина. И на моей стороне — домик Гагарина.

А это — моя любимая артистка Мария Пахоменко. Как на сцену выйдет, такая спокойная, как запоет — так заслушаешься. Вот я ее у себя дома и оставила. Нарисовала вместе с гитаристом, который играет, когда она поет. Онисим его зовут.

А это я свадьбу в Малиновке нарисовала. Дедушка с бабушкой внучку растили, растили. Андрюшка-то приехал да вот ее и увез. А они вслед в окно смотрят...

«По Дону гуляет казак молодой», «Под окном черемуха колышится». Вот так я и компонирую. У меня ведь многое с телевизора. Я все смотрю, а делаю, если мне только понравится.

А эти женщины в белых длинных платьях, с косами — «Ой, цветет калина...» Это две сестры. Они не русские певички. Они на празднике песни пели, свои, национальные. А потом диктор по телевизору объявил, что будут они песню русскую петь «Ой, цветет калина в поле у ручья». И как пели-то они хорошо! Мне понравилось. На другой день я встала поутру и давай их рисовать.

Фигуристы Ирина Роднина и Александр Зайцев. Хотели картину в Свердловск увезти, да я не дала — жалко. Я их по телевизору видела. Катаются, катаются... Мне их жалко стало. Думаю, пусть отдохнут, посидят, чайку попьют, и нарисовала их за отдыхом.

Что-то от язычества есть в са-
мобытном, неповторимом мироощуще-
нии Христины Денисовны — от тех
далеких времен, когда, одухотворен-
ная мыслью и чувством человека,
вещь начинала жить и, обретая силу
талисмана, служить ему, помогать
исполнению желаний...

— А вот это — гости ко мне на день рождения едут. Эти игрушки я целый год делала. Это — внучек, он в шестом классе учится в Свердло-

ске, цветок в руке — бабушке везет. А вот Света в голубом платье и оранжевом берете. Это — сношка, Светина мама. Это внучка от дочери Вали, сумка с подарками у нее и веточка. А это как раз и есть «Тихий океан» — сын Толя, байкист и моряк...

«Я играю на гармошке»: у Мишки-медведя — день рождения. Он самовар поставил — гостей-то надо угощать. К нему друзья пришли — козочки, волк, лиса, кролик. А медведь на гармошке играет.

Природу и животных я люблю. Я же выросла в деревне. Игрушки у меня почти все животные: зебра, овечка, лошадь, жеребеночек... Игрушки я для себя делаю, а людям нравится, они все их просят у меня.

Ну вот такая игрушка: танкист и моряк на посту у Кремля. Это сыновья мои, один танкистом служил, другой — моряком. А еще солдаты были нарисованы. Москва картину забрала. Пограничников у пограничного столба тоже Москва забрала.

«30 лет Победы» игрушка делала. Я ее в Москву послала — письмо пришло с благодарностью. На Олимпиаду... Ишь, не могу выговорить слово-то... Также послала. И Катерина, чад своего Данилушку ищет в сказах Бажова, — тоже в Москве.

Ковров-то у меня много. Их я люблю делать. Вот этот называется «Тихий океан». Сын-то мой, Толя, во флоте четыре года прослужил. Ждала его, ждала, уж пора давно домой, а он не едет. Вот я и вздумала тогда ковер шить своему Толюку. Назвала его «Тихий океан». Вокруг — волны, рыбы, чайки... Гуси идут в океан купаться. А по океану пароход идет, не знаю, как его назвать...

— Толя! Ну-ко иди, назови, на чем домой едешь. Вот-вот, на паруснике... Значит, на паруснике этом мой Толя домой ко мне возвращается — сам в матросской форме и бескозырке. Сшила я ковер, а он вскоре и приехал.

А этот коврик «Пусть всегда будет солнце» называется. Песню-то внучка Светочка всегда пела. Вот она, эта песня, как на коврик вышла. В середине — солнце, а вокруг цветочки, звездочки. А по бокам — домики. Коврик «Заповедник». На нем — поляна: грибы, ягоды, деревья. И окно: тут человек живет, заповедник от злых людей охраняет. Мне и ковер «С добрым утром» нравится. Тут и ягоды, и звездочки, и цветы.

Много у меня ковров. Подарила много. Сейчас вот в Москву много увезли. Выставку там делают. В Суздале у меня два ковра на выставке были. После выставки один ковер в Суздаль взяли, другой в Англию купили для музея. Тот, что в Англию, красивый был, шибко красивый. Мне его жалко. Ковер взяла, а мне выслали акты да чеки. Ну, что же я буду

возражать, пусть смотрят в Англию. Я спрашивала, почему так далеко мой ковер взяли, в Англию? Што там в Англию такие ковры не сделают? Они што, не плетут эти плетушки-то?

Иван Данилович Самойлов у меня много взял. Теперь он у меня хозяин — для музея у меня все берет. У него моих ковриков — двенадцать, разного цвета. Игрушек тоже много. «Тихий Дон» у него: Аксинья да Григорий. У него — Петушкова выступает на своем Пепле. Петушкову-то я сразу смастерила, как увидела: лошадей-то очень люблю.

Вот, глянь-ко, какой офицер на коне! Я его по телевизору видела. В Венгрии бега были, и он на своем коне занял первое место. И как он мне понравился! Я сразу сделала ему коня и тележку сделала. Он у меня теперь живет.

А вот этого офицера я все время жалею. Он — с коня упал. Это Анны Карениной офицер. Бронский его фамилия. Бега-то были, гонки. И он с коня упал, бедный. Мне его жалко стало. Я его обратно на коня посадила...

Вот и это слово, «жалеею», частое у Христины Денисовны, тоже не из сегодняшнего дня. И не слезную жалость оно означает. Доброе в нем, участливое сострадание. Сострадание, по которому жалеющий всегда деятельен, не только сочувствует, но и принимает на себя о другом, кто нуждается в помощи, активную, деятельную заботу.

— А это — брателка мой. Он почему на коне? Он в царской армии семь с половиной лет отслужил в кавалерии, а потом на коня — и на войну германскую. Потом уж домой пришел. Денисом Денисовичем звали его. Он уже помер. А у меня на коне сидит.

А вот русская тройка. Все в шапках, в шубах. Тут пришлось еще сами делать, а к саням нужен ход, связь. Да это совсем не трудно: и молоток, и пила — все есть. И топорики у меня маленький есть.

Много, ой, много переделала. Видишь, у меня хоть небольшой, но огородишко. Летом — хозяйство. Не так что я сяла и делаю. А так, что туды-сюды. То поделаю, друго поделаю. И подружек-то жалко. Старушки-то ходят: в мастерскую-то шить не идут, я им лучше пошью.

— Света! Ты сумку-то последнюю покажи, синюю... Вот. Дерево с цветами и подсолнухи, и ягоды. Жалко так в магазин носить. Вишь, мода нынче на старину пошла: локутом, косяками, треугольниками, елочкой сумки расшивать. Я такую сумку, когда замуж вышла, в при-

ХРИСТИНА ДЕНИСОВНА ЗА РУКОДЕЛЬЕМ.
НА 2 И 3-Й СТРАНИЦАХ ВКЛАДКИ ВОСПРОИЗВЕДЕНЫ ЕЕ РАБОТЫ.

даное принесла. Вот и на меня мода. На выставки приглашают, грамоты, благодарности — вот их сколько. Опять же телевидение виновато. Показало людям игрушки мои, коврики, рисунки. Теперь люди мне письма пишут. Довольны моей работой. Благодарят за нее. Красиво, говорят.

А красит-то что? Расцветка-то красит, расцветка. На коврики — тряпочки старые, лоскуты от шитья — все в дело идет. На коврики — и драп, и велюр можно, и сукно. Простое полотно тоже — ситцы, сатины. Вот синтетика плохо идет. Она скользкая, из рук прыгает.

Я так считаю, что главное в ру-

коделье — подбор. Главное, применять что к чему. Если у меня материала нету, то я отступаюся, ищу, пока найду, что подойдет. Пока не найду, делать не буду.

Я ведь нигде не училась. Я — самоучка. Но для себя я думаю, что главное — подбор. У меня был однажды художник в гостях, так он говорил:

— Не тот настоящий художник, который рисует, а тот, который знает, что к чему приставить, что к чему подобрать.

А еще заходил молодой парень из Москвы. Видно, учился он этому. Так он говорил:

— Уж слишком богата ты, бабуся, подбором.

— Правда? — я его спрашиваю.

— Правда.

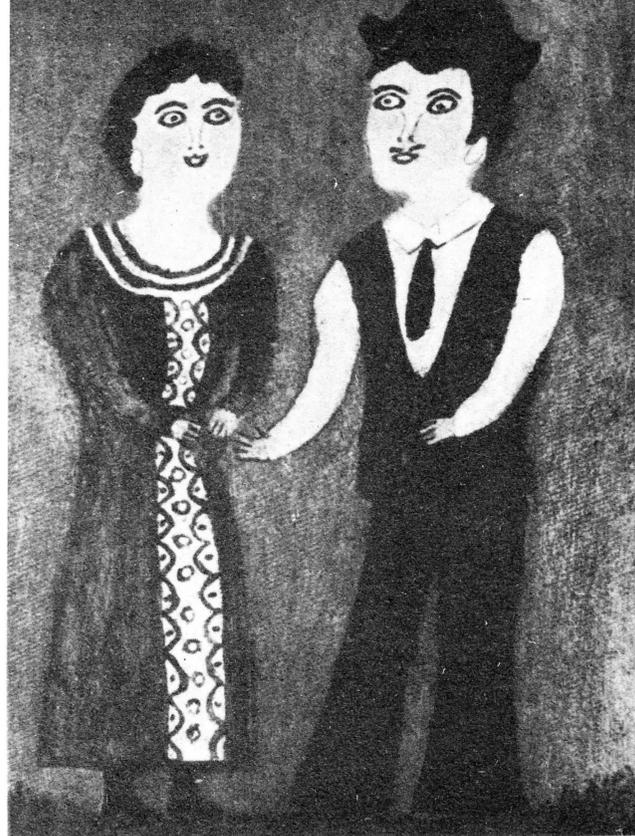
— А как ты знаешь, что правда?

— Так я же вижу. Вот оно все передо мной.

Ну, раз правда, значит, я тоже художник.

...Поразительно самобытный все-таки человек и художник Христина Денисовна Чупракова из Алапаевска!

МАЛЬЧИК ИЗ САВАННЫ

Семен
СЛЕПЫНИН

Повесть

Рисунки
Е. Стерлиговой

Побег

В тот день рано утром Сану захотелось не-много полетать на «лебедь».

— Пусть прогуляется, — сказал Октавиан. — Часа через два я вернусь домой, и мы вместе отправимся в «Хронос».

Но через два часа дома мальчика не оказалось. По-настоящему Яснов и Октавиан встревожились уже после полудня, когда на посадочной площадке увидели «личную» аэрояхту Сана. «Лебедь» вернулся без пассажира. Несчастный случай на такой машине совершенно исключался, и друзья поняли: Сан сбежал.

Куда? Вместе с Лианой Павловной и школьниками — своими одноклассниками — Сан не раз путешествовал на летающей платформе — учебном географическом классе. Он видел сверху земные ландшафты и приземлялся во многих странах. Сильное впечатление произвела на него африканская саванна.

Решили искать Сана именно там, а также в североамериканских прериях и южноамериканских пампасах — в тех местах, которые больше всего напоминали мальчику его родные просторы.

...Сану и в самом деле почудилось, что он неожиданно оказался «дома», в своем веке. Однако приземлился он сравнительно недалеко от города, на севере от Байкала — там, где река Лена, выйдя из горных сумрачных теснин, медленно текла по малолесным равнинам.

«Лебедь» важно расхаживал на своих длинных лапах вдоль берега, а Сан, не выходя из кабины, вертел головой и не мог наглядеться. Что-то щемяще знакомое виделось ему в плавных извилах реки, в прибрежных кустах и густой осоке, в ласточках и чайках, носившихся над водой. У Сана вдруг пресеклось дыхание: это же Большая река!

Мальчик выпрыгнул из кабины и помчался по поляне, до головокружения напомнившей его любимый древний луг. Сан все узнавал! Со всеми травами и кустами он встречался словно после долгой разлуки. Он почувствовал себя птицей, вырвавшейся на свободу. Мальчик прыгал через кочки, кувыркался, хохотал.

Берега реки, заросшие бледным камышом, были топкими. Однако Сан вскоре обнаружил среди кустов уютный заливчик с сухой песчаной отмелью. Он присел и быстро начертил на песке круг с расходящимися лучами. «Огненный Еж», — заулыбался Сан, следя, как искристые волны постепенно смывают рисунок.

Но радость, переполнявшая Сана, перехлестывала через край. Она требовала движений. Мальчик снова выбежал на поляну, где желтые огоньками горели купавки и лютики.

— У-о-ха! У-о-ха!

Случайно взгляд его упал на огромную белоснежную птицу. В ожидании пассажира «лебедь» все так же важно вышагивал вдоль берега. Что делать? Вернуться?

Мальчик еще раз оглянулся и замер: Гора Духов! Как он ее раньше не заметил? В ста шагах от берега зеленая речная луговина переходила в такую же зеленую двугорбую гору. С плавными склонами, покрытыми кустами и редколесьем, она как две капли воды походила на священную гору Ленивого Фао.

— Фао! — засмеялся Сан. — Ленивый Фао!

Мальчик снова взглянул на большую седую птицу, и у него возникла озорная мысль.

— Лети! — махнул он рукой.

«Лебедь» повернул голову и посмотрел на мальчика, как бы спрашивая: «Куда? С кем?».

— Лети обратно! Без меня!

Птица легко оттолкнулась ногами, взмахнула крыльями и с лебединым кличем «ганг-ганг, нга-га!» поднялась в небо.

Минуту спустя Сан, продираясь сквозь кустарник, взбирался на гору. На вершине остановился:

перед ним высились почти такие же каменные изваяния, как на Горе Духов. Сан засмеялся:

— Ленивый Фао! Где ты? Где твои духи?

Грозных духов Фао не было. Вместо них Сан видел другие образы, вышедшие из книг и воплотившиеся в камне: затейливо изогнутый гранитный столб напоминал древнеримского легионера в шлеме и со щитом, а тянувшиеся рядом каменные палатки — пиратскую шхуну. Сан тут же дал ей название — «Альбатрос».

Цепляясь за каменные карнизы и выступы, Сан забрался на палубу «Альбатроса» и увидел, что шхуна давно брошена экипажем. Поперек палубы лежал поваленный ветром ствол сосны — рухнувшая бизань-мачта. Кругом валялись ржавые сучья-сабли и похожие на ножи щепки — следы абордажной схватки.

Сначала Сан бегал по палубе. Потом присел на бизань-мачту и замер: внизу колыхалось бескрайнее зеленое море — море свежих ветров и приключений.

Незаметно подкрался вечер. И уже другой вид предстал перед Саном: красное солнце, словно корабль, вплывало в синие тучи и роняло вниз свои золотые якоря.

Сан глядел в тихий закат, и неясная легкая грусть томила его. Потом он понял, в чем дело: светлых духов огня, увы, уже не было. Вместо пляски веселых духов он видел в струистом пламени заката иные образы — скачущую боевую конницу с развернутыми красными знаменами, голубые лагуны, алые паруса...

В конце концов Сан примирился и с таким закатом: он стал нравиться ему даже больше прежних в черных зорь.

Закат погас. Сан спустился вниз и под каменной шхуной разжег костер. Он глядел в извиляющиеся космы пламени и видел родной огонь — живой и вольный, не закованный в каменные своды камина.

Мальчик нашел прямую палку, конец ее обжег в пламени и заточил на камне. Получилось что-то похожее на дротик. Сан лег на траву лицом к огню. Сжимая дротик в правой руке, левую подsunул под голову, и сон, легкий и приятный, охватил его. Спал он так крепко, как не спал уже давно.

Проснулся от утренних лучей. Вскочил и, сжимая палку-дротик, испуганно огляделся. Вспомнив, что находится не в древнем своем мире, полном опасностей, успокоился.

Подул слабый ветер. Вставало теплое дымное солнце, и Сан загляделся на него. В короне желтых лучей утреннее светило показалось ему живым существом — мыслящим и добрым, похожим на лик златокудрого античного бога. Как его звали? Аполлон или Феб?

Сану так и не удалось вспомнить имя лучезарного обитателя Олимпа. Исполдволь, незаметно закрадывались неприятные чувства. Если вче-

ра безлюдье радовало, то сейчас оно стало тяготить. Вольная жизнь, понял Сан, хороша до поры до времени. Вспомнились уют каминного огня, книги, смешной и услужливый Афанасий. И, конечно же, брат. Добрый и веселый старший брат.

А тут еще голод стал допекать. Сан спустился с горы в сторону противоположную от реки. Залитая солнцем поляна у подножия так и светилась красными брызгами земляники. Но ягоды только распалили голод: есть захотелось просто нестерпимо.

Поляну обступала с трех сторон густая роща. Сан, держа наготове дротик, углубился в лесной полусумрак. И заговорили, зазвенели в крови древние инстинкты. Он почувствовал себя охотником. Шел пригнувшись, ступал мягко и бесшумно. И на первой же обрызганной солнцем лесной прогалине увидел лося. Тот стоял боком к нему и задумчиво жевал ветви.

Сан изготовился для броска, но тут же сообразил, что и «дротик» жидковат, да и сил явно не хватит повалить крупного зверя.

Лось повернул голову и посмотрел на Сана. Мальчик уставился на него, ничего не понимая: зверь не убежал! Он не испугался человека. Более того, лесной великан словно понял, что охотник перед ним никудышный. Он приблизился к Сану, с минуту постоял на своих мохлястых ногах-ходулях. Затем, мотнув головой, презрительно фыркнул и неторопливо ушел в глубину чащи.

Мальчик с досады швырнул палку в кусты и вернулся на поляну. Встал на колено, чтобы набрать ягод, и тут увидел выскочившего из рощи зайца. Вот такой зверь как раз по его силам. Сан хотел кинуться из рощи, но спохватился: не догнать!

— Зайчик! — окликнул он и вытаращил глаза: заяц замер, поводя длинными ушами, а потом запрыгал в его сторону. Еще один прыжок, и пушистый комочек в руках у неслышанно пораженного и чуть испуганного мальчика...

На гору Сан взбежал в один миг. Костер еще не погас, на оранжевых углях скакали голубые огоньки. Сан навалил сухих веток, и заплясало, загудело пламя.

Мальчик отстегнул от пояса металлическую пряжку и заточил ее на камне. Забыл он, что эта пряжка особенная, с ее помощью можно связаться с любой точкой земного шара. Сан воспользовался пряжкой как ножом, освежевал тушку и зажарил на костре.

Через час он спустился с горы — сытый и повеселевший.

— Сумасшедший заяц, — не переставал он удивляться.

Но тут вспомнился ему такой же удивительный лось, странные непуганые птицы, и в душу начало заползать темное беспокойство. Решив про-

верить смутную догадку, от которой вдруг запылило в груди, он стал подкрадываться к сосне: на ее нижней ветке вертелась белка. Рыжая непоседа взмахнула хвостом и затихла. Сан подошел и погладил хвост — пушистый и яркий, как огонь. В тот же миг, словно от ожога, отдернул руку и с криком бросился в сторону.

Он все понял! Звери и птицы потому так доверчивы, что привыкли видеть в человеке своего друга и защитника.

«Что я наделал, — в ужасе заметался Сан. — Зайчика съел... Своего младшего друга. Дикарь я. Дикарь!»

Чувствуя себя чуть ли не людоедом, Сан упал на траву.

Саня!

Ночь Сан провел на горе около костра. Спал плохо. Снились страшные сны: десятки, сотни зайцев доверчиво скакали перед Саном, а он хватал их и глотал живьем.

Мальчик вскрикивал, просыпался. Сунув в костер веток, снова засыпал. Проснулся с восходом солнца. Однако и оно мальчика сейчас не радовало.

Он спустился с горы и зашагал на восток. Шел без мыслей и без желаний, в смутном на-

строении. Давно кончилась чащоба, где Сан встретился с лосем. Открылась степь, окаймленная по горизонту лесистыми горами. Недалеко справа кудрявилась березовая роща, наполненная птичьими звонами.

И вдруг Сан замер. Его встревожил топот и чей-то голос. Вскоре из-за рощи выскочила великолепная черная лошадь с белыми ниже колен ногами. У Сана от восхищения отвисла челюсть: лошадь мчалась легко и красиво, как на крыльях. Лошадь-птица! На ней, пригнувшись, сидела девочка лет двенадцати в коричневых шароварах и белой блузке, облаком вздущейся на спине.

— Стой, Белоножка! Стой! — крикнула она и соскочила с лошади. — Ты откуда, мальчик?

Сан вздрогнул и завертел головой в поисках какого-нибудь укрытия.

— Ты чего испугался? Вот смешной!

Девочка внимательно взгляделась и радостно воскликнула:

— Так это же Саня! Санечка! Нашелся наконец! А как тебя искали! И где? В прериях и пампасах. А он здесь! — Девочка решительно схватила его за руку. — Идем! Ты, наверное, проголодался? Конечно, проголодался. Ну идем же! Белоножка, за мной!

Лошадь послушно пошла за девочкой. Да и Сан не мог устоять перед таким напором.

— Меня зовут Зина. Запомнил? Зина! А тебя как? — и рассмеялась. — Что это я? Ты же Саня!

Санечка! А еще ты похож на Буратино. Помнишь сказку про золотой ключик?

Она осмотрела его закопченный костюм, обгоревшие рукава. И глаза ее засверкали восхищением.

— Дым! Как приятно пахнет от тебя дымом. Ночевал у костра? Завидую тебе!

Смеясь, беспрерывно задавая вопросы и сама же отвечая на них, Зина привела мальчика в березовую рощу. Спиной к ним на небольшой поляне сидел черноволосый с проседью человек. Рядом матово белел невысокий, почти вровень с травой, стол. Сан однажды уже видел подобный столик, сотканный из неведомых полей и умещающийся в свернутом состоянии в зажатом кулаке. На столе лежали какие-то яства, остро ударившие в нос. Сан проглотил слюну.

Человек обернулся и с удивлением взглянул на Сана.

— Знакомься, это Буратино, мальчик из сказки,— с серьезным видом представила Зина.— Да ты что, папа? Не узнаешь? Это же Саня!

— Саня?— человек улыбнулся и жестом пригласил мальчика присесть.— Ты неплохо освоила ему имя. Саня! То есть Александр!— Он протянул руку.— Будем знакомы, тезка. Александр Грант. А это моя дочь. Придвигайся к столу, если есть хочешь.

— Если есть хочешь!— Зина в притворном возмущении всплеснула руками.— Да ты что, папа? Посмотри на него. Он голоден, как сто волков. Да он мою Белоножку съест!

У Сани оборвалось что-то в груди. Мигом вспомнился съеденный заяц. Мальчик вскочил на ноги, оглянулся по сторонам и тут же устыдился своего намерения бежать. Надо признаться во всем. Но как трудно это сделать! Саня сел на траву с опущенной головой. Лицо его жалко сморщилось, на глазах выступили слезы.

— Ты чем расстроен?— спросил Грант.

— Я...— начал Саня, но губы его задрожали, и он замолк.

— Что стряслось? Да говори же,— торопила Зина.

— А я... Я зайчика съел.

— Кого?— не понял Грант.

— Он сам виноват,— торопясь и запинаясь, рассказывал Саня о своем вчерашнем пиршестве.— Я только поманил его рукой, а он...

— Съел? Ну и что?— искренне изумился Грант.— Из-за этого так ужасно переживаешь?

Отец и дочь взглянули друг на друга и рассмеялись. Если отец смеялся чуточку нарочито, то Зина хохотала так безудержно и громко, что лошадь, щипавшая неподалеку траву, всхрапнула и посмотрела на свою хозяйку. На губах Сани робко проглянула улыбка. Вина его, видимо, не так уж велика...

— Видишь ли, Саня,— посерьезнев, стал объяснять Грант.— Сотни лет люди не охотятся на

птиц и животных, не обижают их. Вот они и привыкли к человеку.

— Я понял,— смущенно улыбался Саня.— Еще вчера.

— Тогда давай завтракать.

Саня набросился на паштет. Приготовленный из искусственного мяса, он казался ему вкуснее и ароматнее вчерашней зайчатины.

Александр Грант воткнул в землю небольшой стержень с решетчатой антенной и пояснил Сане:

— Установлю связь с нашей квартирой. Пусть домашние посмотрят на нас, да и на тебя тоже.

— Весть о тебе тут же разнесется по всему миру,— смеялась Зина.— Ты же событие!

Зина рассказала, что живут они в Австралии, но в Сибири бывают часто. Папа ее— цветовод. Изучает сейчас высокогорную растительность Сибири, а потом будет разводить ее на Марсе.

— Здесь я подружилась с Белоножкой. Лесник разрешает мне кататься на ней. После завтрака я отведу ее в табун, и мы пойдем пешком.

Далеко на северо-западе взметнулся в небо ослепительный шар. Он повисел с минуту, меняя цвета, потом опустился и погас.

— Вот кто по-настоящему ходит пешком,— с завистью прошептала Зина.— Это они.

— Романтики,— усмехнулся Грант.

— Не смейся, папа. Они молодцы.

Зина объяснила недоумевающему мальчику, что в их сторону из района Подкаменной Тунгуски идут сотрудники «Гелиоса»— космической лаборатории Солнца. По пути они запускают зонды, имитирующие своим излучением искусственное солнце. Его они собираются зажечь в Приполярье. В экспедиции в основном экологи и биологи, они изучают, какие излучения наиболее благоприятны для растительного и животного мира севера Сибири.

— Романтики,— еще раз усмехнулся Грант.— Выдумывают дополнительные трудности. Подражают экспедициям древних времен.

— Правильно делают,— возражала Зина.— Некоторые изнеженные любители природы путешествуют с целой свитой роботов. А они не такие! Все несут на своих плечах. Не признают никаких карманных летательных машин, никакой техники, кроме видеоприемника и пульсатора для разжигания костров.

После завтрака Грант попросил Саню показать гору, на которой тот ночевал.

Шли медленно, останавливаясь чуть ли не у каждого цветка. Раскрыв рот, Саня с изумлением слушал Гранта. О любой, даже самой невзрачной травинке тот говорил с нежностью, рассказывал о ее жизни, полной удивительных приключений, о ее связи с земными ливнями и соками, с лучиками самой далекой звезды.

— Здорово?— шепнула Зина мальчику и с улыбкой показала на отца.— Смеется над романтиками. А сам кто?

Саня привел отца и дочь на «свою» гору. Грант нашел россыпь каких-то редких цветов и углубился в их изучение. Зина же бегала вокруг погасшего костра и ворошила угли. Потом, встав на колени, нюхала еще теплый пепел и завидовала Сане, прошедшему ночь у «первобытного огня».

— Нам пора, Саня,— сказал Грант около полудня.— По пути доставим тебя домой. Ждут тебя.

Саня погрустнел. Жаль было расставаться с новыми друзьями, хотелось еще побыть в лесах, напоенных солнцем и птичьими песнями, побродить по полям.

Но Сане в этот день определенно везло. Под горой слышались голоса, и вскоре на плоскую вершину, раздвигая ветки кустарника, вышли странные молодые люди в болотных сапогах, с внушительными рюкзаками на спинах. Это и были сотрудники «Гелиоса».

— Ребята! — воскликнул кто-то из них.— Саня!

Молодые люди уже знали из последних известий, что мальчик из каменного века нашелся и что он где-то здесь. Они обступили Саню и, знакомясь, пожимали ему руку. Услышав, что отец с дочерью хотят доставить его домой, возмущались.

— Не отпустим! Вы отправляйтесь домой, а Саню оставьте. Он теперь наш!

Вершина с причудливыми каменными палатками понравилась сотрудникам «Гелиоса», и они решили устроить здесь привал.

Хозяйственные дела взяла в свои руки тонкая и хрупкая, но, видимо, с решительным характером девушка. Звали ее Анна-Луиза.

— Сегодня на первое у нас картофельный суп,— объявила она.— Нет только воды.

— Я знаю, где вода,— живо откликнулся Саня.— Под горой река.

— Идем туда вместе,— предложил Юджин Вест.

Это был самый молодой участник экспедиции, невысокий крепыш, с огромным рюкзаком на спине. Юджин подмигнул мальчику, и тот, догадавшись, помог снять ношу с крутых плеч. Из развязавшегося рюкзака посыпалась картошка. К удивлению Сани, в рюкзаке оказался самый простой сильно закопченный котел, набитый, к его еще большему удивлению, обыкновенными камнями.

— Для веса,— с усмешкой пояснил Юджин и кивнул в сторону своих спутников.— Это они придумали. Вот эти изверги.

Почему «изверги», Саня узнал по пути к реке.

— В лаборатории Солнца я работаю художником,— говорил Юджин.— Мое участие в экспедиции необязательно. Но меня нарочно взяли и заставили нести самые большие тяжести. Для моей же пользы, сказали они, чтобы воспитать у меня твердый характер и выбить лень.

Саня внимательно посмотрел на него и будто увидел перед собой старшего брата. Почти такой же крутой лоб, крепкий подбородок, твердые, мужественные черты лица. Вот только какая-то изнеженность в глубине глаз...

— Так похож я на лентяя или нет?

— Не знаю,— замялся Саня.

— Эх ты,— Юджин потрепал мальчика по плечу и со вздохом добавил: — И ты, Брут!

Саня рассмеялся. Его развеселила не только шутка. Его радовало, что может вести разговор на равных. Он знает, кто такой Брут! Он знает многое из того, что знают его новые друзья.

На гору Юджин и Саня поднялись, окончательно подружившись. Весело переговариваясь, поставили котел с водой на землю. Потом огляделись, не понимая, почему их встретили хмурым молчанием.

— Что случилось? — спросил Юджин.

— Посмотрите вот на этого растяпу,— Анна-Луиза сурово кивнула в сторону рыжеволосого парня.

Тот сидел перед кучей сухого хвороста и держал в руках два камня. Виновато опустив голову, он внимательно и грустно рассматривал их.

— А что он натворил?

— Потерял где-то пульсатор. Теперь нечем разжечь костер. Не будет у нас горячего супа. Вообще ничего не будет.

Юджин смекнул, что дело не в пульсаторе, что вся эта сцена разыграна специально для Сани. С какой целью? Об этом Юджин тоже догадался.

— Ребята! — воскликнул он.— А что будем делать с раззявой?

— Бить,— услышался мрачный голос.

— Предложение толковое,— согласился Юджин.— Но смотрите! Он, кажется, сам пытается исправить свою оплошность.

Рыжеволосый сунул в хворост сухих листьев и старательно бил камнем о камень, пытаясь, видимо, высечь искру.

К нему подскочил Саня, понаблюдал и весело закричал:

— Не получится! Не получится! Разве так надо?

Мальчик взял из рук парня камень, осмотрел его и отбросил в сторону. Забравал он и второй камень.

— Не все ли равно, какие они? — буркнул рыжеволосый.

— Молчал бы уж,— зашикали на него ребята, с внимательными лицами наблюдавшие за Саней.

А тот посмотрел вокруг и нашел камень, которым уже пользовался вчера.

— Медный колчедан,— определил кто-то не очень уверенно.

Саня отыскал второй камень и присел к куче

хвороста. Рыжеволосый, нехотно уступая место, ворчал:

— Ничего не выйдет. У меня же не вышло.

Но его оттеснили в сторону. Саня несильно стукнул камнем о камень. Веером брызнули искры и впились в сухой мох. Вот он слегка задымился, скакнули мелкие язычки пламени. Мальчик осторожно сунул желтые хвоинки. Молодые люди, боясь дохнуть на робкий огонек, помогали подкладывать сухие листья, тонкие былинки. Минуты через две уже пылал большой костер.

Сотрудники «Гелиоса», способные зажечь искусственное солнце, радовались огню, как дети.

— Молодец, Саня! Выручил! Качать Саню! Качать!

Радость мальчика переклестывала через край: он оказался нужен людям! Если бы его попросили сейчас ради общего блага прыгнуть в огонь, он сделал бы это, не раздумывая.

Как знать, быть может, именно в эти минуты окончательно установились душевные связи с новыми для мальчика людьми, произошла та «нравственная состыковка» с эпохой, которой так длительно добивались воспитатели в «Хроносе», а Иван Яснов дома. Мальчик почувствовал, что стал равным членом общества. И даже имя у него чуточку другое: Сан превратился в Саню, в Александра.

Обед прошел очень весело. Рыжеволосый парень, переживавший свою неудачу, нерешительно топтался поодаль. В его адрес то и дело сыпались колкости и язвительные замечания. Наконец ему разрешили присесть к костру и отведать супа. К радости Сани, к концу обеда рыжеволосый был прощен окончательно.

После обеда Юджин Вест хотел было вздремнуть в тени под кустом, но его с хохотом вытащили оттуда.

— Не позволим! Мы будем отдыхать, а ты — работай!

Юджин недовольно пожал плечами и шепнул Сане:

— Говорил же тебе. Изверги!

Саня сочувственно улыбнулся. А Юджин вытащил из кармана куртки небольшой кубик, который стал разворачиваться в походный этюдник. К таким фокусам гравитехники Саня давно привык. Дальше он был вообще разочарован: оказывается, рисовали здесь не какими-нибудь цветными лучами, а обыкновенной кисточкой.

Саня внимательно следил, как художник накладывал на холст обычные, светящиеся и объемные краски. Скалы и деревья получились как живые и даже красивее настоящих. Вот эта красивость, видимо, смущала Юджина. Он хмурился, исправлял отдельные детали и наконец проговорил:

— Не то.

Юджин нажал кнопку, и краски, как дождевые потоки на стеклах окна, заструились и поползли вниз. Холст очистился.

— Хочешь попробовать?

Саня, боясь опозориться, заколебался, хотя руки его так и тянулись к кисточке. Она напомнила расщепленную палочку, которой он пользовался когда-то.

— Для начала одной краской, хотя бы контуры,— уговаривал Юджин.

Саня закрыл глаза, вспоминая свой рисунок, оставшийся в далеком прошлом на берегу Большой реки. Предстала в его воображении и наездница Зина.

Он взял кисточку. Руки и пальцы, не натруженные грубой работой, оказались, к радости Сани, еще более ловкими, чем прежде. Они ничего не забыли! Уверенно и быстро мальчик восстановил на полотне свой любимый рисунок.

Сотрудники «Гелиоса» столпились за Саниной спиной.

— Вот это да! — прошептал кто-то.— Не лошадь, а ветер!

Внутри Сани все пело. Но дальше его ждал конфуз: всадник получился никудышный.

— Поза напряженная, ноги слишком коротки и скрючены,— объяснял Юджин.— Нам с тобой еще надо учиться и учиться. Но глаз у тебя верный. Глаз художника. Хочешь, попросимся в ученики к Денису Кольцову?

Сане не раз показывали картины Дениса Кольцова — одного из старейших художников Солнечной системы. Учиться в его знаменитой «студии талантов» удавалось редким счастливым.

— Примет,— подмигнул Юджин мальчику.— С тобой и меня примет. Учиться живописи можно, конечно, в художественной школе и даже дома. Но живое общение с таким талантом, как Денис Кольцов, совсем другое дело.

Через два дня на одной из лесных станций гравипланов молодые люди в последний раз поужинали у костра, а затем разлетелись по домам. От экспедиции в памяти у Сани остались запах костров, песни попутчиков, напоенные птичьими звонами леса. А в груди долго не угасало праздничное настроение.

В Байкалград Саня и Юджин прибыли глубоким вечером. Постояли и поговорили около Саниного дома. Потом Юджин спустился на эскалаторе вниз и растял в темноте. Жил он в этом же городе на нижнем витке улицы.

Саня подошел к окну своей комнаты и обновился под тополем-великаном. В его многочисленных дуплах и гнездах еще возились и попискивали птицы, уютно устраиваясь на ночь. Уютом веяло и из комнаты. Саня увидел камин с тлеющими головешками, сидящего в кресле Афанасия с книгой и, улыбнувшись, почувствовал себя дома.

Однако в звездный кабинет мальчик вошел тихо и робко. Иван хмуро взглянул на него и проворчал:

— Явился...

В суровом голосе брата Саня уловил до того знакомые и добрые нотки, что на губах его проглянула улыбка. Но тут же погасла: Иван снова уставился в свой театральный космос. О мальчике он будто забыл.

Саня вздохнул и начал разглаживать одежду. Была она, увы, не только помята. Правая штанина разорвана, рукава обгорели. И вообще Саня выглядел не очень представительно. После вчерашнего дня, когда он вместе со всеми продирался сквозь колючий болотистый кустарник, на лбу красовался синяк, а на правой щеке и подбородке тянулись царапины. На губах мальчика чернела сажа — час назад он ел у костра печеную картошку.

Иван снова обернулся, критическим взглядом смерил мальчика и мрачно поздравил:

— Отлично выглядишь! Любой разбойник позавидует.

Саня коротко хохотнул. Иван рассмеялся и, притянув мальчика за плечи, тепло зашептал:

— Если надумаешь еще раз сбежать, прихвати и меня. Прогуляться хочу, засиделся я. Договорились?

— Договорились!

Однако времени для походов у Ивана не оставалось ни капельки. Да и Саню целиком захватила новая жизнь. В «Хроносе» его отпустили на каникулы, но мальчик часто бывал там и рассказывал Лиане Павловне о своих новых друзьях. С Юджином он слетал на Меркурий, осмотрел космическую лабораторию «Гелиоса». Вместе со школьниками-экскурсантами и уже знакомыми ему сотрудниками «Гелиоса» наблюдал в нейтринный телескоп фантастическую пляску огненного вещества внутри Солнца.

«Золотое кольцо»

— Слетаем в «Золотое кольцо»? — однажды предложил Юджин.

Саня знал — так называли гигантскую Солнечную галерею. Там было собрано лучшее, что создали художники за всю историю человечества.

«Золотое кольцо» — одно из красивейших сооружений века — висело над волнами Тихого океана южнее Гавайских островов. До них друзья долетели на быстрых гравипланах и увидели Солнечную галерею сверху. Огромное, диаметром в пять километров, кольцо, отлитое из материала золотистого цвета, разделялось серебряными ободками на секторы.

Юджин и Саня побывали сначала в секторе первобытного искусства. Мальчик с волнением

рассматривал наскальные рисунки своих прежних современников. Рисунков Хромого Гуна, к своему огорчению, не нашел.

Отсюда друзья сразу, минуя другие отделы, перебрались в секторы гравитонного века. Юджин рассказывал:

— Быть навечно представленным в «Золотом кольце» для художника нашего века — большая честь. Такой чести трижды удостоился Денис Кольцов. Трижды!

Однако визит к трижды лауреату «Золотого кольца» Юджин откладывал. Чувствовалось, что он трусил.

— Выгнал меня из своей студии за лень, — вздыхая, говорил Юджин. — Ну какой же я лентяй? Трудился, как раб.

Наконец он собрался с духом и вместе с мальчиком предстал перед великим живописцем. Перед входом в студию еще раз напомнил:

— Кольцов, конечно, гигант, но свиреп невероятно!

Такие напутствия не очень воодушевляли Саню. Входя в куполообразную светлую комнату, он боялся увидеть сердитого великана с густыми насупленными бровями. И опасения его как будто сбывались.

Саня, открыв рот, немигающе глядел на сидящего в кресле пожилого человека с крупной головой, покрытой густой, как туча, шевелюрой и такими же густыми, опаленными сединами бровями. Почему-то вспомнилась недавно виденная гора Эверест... Но вот гора улыбнулась и жестом подозвала мальчика к себе.

— Покажи.

Саня робко протянул пластиковые свитки с рисунками. Кольцов развернул их, внимательно взгляделся, и на лице его появилась такая добродушная улыбка с веером морщинок вокруг глаз, что у Сани отлегло от сердца. Он же добрый!

— Рисовал раньше? Там, у себя? — спросил живописец и при этом ткнул пальцем вниз, словно в глубь веков. Мальчик кивнул. — Так что же ты молчал? Надо было давно ко мне!

Он взглянул на смиренно стоявшего поодаль Юджина, и глаза его насмешливо сощурились.

— А с тобой что делать, одареннейший байбак? Ладно, беру обоих, но учтите — искусство не забава, а тяжкий труд. Будете лениться, оба вылетите в два счета.

Саня занимался в самой младшей группе с десятью такими же, как он, мальчиками и девочками. Учитель был если не свиреп, как обещал Юджин, то требователен до беспощадности. Одни и те же наброски заставлял переделывать по многу раз.

Но Саня не жаловался. Для него наступила удивительная своей новизной пора. Все ностальгические зовы и муки древнего ветра забылись. Спал он теперь хорошо, а во сне ему снилось «Золотое кольцо». Он вставал с солнцем и с

солнечным ощущением жизни. Выходил в сад, где перекликались птицы и сверкала роса, куда с Байкала проникали синие радостные ветры. Здесь мальчик старательно выполнял задания учителя, заканчивал наброски, начатые в студии.

Наступал яркий день, грохочущий красками и светом. Саня расставлял под тополем этюдник и старался перенести на полотно переливы этого света. В тайне от учителя он уже много дней работал над этюдом под названием «Поющая листва».

Когда этюд был готов, Саня отошел назад и остался доволен. Листья клена получились живыми, объемными. Они будто шевелились, стучали и звенели под ветром. Отдельные пронизанные солнцем листочки горели, как зеленые фонарики.

Мальчик показал этюд учителю. Услышал от него:

— Пестро, нарядно, криливо. Злоупотребляешь объемными и светящимися красками. Но техника! Здесь ты обгоняешь своих сверстников.

Саня был рад и такой оценке. Если бы знал учитель, каких трудов стоило ему проникнуть в тайну и волшебство светящихся и объемных красок.

А время шло. Миновал август. Золотой птицей пролетела осень, отстучали листья по твердой земле. И к середине октября у Сани была готова почти настоящая картина «Осенний вальс». Мальчик задался дерзкой целью. Он хотел, чтобы картина звучала, чтобы в окружении осенней листвы слышалась мелодия грустного вальса.

Долго мучился Саня над своим первым полотном. Но картина оставалась немой. Осень была, а вальса — нет, не было.

Однако Ивану картина понравилась. «Творец», — с улыбкой подумал он, не придавая, впрочем, увлечению мальчика серьезного значения.

Не знал еще Иван, что увлечение Сани переходило в страсть, в одержимость искусством, что перед мальчиком загорелась жизненная цель — его Полярная звезда.

В конце ноября даже с тополя упали последние скрюченные листья. Работать здесь стало трудно. Мерзли руки. Начали порхать редкие сухие снежинки.

Иван с Афанасием в отсутствие мальчика несколько изменили внешний вид дома. Саня вернулся из «Хроноса» и увидел на крыше две смыкающиеся полусферы. Одна из них была прозрачной.

— Твоя мастерская, — пояснил Иван. — Идем, посмотрим.

По лестнице, которая находилась в Саниной комнате рядом с камином, братья поднялись наверх. Купол и стены непрозрачной полусферы были отделаны под малахит и мрамор. Здесь находились Санины эскизы, наброски, этюды. За

бархатным занавесом стояло в подрамнике большое чистое полотно, — хоть сейчас принимайся писать картину.

Еще лучше была прозрачная полусфера. Органическое стекло защищало от холодного ветра и осадков, но пропускало солнечные лучи, звуки и даже запахи. Здесь художник мог чувствовать себя, как летом под открытым небом.

Саня носился по мастерской из конца в конец, из одной полусферы в другую. Остановился перед братом, но от радости долго не мог вымолвить ни слова.

— А название! — наконец воскликнул он. — Как мы ее назовем?

— Я уже придумал, — улыбался Иван. — Где писал картины твой самый первый учитель?

— Понял! Мы ее назовем пещерой Хромого Гуна!

Иван пригласил Дениса Кольцова, чтобы показать необычную мастерскую и заодно похвалиться первой Саниной картиной. «Пещера» великому живописцу понравилась, но «Осенний вальс» он разнес в пух и прах.

— Рисунок груб, композиция разваливается. А название!.. Все здесь выдержано в духе этого названия. Краски по-прежнему яркие и аляповатые. Рано еще браться за такие полотна.

Увидев в мастерской бюст, он дал задание срисовать его карандашом.

— Не торопись. Приноси мне частями срисованное ухо, глаз, подбородок, а потом бюст целиком.

В студии занятия шли своим чередом: упражнения в композиции, рисунок с натуры, анатомия, свет, перспектива.

Дома, в «пещере Хромого Гуна», Саня проводил все свободные часы. С заходом солнца располагался в непрозрачной полусфере и под искусственным светом продолжал овладевать азбукой живописи. Глаз, например, он рисовал так старательно, что тот, казалось, как живой глядел на своего творца: дескать, молодец, Саня, продолжай в том же духе.

Иван видел, с каким ожесточением работал маленький брат. И это начало его тревожить. Однажды он ворвался в мастерскую, выхватил из рук мальчика набросок и изорвал его в клочья. Изображая гнев, Иван топал ногами и кричал:

— Это что? Средневековое аутодафе!? Самосожжение на костре вдохновения!? Не позволю! В добрые старые времена таких розгами по роли!

Афанасий испуганно вытягивался в струнку и держал руки по швам. Однако Сане ярость брата казалась такой добродушной, что губы его расплывались в неудержимой ухмылке.

Утихнув, Иван ворчливо закончил:

— Хватит. С завтрашнего дня будешь жить по моему расписанию.

С тех пор, прежде чем засесть за свои расцеты, Иван шумно влетал в святилище начинающего живописца и с порога кричал:

— Эй, фанатик! Кончай самоистязание. Отправляемся в тайгу, в дебри, в глухомань.

Не меньше двух часов проводили братья в заснеженной тайге, катались на лыжах. Иногда к ним присоединялись Антон и Юджин Вест. Тайга открывалась Сане с новой стороны. Опасаясь, что от громкого голоса с веток рухнут белые шапки, он как-то шепнул Юджину:

— Смотри, сказочный город...

В своей мастерской, опять в тайне от учителя, Саня начал писать большую картину под названием, увы, снова весьма банальным — «Зимняя сказка».

В конце зимы мальчик вспомнил о теплой Австралии, о живущей там Зине. Справочная служба дала ему адрес биолога Александра Гранта. Саня окутался облаком видеосвязи, назвал индекс. Когда облако рассеялось, мальчик решил, что по ошибке попал в какую-то оранжею — так много было кругом невиданных цветов. Они росли на подоконниках, на полу, свисали с потолка.

Зину он тоже сначала не узнал. За оргафоном — овальным музыкальным инструментом — сидела незнакомая печальная девочка. И звуки, которые она извлекала из оргафона, были какими же задумчивыми и печальными.

Девочка подняла голову и обнаружила видеопосетителя.

— Зайчик! — вскочила она и завертелась вокруг возникшего из тумана мальчика. — Милый зайчик! Буратино! Какой ты умница, Саня, что догадался посетить нас.

«Вихрь», — улыбался Саня. Он рад был видеть прежнюю, ураганно-веселую Зину. Но вот она снова села за оргафон, чтобы по его просьбе сыграть ту же понравившуюся ему музыкальную пьесу. И снова Саня поразился. Зина ли это? Лицо девочки затуманилось, стало незнакомо-строгим и печальным. От грустных, скорбно-протяжных переливов у Сани тревожно и сладко защипало в груди.

Взглянув на Саню, девочка рассмеялась.

— Нет, не буду для тебя играть. У тебя такой грустный вид. Лучше поговорим. Слышал? Это наш молодой композитор, известен пока на нашем континенте.

— А это? — Саня показал на потолок. — Как это они растут?

— Вниз головой? Это папа получил новый вид. Они растут во всех направлениях. Цветы пригодятся на космических объектах в условиях невесомости. Я тоже буду цветоводом. А ты?

— Художником, — сказал Саня и пригласил ее посмотреть картины. Но Зина не стала «включаться» в Санину комнату по видеооблаку. Она явилась лично.

Картины Зина одобрила, еще больше понравился ей камин. И уж в совершеннейший восторг привел ее Афанасий.

В тот день к нему пришел Спиридон — порученец одного из коллекционеров. По заданию своего хозяина он принес для обмена томик Лукреция. Обмен состоялся честь по чести. Однако Спиридон не удержался и, уходя, прихватил с полки еще одну книгу. Это заметил Афанасий и устроил шумную сцену.

— Что они там не поделили? — спросил Иван, входя к Сане.

Распахнулась дверь библиотеки.

— Какой позор! — вопил Афанасий, за шиворот вытаскивая оттуда Спиридона. — Стащил. Книгу стащил!

— Гнусная клевета! — возмущался Спиридон, высвобождаясь из цепких рук своего собрата. — Ничего я не брал.

— Как не брал? А это что? — Афанасий ловко запустил руку под комбинезон Спиридона. — Вот она!

— Не понимаю... Случайно попала туда, — глупо оправдывался Спиридон.

Афанасий в шею вытолкал проворовавшего собрата и еще долго не мог уgomониться.

Зина хохотала, глядя на Афанасия, кипевшего благородным негодованием. А Саня даже смеяться не мог от восхищения: порученец бесподобно копировал хозяина! В своем бутафорском гневе он так же потрясал кулаками, топал ногами и кричал:

— Жулик! В добрые старые времена таких розгами пороли!

Иван сначала рассмеялся, а потом погрозил Афанасию пальцем: не передразнивай.

— Какой милый, — с завистью прошептала Зина и предложила братьям: — Давайте меняться роботами. У нас он тоже забавный. Но какой-то тихий. Вообразил себя поэтом и все время пишет стихи. Такие смешные и глупые стихи.

Нет, меняться Саня не хотел. К Афанасию он привязался. Тот даже помогал ему, вдохновляя, на все лады расхваливая начатую «Зимнюю сказку». Мальчик, конечно, понимал, что робот легко решает задачи, в искусстве же не смыслит и может лишь имитировать человеческие переживания прекрасного. Но Саня старался не думать об этом. Ему приятно было чувствовать за спиной доброжелательного зрителя. Афанасий, посматривая, как подвигается работа, то и дело восхищенно восклицал:

— Красиво!

К середине лета картина была готова, и Сане казалось, что Афанасий прав. Получилось и в самом деле красиво. Просто здорово получилось! На заснеженных кустах и деревьях блещут хрустали, а морозный воздух вышел таким осязательным и стеклянно-прозрачным, что казалось, вот-вот зазвенит.

Саня пригласил учителя, с надеждой ожидая его оценки.

У Дениса Кольцова картина вызвала восторг. Но такой, что Саня готов был сквозь землю провалиться.

— Как красиво! Какая пышная, ослепительная красота! И название... Такое же яркое и оригинальное! — Увидев, что на глазах у Сани выступили слезы, Кольцов участливо добавил: — Прости, малыш. Ты же сам понимаешь, что это не красота, а красивость.

Саня кивнул. Сейчас он с беспощадной ясностью видел это.

— Твоя картина похожа на снимок. На голографический снимок. А в чем задача художника?

— Увидеть мир таким, каким его еще никто не видел.

— Вот и ищи свой взгляд на мир, воплощай свои настроения.

Саня потянулся к кнопке на краю мольберта. Если нажать ее, краски разбегутся по своим местам.

— Ни в коем случае! — остановил его Кольцов. — Картину не смывай, краски зафиксируй. Не обращай внимания на старого ворчуна. Картина хорошая. Да, да! Хорошая. Но только в техническом отношении. Мы ее сохраним в учебных целях. Пусть твои товарищи посмотрят, как надо владеть кистью.

Такая похвала уже не радовала Саню. Он и сам знал, что владеет кистью хорошо. Но от этого художниками не становятся.

Саня был так подавлен неудачей, что работа валилась у него из рук. Он все чаще покидал мастерскую и на «лебедя» отправлялся за город.

— Мечтатель, — подтрунивал над ним Иван.

Ему становилось обидно, что Саня не зовет его с собой. Он к тому же опасался, что вновь проснется в мальчишке тоска по родине, заговорит с прежней силой. Иван упустил из виду, что Сане с его неукротимой внутренней самостоятельностью обязательно надо было побыть одному и самому разобраться в своих чувствах.

Саня бродил по лесам и полям и размышлял: в чем же оно заключается — необычное, художническое видение мира?

«Ищи свои настроения и взгляды», — вспомнил Саня слова учителя. Легко сказать — ищи! Как будто настроения — это грибы...

Сравнение с грибами рассмешило мальчика, и он повеселел.

Однажды ранним утром он забрался в сосновый лес с небольшими поросшими вереском полянами и начал прислушиваться к музыке пробуждения. Полусумеречный лесной покой нарушался струнной перекличкой синиц, изредка вливались флейтовые посвисты иволги. А над всеми пернатыми оркестрантами царил барабанщик-дятел.

Но вот солнце коснулось макушек сосен.

Полумгла дрогнула и отступила. И полилась другая, беззвучная музыка. Солнечные лучи сначала пробивались сквозь густые ветви острыми иголочками, тянулись по земле длинными сверкающими паутинками, а потом стали осторожно переливаться через кроны деревьев. Начался настоящий водопад света! Саня следил, как мягкий, скользящий свет нежно лепит объемы, создает перспективу и настроение...

Долго наблюдал художник игру солнечного луча. Неясные мысли бродили в его голове. Вдруг осененный внезапной догадкой, он вскочил на «лебедя», вернулся в мастерскую и набросал на полотне контуры композиции.

Картина настолько сложилась в воображении, что Саня начал писать ее с легкостью, удивившей его самого. Будто кто-то другой водил его кистью. Но легкость была кажущейся. Добиваясь отточенной чистоты мазка, одну и ту же деталь мальчик переделывал множество раз. Картина постепенно оживала, приобретала глубину и объем.

Саня трудился всю осень, зиму и весну. Работал в тайне от всех, даже от брата. Афанасию он запретил появляться в мастерской. Однажды тот все же проник в мастерскую и тихонько пристроился за спиной мальчика. Еще не разобравшись толком, что изображено на холсте, с восхищением прищелкнул языком:

— Красиво!

— Иди, иди! — смеялся Саня, выпроваживая Афанасия. — В живописи ты разбираешься еще меньше меня.

К середине лета, когда Сане исполнилось четырнадцать лет, картина была готова. Мальчик хотел назвать ее «Симфонией света». Но решив, что снова звучит это слишком красиво, оставил картину без названия.

Саня любовался своим полотном, и по спине его гуляли приятные мурашки. Однако что-то в картине смущало, даже тревожило. Но что — он так и не мог понять.

Наконец Саня решился показать свою работу брату и Денису Кольцову.

Иван долго смотрел на полотно, а потом чуть наклонился (мальчик почти догнал его ростом) и шепнул:

— Молодец! Это что-то настоящее.

Денис Кольцов взглянул на картину сначала с профессиональной точки зрения и увидел искусство контрастной светотени, выразительное и драматическое. Но — поразительное дело! — драма казалась такой веселой, что невольно вызывала улыбку. На холсте шла как будто непримиримая борьба. Ранние солнечные лучи острыми шпагами протыкали глубокую тень. Свет переливался через кроны деревьев и широкими сверкающими клинками рубил, рассекал upholstery в чащобу мглу. Но и мгла не казалась олицетворением зла и поражения. Она весело

сопротивлялась, охватывая клинки света своими щупальцами, сознавая, что придет черед — и она снова вернется. И снова начнется борьба двух добрых стихий, одушевленных и почти разумных начал.

— Изумительно! — воскликнул старый учитель. — Ты открыл людям глаза! Я теперь по-иному смотрю на свет и тьму, вижу в них великую и живую тайну, которая вечно ускользает от нас. А какой заряд добра! Картина вся светится веселым лукавством... Как ее назовем? Назовем пока просто — «Свет и тьма». На ней, словно живые, борются боги света и тьмы.

«Боги! — У Сани мигом упало настроение. — Вот что смущало меня. Только не боги, а древние духи. Дикие суеверия колдунов!»

— Ты чем-то недоволен? — спросил учитель. — Или название не нравится?

— Название хорошее.

— И картина отличная! Я знал, что художник ты самобытный.

«Не самобытный, а первобытный», — хмуро думал Саня.

Оставшись один, он долго не отходил от холста. Учитель все же прав: картина удалась. Саня опять залюбовался игрой света на холсте и вдруг вспомнил закат в родной саванне, представил себя одетым в звериные шкуры и сидящим в сумерках на травянистом холме. В закатном пожарище он видел тогда пляску веселых и добрых духов огня.

Почти то же самое было и сейчас на холсте... Неприятно кольнули где-то читанные слова: «первобытный мифологизм».

«Нет, так не годится, — решил Саня. — Надо писать картины гравитонного века, а не каменного».

Он потянулся к кнопке на мольберте, чтобы смыть краски. Но, взглянув на полотно, отдернул руку. Уничтожать такую картину показалось святотатством.

Несколько дней боролся с собой мальчик и все-таки решил — нажал кнопку. Холст очистился.

Этот поступок вызвал у Дениса Кольцова неподдельный гнев.

— Варварство! — кричал он. — Истребление культурных ценностей! Вандализм!

Старый учитель дулся на Саню, как мальчишка, и несколько дней не разговаривал с ним. Саня тяжело переживал размолвку с учителем, но твердо стоял на своем: в творчестве не отставать от века! Писать, как все!

Недоволен был и старший брат.

— Зачем ты сделал это? — хмурясь, спросил Иван мальчика.

— На картине духи света и тьмы. А в действительности никаких духов нет.

— Ну и чудак же ты, Александр! — в сердцах воскликнул Иван. — И не духи на твоей картине,

а душа природы светится. Вернее, светилась... Ох, поговорил бы я с тобой, но не хочется ссориться на прощание. Скоро мой «Призрак» будет готов к рейсу.

— Уже? — губы мальчика дрогнули.

— Уже, Саня, — Иван смягчился, глядя на погрузившего брата. — Не переживай, ты ведь почти взрослый. Скоро я вернусь. А с тобой остаются друзья — Антон, Юджин, Зина и... Афанасий!

Иван рассмеялся, хотя ему тоже было не весело.

Месяц спустя на космодроме Ивана Яснова провожали самые близкие друзья и брат Александр.

После долгой разлуки

Четыре года спустя вернулся «Призрак».

На космодроме среди встречающих Иван с трудом узнал младшего брата.

— Саня! Ты ли это? Ну, брат, и вымахал же! Он крепко обнял улыбающегося Саню...

В Байкалград братья прилетели ранним утром. Над знакомым водоемом еще стлался туман, роса осколками звезд блестела на траве. Цвела черемуха, тополь окутался, словно зеленым дымом, молодыми клейкими листьями и звенел весенними птичьими голосами. «Дома! — счастливо вздыхал Иван. — Наконец я дома!»

Стоявший у порога Афанасий отвесил замысловатый старинный реверанс, чуть не упав при этом, и напыщенно произнес:

— Рыцарю дальних странствий мой почтительный поклон.

— Ну и Афанасий! — рассмеялся Иван. — Где ты этого нахватался? Опять же в средневековых романах? Смотри, свихнешься на них.

Однако звездный кабинет порученец содержал в отличном состоянии. На столе лежала стопка добытых им редких книг. Среди них самым ценным приобретением была «Божественная комедия» Данте. Иван листал книгу, рассматривал старинные гравюры и улыбался. Потом посмотрел на Афанасия, строго спросил:

— Украл?

— Никак нет! — с достоинством ответил Афанасий и прищелкнул каблукками. — Обменял у библиофила из Варшавы.

После завтрака брвтя поднялись в мастерскую.

— Вижу, ты не сидел сложа руки, — одобрил Иван, разглядывая многочисленные этюды и картины. Особенно ему понравилась «Наездница».

— Кто это верхом на лихом коне? — заинтересовался он. — Узнал... Это же хохотунья Зина!

«Не такая уж хохотунья», — настроение у Сани упало. Он чувствовал, что всадница не получилась. Даже конь у него мыслящий. А психологи-

ческий портрет человека — плоский, однозначный. Как ни бился художник, не удавалось ему передать текучесть, неуловимость Зининых строений.

Временами — и это казалось Сане необъяснимым — девушка была веселой и грустной, доброй и гневной, нежной и строгой. И все это одновременно! Все это сливалось в ней в единое целое, как цвета в радуге или краски в закатном небе.

Почему и когда связал Саня ее облик с этими природными образами? Саня полагал, что так и должно быть, что так видят Зину все окружающие. Но Зина догадывалась: юноша влюблен в нее. Это льстило девушке, радовало ее и в то же время... забавляло! Она поддразнивала Саню, прикидываясь кроткой и нежной, как тихое сияние звездной ночи. И вдруг взрывалась звонким смехом, способным ужалить и не столь ранимое самолюбие, как у Сани. Тот видел, что девушка дурачится, но долго обижаться не мог и вновь смотрел на Зину с восхищением — так прекрасны были ее смеющиеся глаза, ее летящие черные брови...

Иван решил устроить себе нечто вроде каникул и полностью доверился Сане, желавшему показать «космическому» брату «неведомую планету».

— Такой планеты ты не найдешь и за миллионы световых лет отсюда, — говорил Саня.

Однажды на гравиплане он доставил Ивана в густую рощу. Тот не знал даже, на каком они материке: юноша так зашторил кабину, что Иван не мог видеть пронесившиеся внизу ландшафты. «Интригует», — подумал он о брате.

Иван вышел из рощи и очутился на берегу тихой реки. За ней открывались щемящие, повитые голубишной дали. Под косыми лучами восходящего солнца сверкали луга, в чистом небе и по реке плыли алые округлые облака.

— Куда же ты меня затащил? — воскликнул Иван. — В какую райскую страну?

— Догадайся. Может быть, тебе подскажет вот этот пока единственный в своем роде город? Он не висит на месте, а передвигается на волнах тяготения, как на морских волнах.

На аквамаринном горизонте меж кучевых белобоких облаков Иван разглядел уникальный город, издали похожий на старинный морской корабль с туго надутыми парусами-секторами и бушпритом-энергоприемником. Даже транспортные эстакады между секторами и зеленоватым корпусом тянулись наподобие мачт и такелажных снастей.

Иван морщил лоб: где он видел это чудо градостроительства?

— Вспомнил! Это же Рязань!

Почти каждый день прилетали братья в лесостепь, где шумели травы с медовыми и чайными запахами, где по синему горизонту плыл, сопер-

ничая белизной с облаками, многопарусный дивный город-бригантина с двухмиллионным экипажем. Они много ходили по лугам, отдыхали в прохладных рощах.

Иван с удивлением узнавал в младшем брате другого человека. От детской «первобытности», от угловатости подростка не осталось и следа. Перед ним был современный молодой человек, немного, правда, застенчивый и с далекой грустинкой в глазах, но с ясным и счастливым, «солнечным» ощущением жизни.

Однако что-то в нем осталось и от прежнего Сана. Что-то очень редкое и ценное, помогавшее ему видеть мир иначе, чем другие люди, — глубже, своеобразней, одухотворенней. «Мудрость двух эпох», — вспомнились Ивану слова психолога.

И слушать младшего брата было интересно. Было в его словах что-то свое, какие-то искорки и соки образной речи.

— Постой! — осенило Ивана. — Уж не пишешь ли ты стихи?

Саня смущенно признался: есть такой грех.

Однажды они долго, до хрипоты спорили об искусстве, о музыке. Иван был обескуражен и задет за живое: в этой области он ощутимо отстал от Сани.

Спор закончился весьма неожиданно. На весь этот день синоптики запланировали в средне-русской полосе сухую солнечную погоду. Но в их небесном механизме, в этом хитром переплетении силовых полей внезапно что-то разладилось. Какой-то циклон вырвался из-под контроля и пошел гулять по степи, как соловей-разбойник. Он свистел ливнями и встряхивал землю громами.

Братья вскочили на ноги и ошарашенно глядели на обступившую весь небосклон тучу, очерканную ветвистыми молниями. Потом все поняли и расхохотались.

В разрывы туч глянуло солнце. Но ливень от этого только разъярился. Он гудел, барабанил по одежде и траве. Веселились и братья. Они скакали по лужам, как малыши. Взметывая брызги, что-то кричали друг другу, ничего не слыша из-за клекота воды и почти ничего не видя. — все исчезло в серебряном кипении ливня.

Ливень прекратился так же внезапно, как и начался. Синоптики укротили циклон, усмиренная туча сконфуженно уползла за горизонт. И снова в небе — ни облачка. Один лишь город-бригантина сверкал в синеве своими парусами.

День этот надолго запомнился братьям...

В августе их походы прекратились. В «Космосе» — гигантском сооружении, за время отсутствия Ивана появившемся между Землей и Луной, — создали лабораторию искусственных коллапсаров, и Яснов стал ее руководителем. Дома он засиживался в своем «звездном кабинете» до глубокого вечера.

Ивану его работа тоже приносила радость. Но брату своему он все же чуточку завидовал: Саня, на его взгляд, познал высшее счастье — счастье художественного творчества. И это, понимал он, еще не все, у Сани все впереди.

Иван не мог предположить, что скоро в их безоблачной жизни внезапно, как тогда в походе, появится туча. Только не будет она нести ни освежающих серебряных ливней, ни веселых, похотывающих громов...

К осени Саня почти закончил небольшое полотно «Бригантина», где в необычном освещении изобразил город-парусник.

— Наконец-то! — радовался Денис Кольцов, посетивший мастерскую. — Наконец-то ты повернул от суховатого реализма к романтике. Сколько раз говорил тебе, что это — твоя стихия!

Ни старому учителю, ни брату невдомек было, что «суховатый реализм» — это раз и навсегда принятое решение Сани «не отставать от века» и писать картины, «как все».

Во второй полусфере мастерской Денис Кольцов увидел дымчатый занавес. За ним угадывалась какая-то картина.

— Новый пейзаж? — спросил он.

— Да.

— Пока секрет?

Саня кивнул и с грустью подумал, что секретом картина останется, видимо, навсегда. Секретом для всех, а для него самого — загадкой.

Работал он над ней уже два года. Работал упорно, не щадя себя и в то же время словно отдыхая над ней, отводя душу. Однажды — это случилось год назад — почувствовал, что картина ускользает из-под его власти, не подчиняется его разуму и воле. Она будто сама водила его кистью. Но самое удивительное: этот диктат воспринимался не как рабство, а как высшая свобода. Такую же раскованность Саня испытывал, когда писал «Свет и тьму». Вот это его и настораживало: нет ли здесь опять какого-нибудь «первобытного» подвоха?

В другом конце мастерской Иван и Денис Кольцов о чем-то тихо говорили. Саня прислушался.

— Мальчик, — для старого учителя юноша все еще оставался мальчиком, — неравнодушен к похвалам. Одобрение широкой публики пошло бы на пользу.

— А что если попробовать...

— Вот и я считаю, что пора выходить в большой мир. — Денис Кольцов обернулся к юноше. — Готовься, Саня, к выставке. Могут, конечно, и поругать. Но в люди выходить пора.

Выставка художников Азиатского континента открылась в Бомбее. Саня дважды побывал там и увидел немало хороших картин. Но и свои полотна, особенно «Наездницу» и пейзажи, считал достойными приза.

Засыпая накануне знаменательного дня —

дня присуждения призов, Саня представлял, как его картины, одобренные в Бомбее, уже плывут на кораблях-выставках в Венецию — на выставку всемирную. А там глядишь... В разгулявшемся воображении возникло заветное «Золотое кольцо». Стать лауреатом «Золотого кольца»! Эта мысль показалась такой сумасбродной, что Саня рассмеялся. Заснул он с улыбкой, за выставку зональную он во всяком случае был спокоен.

Однако в день присуждения призов Саня был молчалив, на шутки брата отвечал неохотно. «Волнуется», — подумал Иван.

В полдень они сели перед экраном и подключились к Бомбею. На специальной платформе за круглым столом уже расположились члены жюри, накануне подробно обсудившие между собой все полотна.

Платформа переплывала из одного зала в другой, останавливаясь перед картинами, достойными внимания.

К удивлению Ивана Юджин Вест, работавший куда меньше Сани, получил почетный приз. Телезрителям показали этот приз — бюст Леонардо да Винчи, изготовленный из меркурита — редчайшего минерала, найденного пока лишь на Меркурии.

Саня повернулся к брату. «Ай да Юджин!» — говорил его взгляд. Но вот Саня снова взглянул на экран, и улыбка мигом сбежала с лица: платформа вплыла в зал, где находились его картины.

Члены жюри начали, казалось бы, с похвал, отметили зрелое мастерство молодого художника, его высокую технику. «Далась им эта техника», — с неудовольствием подумал Саня. Говорилось и о таланте, заметном в отдельных деталях. Но вот кто-то из членов жюри сказал: «Талант, закованный в цепи подражательности». Его поддержали, заговорили о вторичности не только в манере письма, но и в самом видении мира. И уж совсем холодом обдали чьи-то слова: «Заданность замысла, спокойствие дисциплинированного ремесла»... О чем еще говорилось? Саня плохо слышал и почти ничего не видел. Словно туман опустился на глаза, а уши заложило ватой. Понял лишь, что ни одна картина не удостоилась приза...

Саня побледнел, пальцы, вцепившиеся в подлокотники кресла, вяло разжались.

— Крепись, малыш, — услышал он слова брата. — Еще ничего не потеряно. У тебя все впереди.

— Я что... Я ничего, — вяло отозвался Саня и ушел в свою комнату.

Как и раньше, в случае с красивенькой «Зимней сказкой», перед ним вдруг, в один миг, открылась беспощадная правда о своем творчестве. «Вторичность... цепи подражательности» — эти жестокие, но верные слова не выходили из головы.

Вспомнилось детство, когда он вот так же сидел перед камином и думал: «Зачем я здесь?» В душу снова заползала мысль о своей ненужности, «первобытности». Шесть лет он занимается живописью. А чего добился? Научился красиво, «технично» копировать натуру. Но с этим справится и Афанасий, если его поднатаскать в технике.

Правда, в мастерской за дымчатым покрывалом стоит еще одна картина, которую пока никто не видел. «И хорошо, что не видел», — подумал Саня. Сейчас она представилась ему не только странной, но и сумбурной. В лучшем случае — банальным пейзажем с претенциозным названием.

Утром Иван, взглянув на осунувшееся лицо брата, предложил:

— Ты пока отдохни от картин.

— Я к ним вообще больше не прикоснусь.

— То есть как это — не прикоснешься? Ты же художник по природе своей! Другое дело, что отдохнуть, конечно, надо. Давай-ка возобновим наши походы. Поговорим о живописи, о музыке, о стихах. Кстати, покажешь мне когда-нибудь хоть одно свое стихотворение?

Он взял неохотно протянутой Саней лист с чуть светящимися буквами, отпечатанными на светографе. Прочитал, подумал.

— Гм, мысль-то недурна, но... — Иван чуть замялся. — Но по форме стихи мне кажутся несколько старомодными. Они неплохо выглядели бы где-то в веке двадцатом, даже девятнадцатом...

— В моем веке, — Саня опустил голову. — В каменном.

— Брось-ка ты, Саня! — Иван рассердился на шутку. — Тоже мне, экстремист нашелся! Или все или ничего! Или Цезарь или никто! А до Цезаря в живописи надо трудиться и трудиться. Искать себя, рвать цепи зависимости и подражательности. И не переживай так свою временную неудачу! У кого их не бывает? И стихи, конечно, пиши. Хотя, на мой взгляд, ты все-таки не поэт, а художник.

«Не поэт и не художник», — уныло думал Саня, оставшись один в своей комнате. Он сидел перед камином и бесцельно ворошил пылающие головешки. Лист с красиво напечатанными стихами бросил в огонь. «Вот и все. Вот так бы и с картинами...»

И вдруг холодным потом прошибло: он же хотел показать стихи Зине! Хвастать бездарными первобытными виршами?! От этой мысли Сане стало так стыдно, что он застонал. Собственная жизнь в этой эпохе показалась ему фактом не только ненужным, но и постыдным. Уйти, немедленно уйти от позора! Но куда? И тут мысль о небытии, об уходе из жизни ледяным ветром пронизала его.

Он смешон и первобытен! Его жизнь неле-

па и постыдна в мире, где все заняты своим делом.

Всё ли? За эту мысль Саня поначалу ухватился, как утопающий за соломинку. Он вспомнил о так называемых «вечных» туристах... Не о тех, кто после трудов и напряженных творческих поисков уходил в леса и луга или совершал месячное турне по планетам Солнечной системы. Он вспомнил о других «туристах» и втором, обидном значении этого слова. Так называли людей, работавших от случая к случаю или вообще не работавших. Все свое время они проводили в развлечениях: путешествовали по континентам Земли, по городам Марса, Ганимеда, Венеры, охотились на искусственных зверей в густо разросшихся джунглях Луны. Такие люди не были особой обузой для общества, но частенько становились не очень привлекательными персонажами произведений искусства, особенно юмористических и сатирических телепредставлений.

Саня знал: как представитель далекой эпохи он мог бы стать пожизненным, «вечным» туристом, не вызывая обидных усмешек. К нему отнеслись бы с пониманием. Но жить «просто так», не отдавая себя людям? Жить впустую?.. Этого Саня представить не мог. «Вечный» туризм представлялся ему засасывающей дырой, черной ямой, концом более жутким, чем смерть.

Утром после завтрака Саня сказал:

— Я побываю в «Хроносе».

— Конечно! — согласился Иван. — Посидишь у хроноэкрана, развлечешься.

Для сотрудников «Хроноса» Саня был желанным гостем. Они вместе сидели у хроноэкрана и наблюдали за жизнью в ареале, за перелетами птиц и поведением зверей. Обрато Саня прилетал к обеду или даже вечером.

Однажды он не вернулся домой и вечером. Это не обеспокоило Ивана. Однако вскоре из видеоблака возник Октавиан.

— Почему сегодня не отпустил к нам брата? Мы к нему уже привыкли.

— Как? — удивился Иван. — Он не был у вас? Где же он?

— Тогда, вероятно...

— Думаешь, сбежал? Опять сбежал?

Другого объяснения дружба придумать не могли. Но где он на сей раз скрывался? На другой планете? Исключено. Об этом сразу стало бы известно: на межпланетных лайнерах велся строгий учет пассажиров...

«Полонез». Второй побег

Утром следующего дня Иван не находил себе места. Ожидая сообщений от поисковых групп, бесцельно бродил по саду, Прохладный сен-

тябрьский ветер гнал по земле опавшие листья. «В ареале сейчас все наоборот,— подумал Иван.— По натуральному времени там начинается весна».

Мысль об ареале вызвала почему-то тоскливые предчувствия, и он поспешил покинуть сад. Зашел в Санину комнату. Но и она казалась пустой и холодной, несмотря на то, что увлекшийся Афанасий развел в камине слишком жаркий огонь.

Иван поднялся в мастерскую и от неожиданности замер. Среди вернувшихся с выставки картин было и давно уничтоженное Саней полотно «Свет и тьма». Мистика!

— Откуда это? — спросил он у Афанасия.

— Это я! — порученец хвастливо ткнул себя в грудь. — Я видел, как Саня собирался и долго не решался смыть краски, и раздобыл редкий аппарат — нейтронный молекулятор. С его помощью можно до последнего атома скопировать любую вещь.

— И ты успел снять молекулярную копию?! Молодец!

— Здесь есть еще одна картина, — сказал польщенный Афанасий. — Саня никого к ней не подпускал. Но я все же заглянул... Красиво! Показать?

Афанасий притронулся к стене, и дымчатый бархат покрывала заструился, поднялся вверх и растворился в потолке. Большое полотно открылось глазам Ивана.

Холмик на переднем плане, поросший овсягом и клевером, был как будто знаком. Совсем недавно братья отдыхали здесь в тени редких берез, и за холмом плавал причудливый город-парусник... На картине города не было. С холма распахивалась странная, волнующая бесконечность. Современная среднерусская лесостепь как-то незаметно и плавно, окутываясь сиреновой дымкой, переходила в древнюю саванну с густыми травами и одиночными раскидистыми деревьями. Слово вся история открывалась перед Иваном, словно он видел мир глазами людей всех времен сразу. Саня запечатлел, конечно, всего лишь один миг. Но в этом миге ощущалось дыхание вечности.

— Удивительно, — шептал Иван, то отходя от полотна, то приближаясь.

Между тем его ждали вещи еще более удивительные. Сначала все на картине — травы, деревья, сам воздух — выглядело застывшим в немой печали. Но чем больше Иван всматривался, тем больше казалось, что пейзаж что-то говорит, что-то шепчет. Это ощущение исходило от шумящих трав и листьев, от таинственных перепадов света. Чудилось, что висит в небе жаворонок и сплетает серебристые узоры своих песен. И еще река... Ее ритмично чередующиеся извивы, усиливая впечатление бесконечности, навевали грустную протяжную песню о чем-то безвоз-

вратно утерянном, оставшемся в глубине тысячелетий — в этой повитой синью дали.

Иван встряхнул головой, пытаясь избавиться от слухового наваждения. Потом закрыл глаза и попытался рассуждать трезво.

Своей необычностью и совершенством картина Сани создавала сильный и своеобразный эмоциональный настрой, воздействовала одновременно на центры зрительные и слуховые. Видимо, так. Но что ему послышалось? Один из старинных грустных вальсов?

Иван открыл глаза. И снова перед ним все заискрилось, наполнилось шелестом трав, напевами реки, музыкой степей. Нет, это не вальс. Тут что-то более глубокое и нежное, трогательное до глубины души, до слез. Но что?

И вдруг взгляд Ивана упал в затененный угол картины, где светилась подпись-намеком, подпись-подсказка: «Полонез».

Верно! Как он мог забыть? В старину полонезы писали Чайковский, Шопен и многие другие. Но здесь слышался единственный в своем роде полонез, уже не одну сотню лет тревожащий души людей, — «Полонез» Огинского.

Иван глядел на картину и слышал бессмертную мелодию — невыразимо грустную и в то же время будто пронизанную солнцем и светлыми чувствами. В ней было все, что тревожило Саню: и тоска по утраченной родине, и радость приятия нового, и благоговение перед жизнью, и снова печаль.

— Или я совсем ничего не понимаю в искусстве, или это...

— Красиво! — торжественно возвестил Афанасий, закончив начатую Иваном фразу. При этом он поднял вверх указательный палец.

— Помалкивай, знаток, — усмехнулся Иван и бросился вниз.

В своем кабинете он окутался облаком связи и отыскал Дениса Кольцова. Тот отдыхал, сидя в глубоком кресле. Увидев гостя, он живо встал.

— Нашелся?

— Саня? Пока нет. Но я нашел нечто иное, удивительное. Очень прошу ко мне...

Старый художник проявил расторопность и минут через десять был в мастерской.

— Воскресла? — остановился он в изумлении перед полотном «Свет и тьма».

— Афанасий постарался. Он успел снять молекулярную копию. Но я не за этим звал. — Иван кивнул в сторону покрывала и сказал сияющему Афанасию: — Открой.

Признанный мастер, как и всегда в подобных случаях, взглянул на полотно как профессионал и холодный аналитик. Он говорил о таинственных ритмах света, о законах простоты и античного лаконизма форм. Это огорчило Ивана. «Я, видимо, ошибся в своей оценке», — подумал он.

Но Кольцов внезапно смолк. «Пробрало!» — торжествовал Иван. Глаза старого учителя изум-

ленно расширились. Он наконец увидел картину и «услышал» ее, он видел полотно, где все трепетало и мерцало, воздух струился, а краски светились, взаимно проникали друг в друга и... говорили, пели, звучали.

Когда взгляд художника переместился в нижний угол, где чуть приметно светилась подпись, он прошептал:

— Верно. Поразительно верно...

Наконец он оторвался от полотна, повернулся к Ивану.

— Где мальчик? А ну, подай мне его сюда! Ах, да. Сбежал... Найти! Немедленно найти!

— Ищут,— улыбнулся Иван.— Найдется.

— Да ты понимаешь, что это такое? Редчайшее явление! Связать в одно целое живопись с музыкой, искусство пространственное с искусством временным удалось пока лишь одному Ришару. Но та картина и ее творец погибли во время извержения сверхвулкана...

«Полонез», а с ним «Свет и тьму», старый учитель решил взять с собой.

— Жюри еще не закончило работу,— пояснил он.— И мы вместе подумаем, что делать.

Этот грузный и обычно медлительный пожилой человек удивил Ивана своей напористостью и расторопностью. Вечером того же дня Яснов увидел его возникшим из облака связи.

— Удача! — улыбался Кольцов.— «Свет и тьма» уже в пути на всемирную выставку, а «Полонез» в виде исключения сразу отправляется в Солнечную галерею. Так что можешь поздравить Саню с почетнейшим званием лауреата «Золотого кольца».

Иван сдержанно поблагодарил. Тревожные мысли, далекой зарницей мелькнувшие еще утром, в саду, с новой силой завладели им. А тут еще Зина подлила масла в огонь. Едва успел Денис Кольцов «раствориться», как облако связи вновь заструилось.

— Я боюсь! — Зина едва сдерживала слезы.— Саня уже не мальчик, чтобы прятаться в лесу. Тут что-то другое...

Опасения Зины и недобрые предчувствия Ивана сбылись. Утром из облака связи явился Октавиан Красс.

— Саня... Его искали не там. Он прятался у нас, в «Хроносе», в металлических лесах энергосистемы.

— А сейчас?

— Сбежал... В полускафандре. К себе, в свою эпоху.

— Лечу к вам,— коротко бросил Иван.

Из «ласточки» он выжал предельную скорость и через семь минут был уже у хроноэкрана. Здесь собралось около десятка сотрудников «Хроноса».

— Скоро «Скала» реализуется на Горе Духов,— говорил Октавиан.— Хроношока у Сани не будет. Он ведь абориген той эпохи.

— А если этот абориген появится в племени? — сказал кто-то из сотрудников.— Он же поднимет там переполох. Вся история племени пойдет кувырком.

— Саня все знает и понимает. Он не допустит этого,— возразил Иван.

Хроноглаз отфокусировался и нацелился на седловину Горы Духов. Кроны деревьев уже закутались в полупрозрачный весенний бархат. На гибких ветвях появились клейкие листья, слышался их влажный лепет. Стоило, казалось, протянуть руку, и пальцы коснутся верхушки ближней березы.

Между стволами виднелись ярко освещенные солнцем одиночные островерхние скалы, охваченные снизу зазеленевшей майской травой. Внезапно, как гриб с острой шляпкой, выросла из земли еще одна скала, ничем не отличавшаяся от своих сестер. Трещина на ее стене разошлась, оттуда, из капсулы времени, высунулась голова. Вернее, непрозрачный колпак полускафандра.

Секунду-другую Саня колебался, потом осторожно ступил на поляну перед «Скалой», откинул колпак, огляделся.

— А «Скалу» забыл закрыть,— прошептал кто-то.

— Он вернется, потому и не закрыл,— предположил Октавиан.

Надеждам этим как будто суждено было сбыться. Саня взглянул вверх и наверняка увидел «звездочку» — хроноглаз. На лице юноши отразилась растерянность. Тревожное мигание «звездочки» он, конечно же, понял как приказ вернуться. Не спуская с нее замороженного взгляда, Саня попятился, нащупал за спиной неровные края входа в «пещеру» и наполовину скрылся в ней. Еще полшага, и вход закроется, капсула автоматически начнет обратный бег во времени.

Затаив дыхание, все ждали этого полшага. Но Саня, в нерешительности постояв, вдруг кинулся прочь от «Скалы», ее зев остался открытым. Юноша миновал седловину и показался на другой, более высокой вершине.

— Что он делает? — разволновался Октавиан.— Скоро на тропинке появится колдун. Он уже где-то у подножия. Они столкнутся!

Но Саня недаром провел много часов у хроноэкрана. Он запомнил, как будет протекать жизнь племени в близком будущем. Юноша остановился, накинул на голову колпак и свернул с тропинки.

Вскоре в пределах видимости хроноэкрана показался Ленивый Фао. Немошный и дряхлый, он заметно горбился, брел медленно и часто останавливался, чтобы перевести дыхание.

Склоны горы так густо поросли высоким кустарником, что трудно было сказать, наблюдает ли Саня за колдуном или спускается вниз.

Внимание сотрудников «Хроноса» было приковано сейчас к колдуну. Не заметил ли тот что-нибудь подозрительное?

Включили боковой экран. На нем жила и шумела листвою та же Гора Духов, но зафиксированная в визуальном, наблюдаемом времени — времени, обращенном в будущее. «Раздвоения» событий никто не углядел. На обоих экранах Ленивый Фао вел себя одинаково. Он медленно приблизился к кострищу, потоптался, сел на камень, почесал спину о ствол березы. Потом разгреб угли и навалил на них сухих веток.

Загорелся костер, обдавая колдуна приятным жаром. Фао с наслаждением прислонился к березе и закрыл глаза.

— Так он продремлет часа полтора, — сказал Октавиан шепотом, словно опасаясь, что его услышит колдун.

— А Саня? — забеспокоился кто-то. — Где он? Дремлющего колдуна оставили в покое. Хроноглаз фокусировался в поисках беглеца. Он то выхватывал отдельные холмы и ложбинки, когда видна была каждая травинка, то с трехкилометровой высоты осматривал весь ареал.

Лишь через час далеко в саванне отыскился Саня. Он вынырнул из густых трав и быстрым шагом приближался к озеру Круглому, к тому берегу, где почти восемь лет назад произошла его встреча с «колдуном Ваном». Берег этот был охвачен кустарником, над которым царственно высились два старых тополя. Свежие листья их шелестели от набежавшего ветра и серебрились под солнцем.

— Что он делает?! — встревожился Октавиан. — Ему несдобровать, скоро здесь появится носорог...

Иван уже догадывался, что делает Саня: он шел навстречу своей гибели. Никто не заметил, как побелели губы космопроходца. Никто не мог слышать его немых криков: «Остановись, Саня!.. Вернись!..» Но тут же Иван с кривой усмешкой подумал, что похож на колдуна, произносящего бессмысленные заклинания. Остановить ход событий уже нельзя...

— Вот и носорог, — сказал кто-то. — Саня успеет укрыться в кустарнике, и носорог пойдет к водопою.

Однако Саня и не думал укрываться. Как только из-за холма выплыла горбатая спина, он сделал несколько шагов навстречу.

— Это же самоубийство! — воскликнул Октавиан.

Зверь на миг замер. Потом кинулся вперед, нацелив на юношу свой страшный рог, способный проткнуть ствол дуба.

В последний момент Саня, видимо, испугался. Он стремительно нырнул в кустарник. Но зверь не отставал. Его серая спина скрылась в высоком ивняке, ветви которого трещали и качались, как во время урагана.

— Только бы Саня успел залезть на дерево. Там он спасется... — услышал Иван чей-то напряженный голос.

Вскочить на тополь Саня, видимо, не успел. Из кустарника выбежал носорог. На своей бугристой морде он нес обмякшее в скафандре тело юноши.

— Убит, — глухо прошептал Октавиан.

Носорог сбросил скафандр на землю, и тот почти скрылся в густой высокой траве. Но зверь не оставил его в покое. Кипя яростью и злобой, он начал топтать скафандр своими чудовищными лапами... Сознание Ивана на миг помутилось. Когда туман рассеялся, он заметил, что сотрудники «Хроноса» уже переместили хроноглаз на Гору Духов.

— События совпадают...

На хроноэкране и на боковом экране синхронно, в такт раскачивались под ветром макушки деревьев, с ветки на ветку перелетали те же птицы и пели одинаковыми голосами.

— Это сейчас совпадают, — проворчал Октавиан. — Но как поведет себя дальше наш колдун?

Ленивый Фао натурального, текущего времени, пока в точности повторял все движения Ленивого Фао с бокового экрана, где прокручивалась пленка, запечатлевшая события, какими они должны быть. Вот он встал и пошел к седловине горы в поисках топлива для костра. Наклоняясь, он на обоих экранах одинаково постанывал от боли в пояснице, подбирал те же сухие ветки.

— Сейчас он должен повернуть обратно, — сказал Иван, к которому вернулось обычное самообладание.

Ленивый Фао около кривой сосны остановился. На обоих экранах он стал поворачиваться. И вдруг началось расщепление событий. На боковом экране колдун, как и положено, шел обратно, а на хроноэкране застыл на месте, уставившись на «Скалу». Не сама скала привлекла его внимание, а глубокая пещера, заметная отличающаяся от обычных выемок.

Октавиан забеспокоился.

— Постоит да и вернется к костру, — убеждал его Иван.

Однако колдун пошел в сторону, противоположную той, которая была предписана ему историей. Крадучись, он медленно приближался к «Скале». Вот он отшатнулся и выронил хвост. Постоял немного, испуганно озираясь по сторонам и принюхиваясь. Любопытство все же взяло верх. Он вошел в «пещеру»... и вход за ним замкнулся. Биополе включило автоматику. «Скала» растаяла.

Октавиан, натыкаясь на кресла, бегал вдоль хроноэкрана и бормотал что-то нехорошее в адрес колдуна.

— Перестань суетиться!..

Металлические нотки в голосе Ивана отрез-

видели «повелителя времени». Он остановился и воскликнул:

— Надо что-то делать!

— Сначала встретим гостя, а потом решим, что с ним делать,—спокойно сказал Иван.— С ним и с этой дыркой в истории.

У хроноэкрана остались лишь дежурные. Остальные через полминуты были уже на двух холмах, имитирующих Гору Духов. Здесь находились и подоспевшие медицинские работники.

— Уверяю вас,—заявил один из них.— Колдун стар и немощен, он просто умрет в капсуле от потрясения и страха.

Он оказался прав. Из пучин времени выплыла «Скала», ее зев раскрылся, вывалилась груда грязных шкур. Медик повернул голову колдуна лицом вверх и наклонился. Бесцветные глаза Ленивого Фао, широко раскрытые от застывшего ужаса, немигающе глядели на яркое искусственное солнце «Хроноса».

— Мертв... Оживить не удастся.

— Но там...—Октавиан вновь засуетился.— Колдун должен работать там на историю еще три дня! И под конец спасти мальчика. Очень важного мальчика!

Октавиан вдруг остановился. В голову ему пришла спасительная мысль.

— Иван!—воскликнул он, умоляюще глядя на своего друга.— Больше некому... Заменить колдуна больше некому!

— Понимаю,—усмехнулся Иван и подумал,

что лучшей кандидатуры и в самом деле не найти. Он уже побывал в той эпохе, адаптировался, и хроношока не будет.

— Ты знаешь язык,—продолжал Октавиан.— Знаешь жизнь племени, обладаешь актерскими способностями. У тебя получится! А загримируем так, что сам себя не узнаешь. Времени для подготовки достаточно...

Времени однако оставалось не так уж много. К вечеру, еще засветло, Фао должен спуститься с горы и войти в стойбище.

А пока Гора Духов пустовала, Иван перед хроноэкраном готовился принять сан колдуна.

— Давай, Ваня! Спасай историю!—посмеивались гримеры.

На боковом экране не раз прокручивались кадры, показывающие, как в недалеком от натурального момента будущем должна протекать жизнь племени. Иван запоминал каждое слово, каждый жест Ленивого Фао, кое-что тут же отрепетировал.

Не успело весеннее солнце уйти за бескрайнее болото Урха, как на Горе Духов вновь бесшумно возникла «Скала». Створки ее разошлись, на землю каменного века ступил новый колдун.

Кряхтя и постанывая, лже-Фао нагнулся, подобрал хворост, оброненный прежним колдуном. С частыми передышками взобрался на вершину, где темнели каменные «духи Фао», оживил огонь под березой.

Новый колдун сел на камень, до блеска от-

полированный задом подлинного Фао, согрел руки над костром. Затем откинулся и, жмурясь от удовольствия, почесал спину о ствол березы. Усмехнувшись, взглянул вверх, как бы спрашивая: так ли? Сквозь зеленое кружево мелкой листвы разглядел «звездочку»-хроноглаз. Та спокойно и еле приметно светилась: так!

Ленивый Фао грелся около костра еще минут пятнадцать. В стойбище он вошел в точно определенное время, когда длинные вечерние тени растворялись в сгущающихся сумерках.

И вот прошли три дня — внешне бездеятельных, но мучительных, потребовавших от Ивана немалых нервных усилий. Подходит к концу и последняя ночь. Роль Ленивого Фао он исполнил, кажется, хорошо, без срывов и отклонений. Завтра старый колдун должен уйти из мира, утонуть в пенном водовороте реки...

Иван взглянул на часы. Нет, не завтра, а уже сегодня. До рассвета осталось полчаса.

Утро выдалось тихое и безоблачное. Ленивый Фао выполз из землянки, когда Огненный Еж уже выкатился из-за дальних холмов и всю припекал землю горячими лучами. Добрые духи, говорили в такие дни старые люди, несут на своих крыльях тепло и удачу.

Удача и впрямь сопутствовала охотникам племени. В дальнем конце стойбища послышались крики, радостный детский визг. Подслеповато щуря глаза, Фао долго смотрел в ту сторону и наконец разобрал: охотники принесли из саванны тушу еще одного оленя. Тут же, у крайней землянки, разожгли костер.

С противоположного берега к костру торопился Гзум — тот самый «важный мальчик». Привычно и ловко хватаясь за высохшие, а в иных местах и полусгнившие сучья, он шел по бревну. На него из-под насупленных бровей посматривал лже-колдун, знавший наперед каждое движение мальчика.

Шагах в десяти от землянки колдуна кипел водоворот, грохотали камни. Здесь Гзум поскользнулся и упал. Одной рукой он успел ухватиться за ветку и, вереща от страха, пытался подтянуться к бревну. Но тугие спирали во ворота крутили его, тащили в глубину.

Толпившиеся у костра люди повернули головы в ту сторону, откуда сквозь шум воды прорывались отчаянные вопли. Один из охотников бросился на выручку. Но вряд ли успел бы он спасти мальчика. Было слишком далеко.

И тут Ленивый Фао удивил всех. Видимо, не совсем забыл он охотничью сноровку, не вся сила угасла в его мышцах. В три-четыре прыжка он подскочил к бревну, на четвереньках подполз к мальчику и схватил его за руку в тот миг, когда ветка обломилась.

Вытащив Гзума на бревно, Фао сердито за-

ворчал и дал такого пинка, что мальчик перевернулся в воздухе и упал в неглубоком месте.

Ленивый Фао спас Гзума, но сам не удержал равновесия, покачнулся и грузно плюхнулся в воду. Рухнул без вскрика, без единого звука. Видимо, он потерял сознание. Еще какое-то мгновение сухие шкуры крутились на поверхности. Но вот и они, намокнув, скрылись в пенных струях водоворота.

Снова в саванне

У самого дна Иван уцепился за каменистый выступ, нащупал в шкурах кислородную маску и натянул ее на лицо. Чтобы не всплыть на поверхность, сунул за пояс под шкуры увесистый камень.

Подгоняемый упругим течением, он наискось пополз по дну к другому берегу. Там, в излучине, образовался уютный заливчик со стоячей водой. С песчаного дна в бугорки вязкого ила Иван вошел с предосторожностями, побаиваясь водяных крыс и пиявок. Их здесь, к счастью, не оказалось.

Раздвинув головой слой ряски, Иван всплыл и очутился в тихой заводи с редкими кочками. На широких глянцевиных листьях кувшинок сидели любопытные лягушки и тарасили на Ивана глаза. Иван замер и прислушался. Шуршали камыши. Подобравшись к самому краю зарослей, Иван осторожно раздвинул камыши и выглянул.

На противоположном берегу и на мосту стояли охотники и глядели в водоворот, поглотивший колдуна. Женщины и дети, крича и размахивая руками, бегали вдоль берега. Слов Иван разобрать не мог. Но все движения людей, все жесты были в точности такими, какими он не один раз видел их на хроноэкране.

Бывший колдун усмехнулся и поздравил себя с успешным завершением исторической миссии.

Теперь надо убраться подальше от стойбища. Иван нырнул. По дну зашагал на четвереньках.

Через полчаса он вышел на берег. Желая вытряхнуть воду из ушей и одновременно согреться, отчаянно запрыгал. Потом отжал шкуры, борю и помчался к Горе Духов. Видели бы охотники, как лихо бегают воскресший колдун! Но людей поблизости не было и не могло быть.

На горе чуть дымилось вчерашнее кострище. Но разжигать огонь уже нельзя... Иван быстрым шагом направился к «Скале». Нажал кнопку и, не заходя в раскрывшуюся кабину, дотянулся до пульта, переключая капсулу на ручное управление. Теперь можно входить... Закрыв кабину, Янов скинул амуницию колдуна — шкуры, ожерелье, амулеты. С трудом отодрал бороду, парик и биопластиковые наклейки, раствором смыл грим. Голый сел в кресло и включил массаж.

Вокруг Ивана закружились вихри теплого, почти горячего воздуха. Сверху брызнул волновой душ, встряхивающий каждую клетку организма. Иван ворочался в кресле, вздыхая и постанывая от наслаждения. Не хватит, казалось, никаких сил вырваться из этих теплых объятий, из убаюкивающих волн. Но через минуту странник времени приказал себе: «Довольно нежиться». Он оделся в костюм, плотно облегающий тело, напялил комбинезон и вышел наружу.

С горы спускался уже давно знакомыми склонами, свободными от вереска и колючего шиповника. Наверх, в небо, старался не смотреть, знал, что в «Хроносе» с тревогой и недоумением следят за каждым его шагом.

Солнце все выше поднималось к зениту и уже припекало вовсю, почти по-летнему. От земли и сочных трав поднимались горячие испарения, дрожал воздух. Все реже слышались птичьи песни — саванна готовилась к полуденному зною.

Вспотевший от быстрой ходьбы Иван выбрался из низины с негустым ивняком и поднялся на сухой пригорок, чтобы передохнуть и осмотреться. И вздрогнул: совсем близко, в сотне шагов, увидел то самое место, где три дня назад буйствовал носорог. Страшась узнать правду, Иван медлил, стал думать почему-то о полускафандре, который был на Сане.

От полускафандре, конечно, мало что осталось. Он запрограммирован так, чтобы, лишившись биополя живого организма, быстро истлеть, распастись на составлявшие его элементы. Ничего, никаких следов будущего не должно сохраниться в древней степи. Но сам человеческий организм на это не запрограммирован...

Встряхнув головой, Иван побежал. Вот и та самая ложбинка. Раздвигая упругие стебли конопля, овсяга и других злаковых трав, внимательно всматривался под ноги. Вот один дотлевающий кусок полускафандре, в метре от него еще три клочка, а вот почти целиком сохранившийся пояс и... больше ничего! Как ни всматривался — вокруг ничего больше не было!

На Ивана вдруг нахлынуло такое облегчение, что, обессилев, он сел на траву: жив! Хруст, который он слышал с хроноэкрана, не был хрустом костей. Трещал каркас полускафандре.

Вслед за облегчением поднималось какое-то странное, радостно-мстительное чувство. Иван даже потер руки от злого удовольствия: ну, погоди, милый братишка, я тебе задам взбучку! Ты у меня попляшешь!

Оставалось лишь отыскать беглеца. Сначала Иван решил исследовать заросли ивняка и вербы. В плотную стену кустарника проник по следам носорога. Тот проложил здесь широкий коридор, кое-где сохранились наполненные водой вмятины от чудовищных лап. Особенно много следов вокруг тополя. Иван осмотрел его могучий старый ствол, покрытый многочисленными

дуплами и наростами. По ним нетрудно добраться до ветвей даже в полускафандре, что и сделал, вероятно, Саня. Оттуда, как догадывался Иван, он и сбросил полускафандр на растерзанное расщепившему зверю. Сейчас там Сани, конечно, нет. На всякий случай Иван, глядя вверх, обошел вокруг дерева. Сквозь шелестящую листву пробивались тоненькие лезвия солнечных лучей, кое-где темнели гнезда с горластыми птенцами.

Из кустарника Иван вышел уже на другом берегу Круглого озера. И здесь ему сразу повезло: на небольшой песчаной отмели обнаружил рубчатые следы эйлоновых кед — мягкой, но прочной и обогревающей обуви космопроходцев. На Иване сейчас, под комбинезоном, были такие же кеды.

Следы вели в сторону Дубовой рощи, зеленевшей в полукилометре от озера. По характеру следов можно догадаться — Саня не шел, а бежал, стараясь поскорее проскочить открытое пространство и укрыться от всевидящего хроноглаза.

Роща — отличное укрытие от крупных хищников и людей, она опоясалась болотистыми низинами с труднопроходимым ельником и колючим кустарником. Восемь лет назад Иван уже бродил в этих зарослях, приходя в себя после хроношока. Но тогда царил осенняя тишина, а сейчас стоило Ивану войти, как встревоженные птицы подняли невообразимый гвалт.

Иван с трудом выбрался из цепких зарослей, миновал редкий сосняк и ступил на поляну с низкорослой травой и царственным дубом посередине. Взглянул вверх, ничего не заметил в зеленом океане листвы. Но Саня наверняка там: внизу еле приметные следы кед. Здесь же — сочные стебли, кучка продолговатых листьев какой-то съедобной травы. Иван пожевал их и ощутил приятно-кисловатый вкус. Щавель! «Роскошный обед, — усмехнулся он. — Этим, видно, и питался...»

Вверху послышался шорох листвы, треск сучьев. Иван отступил, спрятался за кустом. Из ветвей высунулись кеды, потом показался и Саня. Цепляясь за бугорчатые наросты, он спустился вниз и прислонился к стволу. Увидев выступившего из-за куста Ивана, вскрикнул:

— Брат! Ваня!

— Ну и отоцал же ты, Александр, — вместо приветствия проворчал Иван и протянул Сане галету с тонирующими веществами. — Сначала подкрепись, а потом уже я тебе устрою сцену под дубом!

Саня откусил большой кусок и попытался проглотить его целиком. Поперхнувшись, закашлялся.

— Не торопись!

Саня начал старательно пережевывать галету. На его исхудавших щеках задвигались желваки.

«Мальчишка. Совсем еще мальчишка!» — с остро кольнувшей жалостью подумал Иван. Однако чувства жалости и всепрощения считал пока неуместными. Когда младший брат проглотил последний кусок, Иван спросил, усмехнувшись:

— Хорошо здесь устроился? Как думаешь дальше жить-поживать?

— Не знаю... — Саня понурил голову. — Хотел погибнуть, чтобы все видели и не искали... А потом... Потом страшно стало. Не помню, как очутился на дереве. Вынырнул из скафандра... Видел, как носорог топчет его. Думал, что искать меня не станут. Все же видели сверху, как я погиб... Испугался я в последний момент. Понимаешь? Испугался! — Глядя на старшего брата, тихо спросил: — Я трус?

— В основном ты дурак, — хмуро заверил Иван.

На губах Сани невольно дрогнула улыбка.

— Не улыбайся! — повысил голос Иван. — Вернемся, я уже ругать не буду. Бить буду! Вот только вернемся домой.

— Домой? — Мигом вспомнив, где он и почему здесь очутился, Саня в ужасе заметался по полюне. — Домой? Нет мне там места. Нигде нет!

— Прекрати истерику! Не суетись!

Голос Ивана зазвенел такой жесткой, сковывающей чужую волю силой, что Саня послушно сел на траву и потерянно смотрел на старшего брата. Таким он Ивана еще не видел. А тот сел напротив, с неприкрытой досадой заговорил:

— Ну и чудак же ты, Александр! Дома ему, видите ли, места нет. Тоже мне — талант, одолеваемый комплексами неполноценности! Но о таланте позже. Сначала о трусости. Пожалуй, что и трус... Жалкий и постыдный! И вот почему.

Иван рассказал, как тяжело переживает его побег Зина.

— По-моему, она питает к тебе чувства более нежные, чем дружба. Да и ты, как я заметил, неравнодушен к ней. И вот этот галантный кавалер, — Иван усмехнулся, — вместо того, чтобы объяснить, трусливо сбежал. Позор!

Саня смутился и, желая переменить тему, спросил:

— А Юджин?

Иван нахмурился.

— С Юджином ты поступил еще более безобразно. В твоём присутствии он душевно подтягивался, старался не отставать, брал с твоего трудолюбия пример. А теперь... Он познакомился с людьми, ведущими рассеянный образ жизни, и уже отправился с ними в годовой туристский круиз.

— В годовой! — воскликнул Саня. — А потом... Потом в бессрочный!

В своем воображении он вдруг ярко, до мельчайших подробностей увидел уютный салон

транспланетного лайнера. Увидел и Юджина, мягко развалившегося в кресле. Он ведет пустой разговор с попутчиками — «туристами» и предпочитает беззаботное времяпрепровождение в отелях Марса и Ганимеда, охотничьи приключения в джунглях Луны... Сане стало так обидно и страшно за своего друга, что он в волнении воскликнул:

— Так что же вы? Его же спасти надо!

— Надо, — согласился Иван. — А кто спасать будет? Я? Не имею с ним профессиональных контактов. Денис Кольцов? У того и своих забот хватает, да и стар он. Своим лучшим другом Юджин считал тебя. И этот лучший друг предал его. Да, да! Не смотри на меня испуганно. Ты трус и предатель, сбежавший от своих обязанностей перед друзьями!

Иван понимал, что, пожалуй, хватил через край. Но остановиться уже не мог и с каким-то мстительным наслаждением («Так тебе!» — думал он) бил по самому обостренному чувству Сани — чувству долга. Словами «эгоизм», «трусость», «обязанность», «долг» он буквально хлестал Саню, щеки которого покраснели, как от пощечин. Саня затравленно, со слезами на глазах смотрел на старшего брата.

«Кажется, хватит», — смягчился Иван и уже другим тоном продолжал:

— Наконец, о главном. О долге перед всеми людьми. Талант твой — не только твоя собственность, это достояние всего общества, воспитавшего тебя. А у тебя редкий талант, в чем никто не сомневается, кроме самого художника. Доказательства? Да хотя бы успех картины «Свет и тьма» на всемирной выставке!

— «Свет и тьма!» — изумился Саня. — На выставке в Венеции! Но откуда она взялась?

— Афанасий успел снять молекулярную копию... Как видишь, даже он оказался умнее тебя! Он же показал твою лучшую картину. Ты почему скрывал «Полонез»? Ах, не придавал значения! Считал непонятной!.. Да в уме ли ты? Знаешь ли, какое впечатление она произвела на Дениса Кольцова, на живописцев, на весь художественный совет? В порядке редкого исключения она сразу же представлена в Солнечную галерею, в «Золотое кольцо». Ты — лауреат «Золотого кольца»!

На лице Сани изумление сменилось недоверием, с засиявшими глазами он тихо спросил:

— Это правда?

— Не знал, что меня лгуном считаешь...

Саня вскочил и заметался, забегал по полюне, от переполнявших его чувств не в состоянии вымолвить ни слова.

— Да я еще не такие картины напишу!

— Это где же? — насмешливо спросил Иван и кивнул в сторону дуба. — Там, что ли? В логове из дубовых листьев? Уютное местечко. Самое подходящее для лауреата!

На иронические выпады брата Саня, казалось, не обращал больше никакого внимания.

— Я понял свою ошибку! — восклицал он. — Понял, может быть, только сейчас! Сдерживал себя, топтал свое я... Писал, как все...

— Невероятно! — Иван театрально всплеснул руками. — Поумнел! Надо же — поумнел!

Лишь короткая улыбка мелькнула на губах Сани.

— Я задумал еще одну картину, — возбужденно говорил он. — Будет называться «Тревога»...

— Ладно, Саня. О картинах поговорим в другом месте. Мы и так загоstimались. Идем, нас там ждут, — Иван показал пальцем в небо. — А то, может, передумаешь? Останешься?

— Не ехидничай! — рассмеялся Саня. — У тебя сегодня что-то плохо получается. Идем!

Братья зашагали в сторону Круглого озера. Прокладывая дорогу, впереди шел Иван. В густом, ошестинившемся колючками кустарнике ему пришлось накинуть на голову прозрачный гермошлем. Легко одетому Сане пришлось бы совсем худо, если бы не брат.

На опушке Саня, обладавший более тонким слухом, предостерегающе поднял палец.

— Слышишь топот? Это табун лошадей. В этом году они поздно вернулись с юга.

— Нам нельзя туда, — тихо сказал Иван.

— Пойдем левее. Там никого не спугнем...

Дорога оказалась не из приятных. Братья обходили наполненные водой ямы и овраги. Перед болотистой низиной остановились.

— Я-то пройду в комбинеzone, — сказал Иван. — А тебя придется посадить на плечи. Превращусь в Урха — доброго духа болот.

— Добрых Урхов не бывает, — весело возрадил Саня.

За болотом до самой Горы Духов простиралась сравнительно сухая равнина с шелковистой травой, редкими рошицами и одиночными деревьями. В тени шумного, говорливого под ветром тополя братья на минуту задержались. Сзади доносился еле слышный плеск воды, всхрапывание лошадей.

— Саванна оживает, — вполголоса говорил Саня. — Скоро вернутся бизоны. У охотников будет богатая добыча.

Через полчаса, уже километрах в двух от Горы Духов, Иван и Саня разговаривали во весь голос, громко смеялись, подталкивали друг друга. Догадывались, что хроноглаз сейчас должен отчаянно мигать, призывая к порядку разгулявшихся странников времени. Но вот братья подняли головы. Искорка хроноглаза горела тихо, спокойно и как будто даже приветливо. Октавиан, видимо, доволен был исходом вылазки Ивана и смотрел на неуместные шалости братьев снисходительно.

— Слушай, Урх! — с улыбкой спросил Саня. — Нет ли у тебя за пазухой еще одной галеты?

— Проголодался? — весело откликнулся Иван. — Есть у меня за пазухой галета. Но мы ее поделим пополам. Я ведь тоже наголодался, пока был...

Чуть было не сказал — «колдуном», но спохватился. «Еще переживать будет! Из-за него же я подвергся этому испытанию. Пусть потом узнает...»

Братья сели на сухой пригорок, спгнув стайку гревшихся на солнце мышей. Поели. Саня, поглядывая на Гору Духов, сказал:

— Опустела гора. Все же жаль старого колдуна. Кто бы мог подумать, что Ленивый Фао способен на такую прыть? Он пожертвовал собой, спасая Гзума!

«Знал бы ты, кто был Ленивым Фао!» — усмехнулся Иван, а вслух отметил:

— А ты, оказывается, неплохо изучил ход событий, прежде чем улепетнуть сюда!

Саванна, милая сердцу Сани родная степь незаметно меняла свой лик. Только что она знойно дремала. Недвижные травы источали горячие ароматы, с басовитым гулом переплывали с цветка на цветок шмели, упоенно трещали кузнечики. И вдруг насекомые, мгновенно исчезнув куда-то, притихли. С легким вздохом шевельнулись верхушки трав, поднялся упругий ветер, и саванна зашелестела, заколыхалась зелеными валами.

— Гроза, — прошептал Саня. — Скоро будет майская гроза.

Наслаждаясь прохладой, Иван закрыл глаза. Шум трав, плескавшихся у подножия холма, показался ему гулом морского прибоя. Вспомнив, какую неизъяснимо-пугающую, мучительную власть имел ветер над Саней, он открыл веки и осторожно скосил глаза на брата. Но нет, не муку выражало его лицо, а радость. Однако странную, задумчиво-печальную и даже горькую радость.

«Эолова арфа», — подумал Иван. Ветер, догадывался он, проникает в глубь души брата, шевеля ее самые затаенные и нежные струны.

— Хорошо здесь, — шумно вздохнул он. — Но нам пора.

Саня послушно шел рядом с братом. Был он задумчив и малоразговорчив. На горе, уже вблизи «Скалы», смущенно признался:

— Одно меня сильно беспокоит. Как люди посмотрят на мой нелепый побег?

— Чудак же ты все-таки! — хмуро бросил Иван, вызвав на губах Сани улыбку. — Закрой глаза и представь, как встретят тебя. Представил? И что же подсказывает тебе твое тощенькое воображение? Да все только рады будут! Никто не осудит тебя не только словом, но и в мыслях своих!

— Все же постоим еще немного, — попросил Саня и показал на сухую сосну, одиноко стоявшую метрах в двадцати от горы. — Посмотрим.

— Посмотрим,— согласился Иван.

Незаметно подкралась лохматая черная туча, обложила все небо. Стало темно, как в сумерках, и очень тихо. Дождя все не было.

В туче сверкнула кривая, как ятаган, упругая молния и с треском впилась в сосну, в ее давно пожелтевшие ветви. Ствол дерева медленно обволакивался спиральками дыма. И вдруг она вспыхнула, как факел, разбрызгивая искры и горящие ветки. Послышался гул пламени, на приотхших холмах и низко висевшей туче заплясали отсветы.

— Здорово! — шепнул Саня.— Прощальная иллюминация...

Но вот по листьям берез защелкали крупные, ртутно тяжелые капли дождя, и братья укрылись в распахнувшемся зеве кабины. «Скала» вновь закрылась и растаяла.

Ветер тысячелетий

На другой день после возвращения братьев Юджин, моментально сбежавший с Ганимеда, взял Саню на Меркурий. Там под исполинским куполом, защищавшим от испепеляющих лучей близкого Солнца, шло строительство нового комплекса института «Гелиос». Саня помогал Юджину в планировке садов и парков, в художественном оформлении интерьеров жилых помещений и лабораторий. Новая работа увлекала. Однако вскоре Саня почувствовал такую тоску по Земле, по ее тихим зорям и шумным ветрам, что Юджин сжалился и отпустил друга.

А на Земле — учеба в «Хроносе», встречи с Денисом Кольцовым в студии.

Но больше всего Сане нравились вечера дома. За ужином братья обменивались новостями, спорили, подтрунивали друг над другом и сообща — над Афанасием. Тот не оставался в долгу: научился отвечать обидчикам вычитанными где-то колкостями и афоризмами. Получалось иногда довольно метко, но чаще всего невпопад.

После ужина Саня с полчаса простаивал за спиной брата в звездном кабинете. Потом поднимался наверх, нажимом кнопки убирал прозрачный купол своей мастерской, и та превращалась в веранду. За перилами ее шелестели верхушки деревьев сада, а с высоты открывались прибайкальские дали. Саня садился за стол и вызывал светокнигу. Читая, то и дело посматривал на горизонт. В один из вечеров дождался своего часа — на западе развевался изумительный по красоте закат.

«Начинается», — с неудовольствием подумал в тот вечер Иван.— Заснет теперь под утро». Но вмешиваться Иван не стал.

В творческой жизни Сани наступал один из редких моментов. Закат для молодого худож-

ника был не только праздником освобожденных красок. Сюда, на веранду, вместе с ветрами и гаснущими лучами солнца врвалось дыхание ушедших веков...

Солнце, покрываясь тускнеющей окалиной, уходило в туман, за зубчатую стену леса. Уходил вместе с ним и Саня, уходил в дальние времена. Странные образы и видения проносились перед ним.

Зябко поеживаясь от ночной прохлады, Саня убежал под другой, непрозрачный купол мастерской. Включив свет и приплясывая от нетерпения, хватался за кисть. Как изобразить на холсте небывалую игру красок и обрывки видений, только что обнаруженных им в пурпуре вечерней зари? Как воплотить в самой современной картине дыхание угасших, как закат, веков?

Решение пришло неожиданно, после того, как Саня совершил две прогулки в одиночестве, что, кстати, весьма не понравилось старшему брату.

— Мечтатель,— иронизировал Иван.— Эолова арфа...

К стыду своему, он завидовал Сане. У того трудно было провести грань между творчеством и жизнью. Саня, казалось бы, просто жил, жил — как все, а в лесу и в поле — просто отдыхал. Он бродил по лугам, и голова у него кружилась от шалфейных, медовых, чайных запахов и... от наплыва невиданных образов и замыслов.

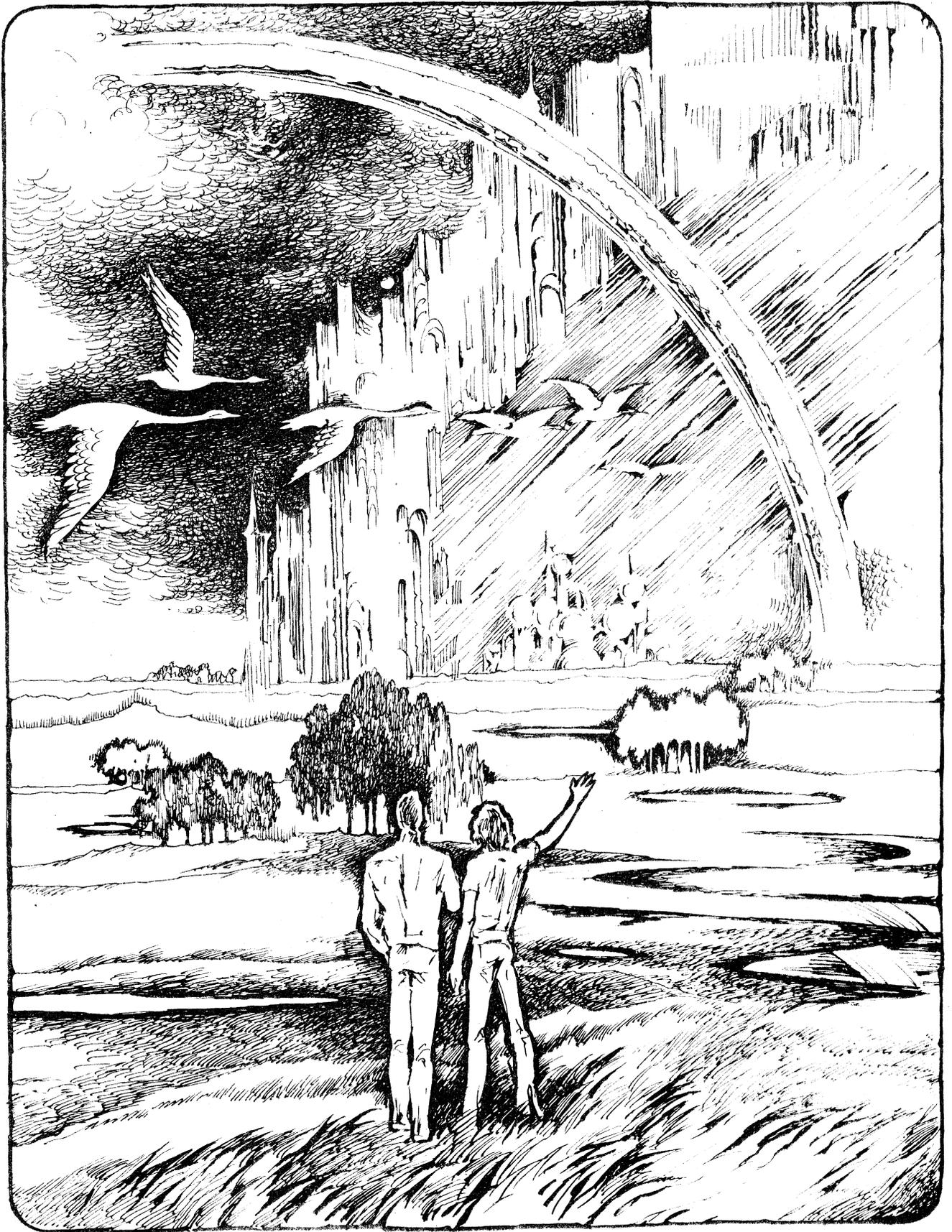
Однажды Сане показалось, что из зыбкого строя видений, из этой радужной пены тумана выплывает нечто доселе невиданное, такое, чего не выразить ни рисунком, ни формой, ни словом, а можно лишь намекнуть звуком, неясной музыкой. И что-то внешнее, степное служило этому толчком и началом. Но что? Не запахи же? И вдруг, вздрогнув, понял: ветер!

Саня садился на пригорок спиной к городу-паруснику и смотрел, как травы, набегаая друг на друга, катились шелковистыми валами. Потом закрывал глаза и слушал. Если раньше ветер терзал его душу, то сейчас он нес отраду. Но странную, мучительно-сладкую, творчески ненасытную отраду. Чувство более властное, чем тоска по родине, овладевало им — тоска по прекрасному, ностальгия по невиданной красоте.

В песнях ветра Саня слышал теперь не только шорохи родной саванны, но и гул всех отшумевших веков — звон мечей в битве на Каталаунских полях, топот конницы Буденного и многое, многое другое. И что-то значительное, емкое, огромное вставало перед ним. Это огромное хотелось воплотить в одном образе, в одной картине и назвать ее... «Ветер времени»!

Саня даже вскочил на ноги от волнения, от предчувствия нового, неслыханного замысла.

Домой он вернулся счастливо оживленным. Но Иван встретил его мрачным молчанием: оби-

жался на то, что не приглашает с собой, не делится настроениями и мыслями.

Саня видел, что старший брат понемногу становится знаменитым «колючим Иваном». Юноша знал, брат будет долго дуться на него, иронизировать, сыпать язвительными замечаниями.

«Еж», — улыбался Саня. Желая загладить свою вину, он через несколько дней за завтраком позвал брата в поле, в пампасы гравитонного века.

— Некогда, — угрюмо отговаривался Иван.

— Ты не разгибаешь спины над своими вычислениями, — не отставал Саня и в отместку за прежние колкости съязвил: — В математической пустыне ты высох и скрючился, как знак интеграла.

— Не остри, — отмахивался Иван, но в конце концов сдался. — Разве что посмотреть твои пампасы...

Братья отправились в путь и через час приземлились на пригорке, где их обступили Зина, Юджин, Денис Кольцов и его шумные ученики. В первые минуты Иван не успел как следует оглядеться. Но вот Саня отвел его в сторону и показал рукой: смотри.

Давным-давно, когда еще не знали синтеза белка, здесь, видимо, волнами колыхалась пшеница. А сейчас — безбрежное холмистое море асильков с белопенными, как буруны, островками ромашек. Вдали, заштрихованные знойным маревом, голубели рощи.

— Ну как? — спросил Саня.

Иван хмуро взглянул на растिलाющиеся дали.

— Красиво, как сказал бы наш Афанасий.

— Не туда смотришь! — рассмеялся Саня. — Взгляни сначала налево, на юг, а потом направо.

Слева парил город Калуга. Он сливался с окружающим пейзажем, придавая ему странное очарование. Справа, далеко на севере, высился еще один город. Чудо гравитехники, он походил на исполинскую триумфальную арку, сотканную из мерцающего света. «Москва! — сообразил Иван и, взглянув на вольно раскинувшиеся внизу луга и рощи, внутренне согласился с Саней: — И в самом деле пампасы гравитонного века...»

— Самое замечательное в том, — говорил Саня, словно угадав мысли брата, — что вся гравитехника естественно, не нарушая гармонии, вписывается в древние степи и леса. Москва меж грозových туч, наверное, не отличается от редкого по красоте погодного явления, она и сейчас смотрится, как радуга на картине Куинджи. Или взгляни в небо! Не сразу скажешь, летят ли там настоящие, живые лебеди или это группа отдыхающих на летательных аппаратах. Вот эту естественность и гармонию нашего века я хочу показать в новой картине. А назову ее...

Саня вдруг замолк, осененный какой-то догадкой. Потом, размахивая руками, заговорил с возрастающим воодушевлением.

— Нашел!.. Я нашел зримую основу для будущей картины! На полотне, предположим, ты увидишь всего лишь вот эту степь. В ней то солнце печет, то гуляют веселые грозы и свистящие ливни...

— Изящно говоришь, — съехидничал Иван. — Красиво!

— Не перебивай и не язви, — рассмеялся Саня. — Да, ты увидишь природу, не подавленную человеком, а эстетически им облагороженную. Все эти «лебеди», летящие в чистом небе, города-парусники и семицветные радуги будут ее естественным, гармоничным продолжением. Но это лишь видимая, зримая основа картины. Главное в ней — ветер, его многозвучная музыка. Как передать ее? Еще не знаю. Скорее всего, через особое настроение зрителя. Он должен услышать в ветре дыхание отшумевших веков — голоса рабов, строящих Парфенон, звон битвы на Каталаунских полях, скрип скифских повозок... Труд и жертвы предков лежат в фундаменте нашего века. Пампасы гравитонного века — это венец предшествующей истории. Зритель должен почувствовать это. Он будет видеть на картине свои города-радуги и нетронутые луга, а слышать во всем этом — песни древнего ветра, дующего из-за горизонта, и гул тысячелетий...

После обеда Иван наблюдал, как действует «полевой филиал» студии Кольцова. По заданию учителя художники рисовали портрет Зины.

«До чего хитер», — восхищался Иван Кольцовым, выбравшим в натурщицы именно Зину. Посмеиваясь над художниками, она смотрела на них с забавными ужимками. Потом становилась серьезной, долго и задумчиво глядела в степь, грусть затуманивала ее лицо. Но печаль исчезала, и легкая улыбка трогала ее губы. Вот и попробуй тут уловить отблески чувств и переливы настроений!

Художники хмурились и, вытирая пот со лба, поругивали Зину, уверяли, что натурщица из нее никудышная. На это старый учитель с усмешкой возражал, что никудышных натурщиц не бывает, а бывают никудышные художники.

Иван улыбнулся и, понаблюдав немного за работой Сани, решил прогуляться.

Переходя вброд речку, заметил поодаль широкую излучину. Там величаво плавали гигантские птицы-«лебеди». Увидев человека, они дружно повернули головы в ожидании команды.

На другом берегу Иван выбрался из зарослей черемухи и зашагал в синие васильковые просторы. Шел долго, ни о чем не думая, прислушиваясь к шорохам трав и пению жаворонков. На одном из холмов обернулся и увидел, что художники разбрелись кто куда.

Далеко в стороне Иван заметил белокурую голову брата. Саня шел и, наверное, размышлял над своей будущей картиной.

И снова Ивана кольнула легкая зависть: Саня погружался в свою сладкую творческую жизнь. Иван, впрочем, тут же одернул себя: сладкую?! Нет, милый братишка, сладенькой жизни не жди! Впереди у тебя радость и горе, взлеты и падения. Ведь счастье — в том числе и счастье творчества — вовсе не в моментальном исполнении любого желания, любого замысла. Как ни парадоксально, но счастье — это мука, постоянное недовольство собой и вечная тревога.

Иван накинул на нос пенсне-бинокляр, чтобы разглядеть лицо брата. Саня шагал в степь, где пели птицы, где между облаками неугасимой радугой светился город. Он шел и улыбался... Его волосы развевались, под ногами качались и шумели травы — древние и вечно юные травы... Иван мысленно попытался проникнуть в его душевный мир, сжиться с его чувствами и переживаниями. Сейчас Саня, наверное, слушал. Только слушал... И, наверное, нечто далекое, радостное и мучительное теснило ему грудь, сжимало сердце — ветер тысячелетий пел в его ушах...

● НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ ● НОВИНКИ

Как и в прошлые годы (см. «Уральский следопыт», 1979, № 4; 1980, № 9; 1981, № 7), информируем читателей о новых изданиях фантастики. К сведению книголюбов: в распоряжении редакции книг нет, их рассылкой мы не занимаемся. Не располагаем мы и информацией о магазинах, которые высылали бы фантастику по почте.

Сергей АБРАМОВ. ДВОЕ ПОД ОДНИМ ЗОНТОМ. Апрельская сказка. М., «Правда», 1981, 48 стр. (Б-ка «Огонек»).

Валерий АЛЕКСЕЕВ. РАЗНОЦВЕТНЫЕ КОНТИНЕНТЫ. Повести. М., «Детская литература», 1981, 144 стр.

В книгу вошли повести «Остров Гаранты» и «Проект АУ».

Евгений ВОЙСКУНСКИЙ, Исай ЛУКОДЬЯНОВ. ЧЕРНЫЙ СТОЛБ. Повести. Баку, «Гянджлик», 1981, 178 стр.

Помимо заглавной, в сборнике помещена «Повесть об океане и королевском кухаре».

Север ГАНСОВСКИЙ. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СДЕЛАЛ БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ. Повести и рассказы. М., «Молодая гвардия», 1981, 302 стр.

В книгу включены повести «Башня», «Часть этого мира» и рассказы.

Юрий ГРЕКОВ. ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ... Сказка для взрослых. Кишинев, «Литература артистка», 1981, 303 стр.

Дмитрий ДЕ-СПИЛЛЕР. ПОЮЩИЕ СКАЛЫ. Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1981, 207 стр.

ЗВЕЗДНАЯ ГАВАНЬ. Сборник повестей. М., «Молодая гвардия», 1981, 303 стр.

Сборник составили давно не переиздававшаяся повесть А. Громовой «Глеги», рассказ В. Григорьева «Образца 1919-го», повести В. Михановского, В. Фалеева, Т. Маляка.

Александр КАЗАНЦЕВ. ЛЬДЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. Роман, рассказ, повесть. М., «Молодая гвардия», 1981, 542 стр.

Помимо переработанного варианта романа, давшего название книге, в нее включены рассказ «Взрыв» и автобиографическая повесть «Пунктир воспоминаний».

Нина КАТЕРЛИ. ОКНО. Рассказы. Л., «Советский писатель», 1981, 256 стр.

Олег КОРАБЕЛЬНИКОВ. БАШНЯ ПТИЦ. Повесть и рассказы. Красноярск, Книжное изд-во, 1981, 168 стр.

Ольга ЛАРИОНОВА. СКАЗКА КОРОЛЕЙ. Повести и рассказы. Л., Лениздат, 1981, 288 стр.

Кроме печатавшейся в нашем журнале «Сказки королей», в книгу вошли повести «Кольцо Фэрнсуортов», «Картель» и рассказы.

МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ. Сборник повестей и рассказов. М., «Детская литература», 1981, 638 стр.

В сборнике помещены повести Ф. Дымова «Аленкин астероид», В. Санина «Приключения Лана и Поуна» (печаталась в нашем журнале), Д. Евдокимова «Ищите нас в космосе», Л. Треера «Вермудский четырехугольник», П. Амнуэля «Капли звездного света», рассказы К. Сиомьяна, В. Шитика, А. Щербаккова и других авторов.

НФ. Сборник научной фантастики. М., «Знание», 1981, вып. 24, 239 стр.; вып. 25, 200 стр.

В очередных выпусках сборника — повести К. Булычева «Похищение чародея», Г. Прашкевича «Соавтор», печатавшаяся в нашем журнале повесть В. Колупаева «Толстак» над миром», киносценарий А. и Б. Стругацких «Машина желаний», рассказы отечественных и зарубежных авторов, публицистика, информационные материалы.

Дмитрий ОЛЬЧЕНКО. ПРОДЕЛКИ ЛЕСОВИКА. — ЗА ГОЛУБЫМ ПОРОГКОМ ТАЙНЫ. Повести. Кишинев, «Литература артистка», 1981, 349 стр.

Владимир ОРЛОВ. АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ. Роман. М., «Советский писатель», 1981, 463 стр.

Леонид ПНАСЕНКО. САДОВНИКИ

СОЛНЦА. Роман и рассказы. Днепропетровск, «Промінь», 1981, 286 стр.

Одним из эпизодов романа, давшего книге название, стал рассказ «Поливит», опубликованный в нашем журнале.

Валерий ПИСКУНОВ. ПРЕОДОЛЕИ ПУСТОТУ. Рассказы. Ростов, Книжное изд-во, 1981, 208 стр.

Владимир РЫБИН. ЗДРАВСТВУИ, ГАЛАКТИКА! Рассказы. М., «Молодая гвардия», 1981, 256 стр.

Сергей СНЕГОВ. ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ. Рассказы и повесть. Калининград, Книжное изд-во, 1981, 534 стр.

Книгу составили повесть «Посол без верительных грамот» и рассказы.

Наталья СОКОЛОВА. ОСТОРОЖНО, ВОЛШЕБНОЕ! Сказка большого города. М., «Советский писатель», 1981, 360 стр.

Юрий ТУЛИЦЫН. ТАЙНА ИНЖЕНЕРА ГРЕЙВСА. Роман и рассказы. Волгоград, Нижне-Волжское книжное изд-во, 1981, 288 стр.

Название книги дал новый роман писателя.

ФАНТАСТИКА-81. Сборник. М., «Молодая гвардия», 1981, 352 стр.

Ходжаикбар ШАЙХОВ. ЗАГАДКА РЕНЭ. Повести и рассказы. Перевод с узбекского. Ташкент, Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1981, 208 стр.

Фантастика печаталась также в сборниках «На суше и на море» (М., «Мысль», 1981), «Океан и человек» (Владивосток, 1981) и «Поиск-81» (Пермь, 1981), в книгах Е. Евтушенко «Точка опоры» (М., «Молодая гвардия», 1981), В. Соколовского «Повести» (Пермь, 1981), Н. Сухановой «Весеннее солнце зимы» (Ростов, 1981).

В минувшем году переиздавались романы А. Беляева, А. Грина, «Сказание о граде Ново-Китеже» М. Зуева-Ордынца, «Плутония» В. Обручева, «Аэлита» А. Толстого; из зарубежной фантастики — романы Ж. Верна, К. Воннегута, А. Конан Дойла, С. Лема, Ж. Рони, Д. Свифта, Г. Уэллса, К. Чапека. Вышли также в переводе на русский язык:

Бен БОВА. ВЛАСТЕЛИНЫ ПОГОДЫ. Сборник произведений. Перевод с англ. М., «Мир», 1981, 399 стр.

Помимо одноименного романа, в книгу включены повесть «Ветры Альтаира» и рассказ «Незначительный протест».

Рэй БРЭДБЕРИ. ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. Сборник. Перевод с англ. М., «Книга», 1981, 240 стр.

Сборник составили повесть «451° по Фаренгейту» и рассказы.

ДОРОГА ВОСПОМИНАНИЙ. Сборник переводов. М., «Мир», 1981, 439 стр.

В книгу вошли рассказы писателей европейского стран.

Артур КЛАРК. ФОНТАНЫ РАЯ. Роман. Перевод с англ. М., «Мир», 1981, 348 стр.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА ЗЕМЛЮ. Американская фантастика. М., «Молодая гвардия», 1981, 399 стр.

Сборник составили опубликованные уже переводы Д. Жукова: повесть Р. Уормера «Пан Сатирус», рассказы А. Азимова, К. Саймака, Г. Гаррисона, Р. Брэдбери, Р. Янга, Р. Шекли.

Из «фантастиковедческой» литературы в течение года вышли:

Евгений БРАНДИС. РЯДОМ С ЖЮЛЕМ ВЕРНОМ. Очерки. Л., «Детская литература», 1981, 222 стр.

Книга насыщена массой новых сведений о жизни и творчестве знаменитого французского фантаста, содержит множество фотониллюстраций.

Виталий БУГРОВ. В ПОИСКАХ ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ. О фантастике всерьез и с улыбкой. Свердловск, Средне-Уральское книжное изд-во, 1981, 224 стр.

Книжку составили очерки и заметки, опубликованные на страницах «Уральского следопыта».

• Грузинский Корчагин

Больничная палата в местечке Данки возле Серпухова. Сюда идут письма со всей страны и из-за рубежа. Адресованы они Алексею Александровичу Чхеидзе — бывшему разведчику, ветерану войны. Корчагинская судьба не позволяет назвать этого героического человека инвалидом войны, хотя на его долю выпали самые тяжкие испытания. После тяжелого ранения остался без рук. Потерял зрение и слух, в последние годы окончательно: ребятам из отряда «Поиск» Данковской средней школы приходится писать ему буквы пальцами на лбу — так они понимают друг друга...

Более тридцати лет мужественный человек с помощью своих юных друзей ведет поиск материалов о разведчиках Дунайской военной флотилии. Подобно Павлу Корчагину, он посвятил свою жизнь делу приобщения молодежи к подвигу своего поколения. В прошлом году в Воениздате вышла книга А. Чхеидзе «Записки разведчика», получившая большое признание среди читателей.

И вот готова новая документальная повесть «Записки дунайского разведчика». Написать ее Алексею Александровичу Чхеидзе снова помогли члены отряда «Поиск» из Данковской школы.

● Следопыт исследует не только прошлое, но и будущее. Реферат девятиклассника 145-й свердловской школы Василия Вохмина, подготовленный для городских чтений, называется «Свердловское метро». В работе школьника рассмотрены проектные решения строительства будущего метро, описаны станции и маршруты, освещены инженерно-геологические, технические, архитектурно-планировочные задачи. Реферат получил оценку «отлично».

● На месте боев за легендарный «Невский пяточок» учащиеся средней школы города Кировска нашли пробитый пулей металлический портсигар, на котором удалось прочесть: «Е. И. Сусахин». Следопыты отправили письмо в село Узиново Московской области, в котором сообщили родным, что красноармеец Сусахин погиб геройской смертью, а не пропал без вести.

● Музей Арктики имени выдающегося полярного исследователя Г. Я. Седова, насчитывающий 1400 экспонатов, есть в 336-й ленинградской школе. Школьники постоянно поддерживают связь с дрейфующими станциями СП-19, СП-25.

● В Зеленоградской средней школе Калининградской области открылся музей «Пушкинская комната». У нового музея тесные связи с родственными музеями в Москве, Ленинграде, Кишиневе, Михайловском.

● Фотографию начальника политотдела 18-й армии Петра Петровича Миркина, считавшегося без вести пропавшим после боя 8 октября 1941 года, следопыты Вершинской 2-й школы в Запорожье получили от его родных. Они обошли всех жителей села и от колхозницы М. И. Брегеда, узнавшей в лицо Миркина, выяснили обстоятельства гибели полкового комиссара: тяжело раненный, он был найден после боя на окраине села и скончался на руках у женщин. Еще одно имя вычеркнуто из списка без вести пропавших.

● Звание народный присвоено музею Озерновской школы в Минской области, в котором собран богатый материал о польском композиторе Станиславе Моношюко, родившемся в этих местах.

● Юных подпольщиков и разведчиков, действовавших во время войны в тихвинских местах, разыскал бывший политрук, а до войны — секретарь Тихвинского райкома комсомола, житель Ухты Александр Васильевич Кретов. По его инициативе была организована встреча в Тихвинской восьмилетней школе № 3.

● Поход в честь 100-летия со дня рождения Г. И. Котовского совершили учащиеся Сампурской средней школы Тамбовской области. Маршрут прошел по местам, где сражалась кавалерийская бригада легендарного полководца.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

ЛЕТОПИСЬ СТРАНЫ

• У истока БАМа

Проект железной дороги, связывающей реки Севера и Сибири, был представлен в Совет Народных Комиссаров в 1918 году. Председатель Совнаркома В. И. Ленин основательно ознакомился с проектом, вопрос о строительстве железной дороги был вынесен на повестку дня заседания, проходившего 4 февраля 1919 года. Совнарком признал предложенный маршрут магистральной приемлемым...

Жизнь внесла свои изменения в трассу будущей дороги. Но многие разработки автора самого первого проекта пригодились в строительстве северных дорог, знаменитого БАМа.

Кто же был этим первым автором?

Художник Александр Алексеевич Борисов. Человек разносторонний, талантливый, увлеченный, он значится в числе самых первых следопытов Севера. Задолго до Шмидта, Русанова, Седова, еще в конце прошлого века, Борисов совершает первое свое путешествие к 77-й параллели. Из этого первого путешествия художник привозит арктические этюды, которыми восхищаются учителя и однокурсники по Академии художеств. Более пятидесяти работ заказывает и покупает для своей галереи П. М. Третьяков. На эти деньги Александр Борисов ставит дом-мастерскую и перевозит его к проливу Маточкин Шар. По специальному проекту строит яхту «Мечта», которой суждено прорваться к Карскому морю. Из второго путешествия Борисов привозит в Петербург ценные метеорологические наблюдения, и снова — картины, картины... Арктические полотна кисти Борисова совершили в свое время триумфальное путешествие по Европе. Одну из них — «Льды» — очень любил Владимир Ильич Ленин. В музее, в Горках, хранится эта картина, очевидно, подаренная автором Ильичу в те давние годы.

На родине Александра Алексеевича Борисова, в Красноборске, есть музей, посвященный его делам, его творчеству. Около шести тысяч экспонатов собрано в нем. Рассказывают они о северных экспедициях художника, которые положили когда-то начало полярным зимовкам и дрейфующим станциям; об его заботах об использовании природных богатств родного края, чему доказательство — открытый шестьдесят лет назад курорт «Солониха», построенный на средства и по проекту Борисова. И о мечте — проложить железную дорогу с Дальнего Востока, которую воплощает сегодняшний БАМ.

• Книгу пишет школа

Школа была готова к операции «Пионерская слава». «Вот только как бы поинтереснее ее провести», — думали ребята. Когда создавалась Всесоюзная пионерская организация, кто стоял у ее истоков, какие славные страницы вписали пионеры в историю страны — это все школьники знали. Но ведь написать надо про это так, чтобы во всей огромной стране Пионерии была и твоя, пусть маленькая, «территория»...

Учителя, напутствуя ребят, вспоминали про свое детство, и каждый, оказываясь, «кем-то» был в пионерах: кто в тимуровцах ходил, кто учебным сектором заведовал

в дружине, кто на фронт посылки собирал... У четвероклассницы Лары Калининой бабушка, как выяснилось, вступила в пионеры в 1929 году, в год первого пионерского слета...

И сделали школьники самое важное открытие: в пионерах были все-все, кто вокруг тебя! Учителя, папы и мамы, бабушки, знакомые семьи...

Вот об этом и стали писать учащиеся школы № 17 Владивостока. Их рукописная книга называется «История пионеров в моей семье».

• Там, где шла битва

Не одна песня сложена про битву под Москвой. Например, эта: «Шел в атаку яростный, сорок первый год, у деревни Крюково погибает взвод...» А Крюково от Зеленограда в четырех километрах.

В 618-й зеленоградской школе даже самые маленькие ученики знают, как стояли насмерть под Москвой советские воины, из каких дивизий — стрелки и танкисты, кавалеристы и летчики. Потому что обо всем этом подробно рассказано в школьном музее. Старые военные документы, гильзы от снарядов, фотографии конников генерала Доватора (есть и такая, где кавалеристы поят коней на Эльбе), даже снимок березы с перебитым во время войны стволом, письма ветеранов — все это наглядно представляет сорок первый год, год жестокой битвы за Москву.

• Вернулся в строй боец

Когда началась война, Федор Мателега, парень из горного села в Закарпатье, был отпущен в пасхальный отпуск. Носил он шинель солдата хористской армии, но в полк свой он не вернулся. Вместе с двумя товарищами двинулся в противоположную сторону — к советской границе. Пришли они в Бузулук, где формировался Первый чехословацкий корпус. Их определили в запасной полк.

Первое боевое крещение принял Федор Мателега в битве на Днестре. Воевал до конца 1943 года, когда родным его в село Лисичево пришло извещение о его гибели. Он и сам считал себя в то время погибшим.

...Их разведку обнаружили фашисты, открыли огонь. Разведчики сумели вынести раненых. Мателега остался на поле боя: он не подавал никаких признаков жизни. Затем — плен, допросы, концлагерь. В 1945 году в Бесарабии освободили военнопленных советские войска.

Война еще шла, и до конца прошел ее по польской и немецкой земле артиллерист Федор Федорович Мателега, был еще дважды ранен. Вернулся домой в апреле 1946 года — по нем уже давно поминки справили...

Через много лет нашла бойца награда — чехословацкий «Военный крест». И через много лет следопыты Белой Церкви на Киевщине внесли исправление в надпись на братской могиле, оставшейся с войны.

**БУЛАТ
ОКУДЖАВА**

Рисунки
В. Чеботарева

Кто не знает эти строчки:

Горит и кружится планета,
Над нашей Родиной дым,—
И значит, нам нужна одна победа,
Одна на всех, мы за цену не постоим.

Песня фронтовых друзей из фильма «Белорусский вокзал» стала ныне воинским маршем. Под этот марш идут на парадах бойцы славной Советской Армии, помня, что им, молодым, доверено хранить и умножать священные ратные традиции их дедов и отцов.

Многие песни Булата Окуджавы рождены памятью о своей фронтовой юности.

Родился Булат Шалавович в 1924 году в Москве, в семье партийного работника. В 1942 году он добровольцем ушел на фронт. Окончил после войны Тбилисский университет. Работал учителем. Начал печататься с 1953 года. И зазвучали вскоре его стихи, его музыка. Автор и исполнитель — он стал дорог миллионам читателей и слушателей. Он выходил на эстраду, и шел доверительный негромкий диалог между ним и гитарой. То мужественный и горький от невозвратимых потерь на войне, то лирически-теплый о всепобеждающей силе добра и любви, то с некой грустинкой — вослед уходящим годам, то проничный, раздумчивый — о смысле бытия.

Коммунист, ветеран войны, вздумчивый художник, Булат Окуджава остро понимает, как много значит мир для Земли, особенно в наш напряженный атомный век, как велико значение непреходящих нравственных ценностей — трудолюбия, самоотверженности, честности.

В произведениях, представленных здесь, читатель найдет и лирику, и те песни, что известны по киноэкрану, и стихи шуточные. А если и взгрустнется поэту, что молодость прошла, все равно прозвучит как утверждение жизни: «...старый солдат, я стою, как в строю».

Время идет

Время идет, хоть шути не шути,
как морская волна — вдруг нахлынет и скроет.
Но погоди, это все впереди,
дай надышаться Москвою.

Видишь тот дом, там не гасят огня,
там друзья меня ждут не больным, не отпетым.
Ну не спеши, как же им без меня,
Можно ль не думать об этом?

Дай мне напиться воды голубой,
придержи до поры и тоску, и усталость.
Ну потерпи, разочтемся с тобой —
я должником не останусь.

Вот как она любит меня

Глаза словно неба осеннего свод,
но нет в этом небе огня.
И давит меня это небо и гнет —
вот так она любит меня.

Прощай, расстаемся, пощады не жди.
Все явственней день ото дня,
что пусто в груди, что темно впереди —
вот так она любит меня.

Ах, мне бы уйти на дорогу свою,
достоинство молча храня,
из, старый солдат, я стою, как в строю.
Вот так она любит меня.

Старинная солдатская песня

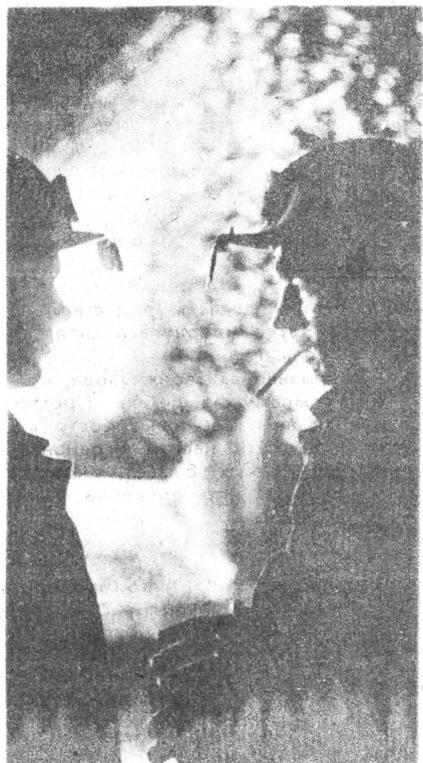
Отшумели песни нашего полка,
отзвенели звонкие копыта.
Пулями пробито днище котелка,
маркитанка юная убита.

Нас осталось мало:
мы да наша боль,
нас немного и врагов немного.
Живы мы покуда,
фронтовая голь,
а погибнем — райская дорога.

Руки на затворе,
голова в тоске.

ЧТО ЗА ПЕРВЫМ

ПЕРЕКРЕСТКОМ?..

Будем считать, что многочисленные письма юных наших читателей присланы прямо с первого перекрестка в жизни. Какого же? Все нормально идет у подростка до 8—9—10 классов. В том смысле, что выбирать ему самому в общем-то ничего не приходится — ни учителей, ни школу (чаще идут в ту, что поближе), ни даже путь до самой школы — с самого первого сентября натоптана туда дорожка. Но вот приходит тревожный и ответственный момент: кем быть?

«И сразу — хор голосов, — пишет Лиля Яковенко из села Бердюжье Тюменской области. — Родители советуют одно, друзья — другое, а сердце подсказывает: будешь только археологом... Кому же верить, кого слушать!..»

Берем на себя смелость утверждать: советы родителей, учителей, друзей, конечно же, уважительны, но пусть последним судьей будет зов мечты. Это — верный компас романтика! Чтобы держаться компаса, нужна воля, смелость и терпение.

Всегда ли хватает этого?

«Меня зовут Людмила Безроднова, работаю в районном узле связи телеграфисткой II класса. А прежде закончила радиотехническую школу ДОСААФ и училище связи в Кирове. Проработала год и чувствую, кончается моя любовь к телеграфу, а зовет меня море...»

И я вспомнила: в четвертом классе мечтала плавать радисткой на судне... Вот и вернулась прежняя моя любовь...»

В признаниях твоих, Люда, одна очень симпатичная деталь. Профессии-то ты не изменяешь, просто, может быть, чуть наскучил районный телеграф? Что ж, бывает такое. Но этот момент и есть проверка верности избранному.

«Прежде всего надо проверить себя — а сможешь ли долгие годы стоять смену у верстака, станка, глотать пыль за баранкой, собирать на себя дожди монтажником, ждать, боясь за урожай, первые ростки на поле. Уметь терпеть, ждать — вот мерило отношения к профессии. Я

буду столяром-краснодеревщиком и изучаю в первую очередь все, связанное с профессией, — условия работы, бытовые перспективы, возможность продвижения по ступенькам мастерства... Подумаете: слишком уж обстоятельно изучаю я будущую профессию. А как же! Выбираю на всю жизнь...»

Последнее замечание Саши Бызова из города Апшеронска показалось нам интересным. Раньше, в переписке, мы говорили: ничего страшного, если кто-то сменил или собирается сменить профессию. Ученые утверждают: к концу нашего столетия мобильность профессий достигнет такой степени, что человек должен будет сменить специальность по крайней мере трижды... Но вот читаем: «Выбираю на всю жизнь...» И таких людей, верных профессии до конца, нам кажется, большинство. Редакция решила: в ответ на очередные письма «на кого, где учиться» дать не просто адреса тех или иных учебных заведений, а рассказать шире, подробнее о профессиях, мастерах.

НЕШТАТНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ЖУРНАЛА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» С ВАШИМИ ПИСЬМАМИ, УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ, ОТПРАВИЛИСЬ В РАЗНЫЕ КОНЦЫ РОССИИ...

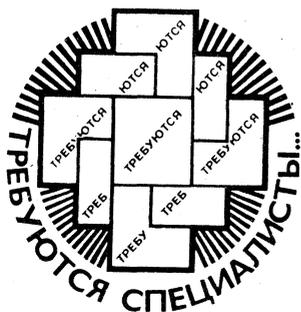
ГОВОРЯТ О ПРОФЕССИЯХ ЖЕНСКИХ

«Дорогой «Следопыт»! Часто слышу: мужские профессии, женские.

А существует или нет чисто женский труд? Если да, то в чем его особенности?

Оля ГРИВЦЕВА,
г. Усть-Каменогорск.

Репортаж из лаборатории возрастной нейропсихологии Научно-исследовательского ин-

ститута детей и подростков (г. Москва) ведет Сергей АЛЕКСАНДРОВ

Профессиями, которые, как выражаются наши читатели, «более к лицу женщине», интересуются также Тая Звонилова (с. Заречье Крымской обл.), Елена Булдакова (г. Усть-Каменогорск Восточно-Казахстанской обл.), Наташа Кочнева (г. Артемовский Свердловской обл.), Валентина Офицерова (с. Желтое Оренбургской обл.), Вера и Люба Игнатьевы, Надя Король (г. Воткинск Удмуртской АССР), Ольга Реко (г. Колпашево Томской обл.), Тая Тарбеева (г. Партизанск Приморского края).

В прошлом веке более половины работающих женщин России были горничными, кухарками, прачками в домах богачей; около четверти батрачили на полях помещиков и кулаков; тринадцать процентов трудились на заводах и фабриках и лишь единицы — 4 женщины из 100 — могли получить место учительницы начальной школы или медицинской сестры.

А вот совсем недавние факты. Восемьдесят девять процентов медиков в нашей стране — женщины. Семьдесят семь процентов работников торговли — женщины. Семьдесят три процента учителей, преподавателей техникумов и вузов — опять-таки женщины.

— Что можно сказать о причинах таких перемены? — говорит моя собеседница, доктор биологических наук, профессор, заведующая лабораторией А. Фарбер. — Сегодня в нашей стране нет формальных и правовых различий между мужчинами и женщинами. Советские женщины учатся в одних учебных заведениях с мужчинами, получают за одинаковую работу равную оплату, имеют право избирать и быть избранными в высшие правительственные органы... Если к концу прошлого века очень и очень многие женщины не умели даже читать и писать, то сегодня они составляют большинство среди специалистов, занимающихся умственным трудом. Женщины — математики и программисты, научные работники и литераторы — вовсе не редкость в наши дни.

Да в том и нет ничего удивительного. Исследования и наших, и зарубежных ученых убедительно доказывают: в умственных способностях девочек и мальчиков, мужчин и женщин нет никакой разницы. В этом же каждый может убедиться на своем собственном опыте: девочки, как правило, даже лучше мальчиков учатся в школе.

— Однако практика показывает, что при обучении в высших учебных заведениях технического профиля, особенно на последних курсах, ког-

да идет изучение специальных дисциплин, студенты оказываются намного восприимчивее студентов. Мужчины легче осваивают разные технические премудрости, их дипломные работы оказываются выполненными на более высоком уровне. То же самое наблюдается, когда молодые специалисты приходят на производство. Ребята как-то проще осваиваются с ритмом заводской жизни, быстрее познают специфику данного предприятия, нежели девушки. Так что технические вузы, видимо, совершенно не случайно оказывают предпочтение абитуриентам мужчинам. Что вы можете сказать по этому поводу, Ребора Ароновна?

— Этот вопрос выходит за пределы тематики работ нашей лаборатории. Поэтому в качестве ответа я могу лишь привести слова специалиста, профессора Здрывы Ивановой, заведующей лабораторией психологии труда Болгарской Академии наук: «Как психолог могу сказать, что определенное соотношение при приеме в высшие учебные заведения диктуется экономическими, а не психологическими соображениями. Есть и биологические ограничители — некоторые профессии больше подходят для мужчин, чем для женщин». От себя хочу добавить, что, действительно, с «железками» лучше работают мужчинам. Вспомните: каменные, бронзовые, железные орудия труда, а потом и первые машины делали мужчины. Работа с металлом вручную, кроме специальных знаний, всегда требовала, и сейчас требует, определенной мускульной силы. Женщины же значительно слабее мужчин физически. Это хорошо видно, скажем, на примере спорта. Легкоатлетические дистанции, горнолыжные трассы у женщин короче. Меньше и вес метательных снарядов — ядра и диска. Есть виды спорта — тяжелая атлетика, борьба, в которых женщины вообще не участвуют. Большие физические нагрузки вредны для женского организма. А ведь женщины, не забывайте, — это настоящие или будущие мамы, от их здоровья во многом зависит и здоровье последующих поколений.

Вот об этих биологических ограничителях и говорит Здрава Иванова.

— Под экономическими соображениями, очевидно, нужно понимать тот факт, что именно женщины берут декретные отпуска, получают больничные листы для ухода за детьми. Все это закономерно, но интересы производств от этого страдают. Да и сама женщина-инженер за время своих отлучек теряет квалификацию. Техника ведь развивается быстро. Женщинам труднее, чем мужчинам, участвовать в разведных и полевых работах, например в геологоразведке.

Я согласен с вами, Ребора Ароновна, что женщин лучше не зани-

мать на тяжелых физических работах, в горячих цехах. Не случайно ПТУ страны не принимают девушек в группы доменщиков, сталеплавильщиков, кузнецов... Нет в СССР женщин-шахтеров и женщин-водолазов. Но позвольте напомнить вам факт из практики тех же водолазных работ. Не столь давно воздух для дыхания водолазов закачивался под воду ручными компрессорами. Так вот, приводное колесо такого компрессора крутили обычно женщины...

— Ну, вращать такое колесо, насколько я понимаю, не очень тяжелая физическая работа. Проворачивалось оно довольно легко. Другое дело, что колесо это нужно было крутить непрерывно все время, пока водолаз находился под водой. Тут главное — выносливость, чувство ответственности за порученное дело, за жизнь человека. А этими качествами женщины обладают в полной мере.

Вспомните рассказ Джека Лондона. Мужчина и женщина бредут по белой безмолвной пустыне. Холод и голод донимают их. И все же женщина находит в себе силы не только выдержать почти до конца тяжелый путь. Умирая от истощения, она оставляет любимому человеку запас пищи для дальнейшей дороги. Этот запас она сделала, отрывая часть от своего более чем скудного пайка!

Женщины также более эмоциональны, чем мужчины. «У, какие плаксы! За косичку дернуть нельзя...» — говорят порою мальчики. А девочки вовсе не плаксы. Они много терпеливее мальчиков переносят физическую боль, но гораздо острее переживают обиды и несправедливость.

Женщины, как говорят психологи, и гораздо контактнее. То есть они быстрее находят общий язык с другими людьми, дружелюбно настроены по отношению к ним. Поэтому я бы рекомендовала девушкам выбирать себе профессии, в которых хороший контакт с окружающими, понимание их, желание быть полезными — основа работы.

— Споры нет, женщины квалифицированно работают во многих отраслях. Например, женщины-водители троллейбусов, трамваев, легковых автомобилей гораздо реже нарушают правила уличного движения и совершают аварии, нежели мужчины. Многие девушки становятся животноводами и полеводцами в своих родных колхозах, работают на станках в заводских цехах. К примеру, недавно мне довелось беседовать с Любой Молодовской и Надей Скачковой — участницами Всесоюзного конкурса лучших по профессиям.

Каждой из них чуть больше двадцати лет, но крупные машиностроительные предприятия Свердловска и Уфы послали на конкурс именно их, лучших своих фрезеровщиц, профессионалов высокого класса.

Более того,— добавляет Ребора Ароновна,— в некоторых областях произошло вытеснение работников работницами. Если в начале нашего века ткачами были исключительно мужчины, то теперь — это женская профессия.

А вот в сфере обслуживания в наши дни намечается обратный сдвиг. Лет десять назад трудно было увидеть официанта или продавца. Сегодня их уже довольно много...

— Так что же получается — разницы между мужской и женской профессиями, за исключением некоторых особо тяжелых работ, практически нет? И кого больше — мужчин или женщин среди представителей данной профессии — определяется социальными условиями, традициями, своеобразной модой...

— Разница все-таки есть,— говорит Р. А. Фарбер.— Как доказали исследования и практика, женщины превосходят мужчин в ловкости и точности мелких движений. Конечно, я не хочу сказать, что мужчины совершенно не способны к работе, скажем, в той же часовой промышленности. Но, как показывает опыт, в подавляющем большинстве мужчины не могут собирать часовые механизмы на конвейере с той быстротой и тщательностью, как это делают женщины. Медленнее вяжут они и ткацкие узлы. Примерно те же явления наблюдаются и при лоточном производстве радиоэлектронных микросхем. На квадратном сантиметре такой схемы размещается до 10 000 элементов. Одно неточное движение — и вся работа насмарку!.. Женщин в таких случаях, видимо, выручает тысячелетняя привычка к шитью, вязанию и прочему рукоделию.

— Значит, правильно сказал поэт: «Пусть женщина женщиной будет...»

— А мужчина — мужчиной. И каждый пусть работает там, где он или она могут принести максимальную пользу обществу, где их силы, ум, способности могут быть использованы с наибольшей отдачей.

ДЕРЕВЕНСКИЕ ВСТРЕЧИ

«Уважаемая редакция! Мы много читаем о профессиях механизатора, комбайнера, хлебороба. Правильно, они важные, на них стоит село... Но интересно было бы почитать и о дру-

гих, не очень громких профессиях — повара, водовоз, конюх...

*Юрий РОМИН,
с. Большая Малышка
Северо-Казахстанской области».*

О сельских профессиях просили рассказать Лена Пиляева (с. Надеждино Горьковской обл.), Ирина Фролова (г. Коркино Челябинской обл.), Елена Воробьева (г. Темрюк Краснодарского края), Марина Косолюбова (п. Адрастан Таджикской ССР), Галя Отикова (г. Кудымкар Пермской обл.), Таня Романюк (п. Беличан Магаданской обл.).

Репортаж с хлебной нивы ведет журналист Николай СЕНЧЕВ

...Нужно хлебнуть холодного дождя вперемежку со снегом и бодрствовать наравне с механизаторами сутки напролет, чтобы под утро, принимая из рук повара чашку с дымящимся супом, ощутить спокойную радость бытия; в жаркий полдень мерить загонки от комбайна к комбайну, сопротивляясь нарастающему приступу жажды, и вдруг в удивлении застыть перед выкатившейся из-за горы повозкой с бочкой родниковой воды. Нужно прийти голодным в совхозную столовку, стать в нетерпеливую очередь и, обоняя запах пухлого, рассеченного на ломти каравая, с благодарностью подумывать о человеке, сотворившем этот хлеб.

Технический прогресс в сельском производстве изменил характер земледельческого труда. Пожалуй, нет сейчас отрасли на селе, которой не коснулись бы механизация и механизация. Только в одной Свердловской области сельскохозяйственной техники насчитывается не менее 30 тысяч единиц. Но есть в деревне и такие службы, которые полностью или почти полностью зависят от человеческих рук. О их работе судят не по вспаханым гектарам и намолоченным центнерам зерна, а по настроению людей.

1. Та же мучка, да другая ручка

В полдень, как заведено, механизаторы совхоза «Манчажский» Артинского района собрались на обед. Людей было много, и некоторые в ожидании очереди подходили к лотку с хлебом, брали по три-четыре ломтя и неторопливо, как пирожное, ели.

Один тракторист (видел это соб-

ственными глазами) умял целый каравай и, придвинувшись к раздаче, взял лишь стакан сметаны и снова хлеба — «на верхосытку»...

Хлеб в Манчаже с одинаковым удовольствием едят всухомятку и вприкуску — с борщом, сметаной, чаем. Хлеб, как подарок, берут с собой, едучи в гости.

Словом, во всех случаях и всегда хорош манчажский хлеб. Поэтому «конный ли, пеший ли», доведись завернуть в Манчаж, не минуешь магазин, где торгуют прославленными пшеничными булками.

Нечто подобное я наблюдал в старинном селе Быньги, что расположено в трех километрах от Невьянска. Как за дефицитным товаром, приезжие выстраивались в очередь у хлебного прилавка. Запашистый, с пупырчатой розовато-коричневой корочкой пшеничный кругляш привез и я однажды в дом. Сынишка съел его в один присест, не оставив и крошки. Вот такой хлеб...

Вспоминается и другое. В Ачитском районе в столовой совхоза «Русско-Потамский» в общем-то неплохой обед мы закусывали таким хлебом, о котором в народе говорят: ни на погляд, ни на еду. Серый и сырой, как оконная замазка, он годился разве что на клеп. Хлеб этот, между прочим, стряпают в райцентре, где пекарня оснащена современным оборудованием и обеспечена полным штатом работников.

Грустно шутят люди о красноуфимском хлебе: есть в городе два завода — один выпускает кирпич-сырец, другой — хлеб-сырец, между собой они активно соревнуются.

Давайте зададимся вопросом: почему из одной и той же муки при отработанной, многократно испытанной технологии выпекается разный по качеству хлеб? Не права ли здесь русская пословица: «Та же мучка, да другая ручка?»

Что касается манчажской пекарни, то так оно и есть: золотые руки хлебопеков делают здесь чудеса. Двадцать один год назад Анну Спиридонову Чукуреву назначили заведующей пекарней. Временно, до той поры, пока не подвернется «подходящий человек». Счастье манчажцев и обитателей соседних деревень, что «подходящий человек» так и не подвернулся. Анна Спиридонова, как теперь ясно всем, на своем месте. Орден Трудового Красного Знамени, которым правительство наградило ее в 1974 году, убедительно подтверждает это.

Не искушенный в пекарских делах, спрашиваю у Анны Спиридоновны: в чем дело, почему получается такой удачный хлеб?

— Секрет фирмы. Разглашению не подлежит, — лукаво говорит заведующая и тут же предлагает: — Посмотрите за окно, какая погода?

Погода как погода, к какой уже

привыкли: бегут по небу пегие барашки, грозят сыпануть дождем, а то и снегом. Но какое отношение имеет это к пекарне?

— На похолодание тянет,— говорит Чукреева.— Значит, под опару водичку потеплее надо ставить, дрожжей подбавить, чтобы подъем выше был. Мучицей не забывать присыпать ее, а то тепло убежит... О дрожжах тоже надо помнить. Например, за московскими глаз да глаз нужен. Они нежные, чуть проморгаешь — и закисли. Тогда и тесто «рвать» будет, и корка выйдет толстенная. Передержать или недодержать хлеб в печи одинаково худо. Вынешь буханку, сожмешь ее и слушаешь: если «пищит» он, значит, уже готов, вынимать всю партию надо; если молчит, не дошел, значит, пусть посидит...

Вот такие «секреты фирмы». Знают ли об этих профессиональных тонкостях другие пекари, например, красноуфимские, артинские, ачитские? — Как не должны знать? Обязаны! Ведь среди них есть даже мастера-технологи.

Думаю, не поврежу маршрутам профориентации, если посоветую: съездите в Манчжэ и посмотрите, как работают Анна Спиридоновна Чукреева, Любовь Степановна Кулешова, Зоя Лаврентьевна Чернова и другие женщины. Заодно отведайте хлеб. Как вкусен он!

2. «Любимая весть, как позовут есть...»

Комбайнеры докашивали загонку и собирались перебраться на другую, когда с полевого стана, разбитого близ леска, замигала фара.

— Кажись, повар приехал,— сказал кто-то. И сразу посыпались шуточки, радостные возгласы. «Ох, любимая весть, как позовут есть»,— говорил один. Другой со смехом отзывался: «Была бы беда, если бы не еда».

Группками и поодиночке комбайнеры совхоза «Заря» Ачитского района стекались к вагончику, где повар Надежда Ботова уже накрывала стол.

Самые изголодавшиеся уселись первыми. Пока Надя разбирала посуду и прикидывала, на сколько едоков рассчитывать, механизаторы завели старый нескончаемый разговор о том, управятся ли к утру с этим полем, хорош ли будет осипка или нет, и не притянет ли западный ветер всем надоевшие дожди. Только здесь, в вагончике, где в железной печке пели дрова и где остро пахло свежеспеченным хлебом, комбайнеры почувствовали, как холодна и ветрена ночь.

— Все, мужики! Сигареты прочь. Навались к столу,— вдруг скомандовала Надя и при этом корочко приstukнула черпачком.

Ночной ужин был щедрым. Шницели, по два в каждую чашку, еще дышали жаром кухни и были непомерно величины. Комбайнеры, смертельно уставшие, разобрали чашки, хлеб, ложки. И как ни крепок был голод, кто-то застыл в дремоте, так и не осилив свою порцию. И тогда заводила речь повара.

— Степаныч, видно, как работаешь, так и ешь. Давай, поднажми,— тормошила она механизатора, и тут же, через плечо, выговаривала другому:

— Мало намолотил сегодня, скажу твоей, чтобы домой не пускала...

— Ты чего, Кондратьич, сметану не доел,— не умолкала ни на секунду Надя.— Ну-ка, дай я песочку подсыплю, слаще будет...

Все шумней и веселей в вагончике. «Отстрелявшиеся» уступали место другим и, перехватив две-три сигаретных затяжки, уходили в ночь — к комбайнам.

Никто не заметил, как уехала повариха. А она, видимо, как и комбайнеры, эту ночь провела без сна. Ей надо было приготовить завтрак.

3. Двоечников не любят

Теплый, сдобренный запахом запревающего сена воздух охватил нас разом, и стужа осталась по ту сторону ворот. До слуха донеслись тихое ржание, перестук копыт и голос конюха: «Ну-ну, чертяка, не балуй».

Только теперь я понял возбужденное состояние Ивана Петровича Дробота. Он крупно шагал чуть впереди меня и рукой, в которой была стиснута мерлушковая шапка, отбивал так своим словам:

— Дончака, надеюсь, сразу определите. Он в белых чулках, на лбу звезда, в бабках тонок. Есть тяжеловоз. Круп, как печка, хоть постель стели. А стригунки, стригунки-то какие! Мы их кучкой держим, они беззлобны, игрзют, как дети...

Жеребята, сведенные в одни ясли, озорно пританцовывали и, завидя новых людей, разом, прищипывая губами, сунулись к протянутой руке.

— Без сахара не признают,— вмешался конюх.— Мы им потачку лишку дали. Так без сахара и не подходи.

С этими словами конюх порылся в кармане фуфайки и вытащил несколько конфет-подушечек. Миг — и жеребята слизнули их.

Кони — особая гордость тружеников колхоза имени Свердлова Сысертского района. Неспроста, рассказывая о хозяйских делах, начальник цеха животноводства Иван Петрович Дробот непременно вспомнит, как в праздник борозды колхозные рысаки обставили бородулинских.

Можно подумать, что колхоз содержит коней удовольствия ради: роскошные выезды цугом, верховые скачки и прочее. Совсем не так. В хозяйстве умеют считать копейку и, прежде чем заводить коней, прикинули, какую они сулят выгоду. Учили, что лошадь незаменима, экономична при внутривладельческих перевозках. В самом деле, за мешком цемента, например, разумнее направить конную повозку, чем гнать трактор.

Более сотни лошадей в колхозе имени Свердлова. Кони работают старательно: на них возят корма, они ходят под седлом. Кони украшают любой сельский праздник: у кого не дрогнет сердце, когда мимо в стремительном беге пролетит запряженный в легкую качалку иноходец.

Содержание, уход за лошадьми поставлены в колхозе на профессиональную основу. Здесь заботятся о сохранении чистой породы скакунов, тяжеловозов, рысаков...

Есть у правления колхоза одна задумка — организовать у себя конноспортивный клуб. Желающих уже сейчас хоть отбавляй. Но чтобы клуб начал действовать, требуется помощь и поддержка спортивных организаций Свердловска и ДОСААФ.

В тесном коридорчике меж яслей, уже на выходе, мы столкнулись с подростком, который, судя по его виду, чувствовал себя хозяином. Он таскал навильник сена и, как ни тяжело ему было, сохранял на своем лице озабоченную деловую мину. При виде Дробота парнишка сник, а Иван Петрович, в свою очередь, грозно, но через улыбку, спросил:

— Чей будешь?

— Щипачев я, Олег.

— Здашь корму, зайдешь ко мне. Пропуск выпишу.

Олег, обрадованный, что наконец-то получил «допуск», легко вскинул охапку сена.

И уже вдогонку девятикласснику Дробот с намеренным запозданием крикнул: «Но вначале посмотрю дневник. Мои кони двоечников не любят...»

4. Водовоз Сиринов

День был нежаркий, и подчас, когда напыльвали тучи и одновременно зыгрывал ветер, становилось уютно, как осенью. Но то один, то другой механизатор притормаживали

комбайн или трактор, взбирались на кабину, вскидывали ладонь ко лбу и внимательно вглядывались: не пылит ли водовоз? Его ждали с утра, хотя бочка с водой, не опорожненная и наполовину, стояла тут же — на широком прокосе у плотной стены сочно зеленеющих однолетних трав. Вода, завезенная с вечера, «огрубела»: она впитала в себя дух старой деревянной бочки, потеряла холодок глубинных ключей, стала безвкусной и вялой. Такой водой механизаторы обычно заливают только радиаторы.

Упряжка из двух шустрых раскормленных меринков неожиданно появилась из-за перелеска и, повторяя плавные изгибы полевой дороги, выкатилась на прокос. Александр Михайлович Сиринов не спеша перепряг коней и отошел в сторонку, словно давая простор окружающим бочку трактористам...

Кто пил в поле после жаркой работы ключевую воду, тот знает ее небывалый вкус. Такому водопитию действительно нужна воля, чтобы никто не толкал под локоть, не потарапливал, не смешил. Игривое настроение придет минутой позже. И тогда, не скрывая естественно чувства благодарности, кто-нибудь из самых бойких и разговорчивых раскинет будто для объятий руки и воскликнет: «Ну, отец, удружил! Отличная вода. Только градусов мало».

Александр Михайлович принимает игру и с улыбкой отвечает: «Градусы, сынок, жена добавит...»

Забывтая профессия — водовоз. Само слово — и то редко услышишь. На смену пароконным и одиночным упряжкам давно пришли моторы. В иных хозяйствах созданы целые механизированные отряды по обслуживанию земледельцев в страдную пору. Но в глубинных районах области нет-нет да и встретишь ветхозаветную телегу с взгроможденной на нее бочкой. Спешит она от бригады к бригаде, от летнего лагеря животноводов к полевому стану механизаторов. И там, где машине не проехать, для водовоза — прямая дорога.

Уже седьмой год колесит по полям совхоза имени Свердлова Артинского района упряжка, управляемая Александром Михайловичем Сириновым. Раньше он был бригадиром, конюхом. Вышел на пенсию, пролежал зиму на печке, а с весны «подался на дело» — стал водовозом.

Немудреное занятие, но и в нем есть свои сложности. На обширных совхозных угодьях одновременно трудятся несколько отрядов и звеньев. И каждому подавай воду с ключа. Александр Михайлович рационализировал свою работу. На «горячих точках» расставил семь телег с бочками. На восьмой возит воду. Приехал, перепряг лошадей — и покатил дальше.

СКАЖИТЕ:

«А-а-а...»

«Дорогой следопыт! Судьба моя решена. Я буду медиком. Но, как я недавно узнала, медиков «вообще» нет: Есть педиатры, рентгенологи, терапевты. Как же мне быть? И сколько вообще врачебных специальностей?»

Лиля ЗАКИРОВА,
г. Троицк Челябинской обл.

И еще многих сверстников Лили Закировой интересует медицина. Называем их: Татьяна Тарабаева [г. Партизанск Приморского края], Пунько Виталий [г. Запорожье], Ирина Скворцова, Марина Олина [г. Глазов], Рита Хаканова [г. Навои Бухарской обл.], Игорь Тикин [г. Воркута], Саша Матвиенко [п. Благовещенка Джамбульской обл.], Хасанов Рустам [г. Навои Бухарской обл.], Наташа Кушкарева [г. Темиртау], Ирина Мирсаитова [г. Свердловск], Оля Бачурина [ст. Вязовая Челябинской обл.], Ирина Зубкова [г. Нижневартовск Тюменской обл.], Люба Реутова [г. Лысьва Пермской обл.]

На вопросы отвечает редактор Свердловского Дома санитарно-просвещения Лия ГЛАЗУНОВА

«Получая высокое звание врача и приступая к врачебной деятельности, я торжественно клянусь: все знания и силы посвятить охране и улучшению здоровья человека...»

Торжественные и немного грустные лица сегодняшних выпускников медицинского института. Пройдет совсем немного времени, и они пополнят ряды огромной армии медицинских работников, великих тружеников и гуманистов.

Только в Свердловске трудятся 5000 врачей самых различных специальностей: врачи-лечебники, врачи-исследователи, врачи-ученые.

Любой врачебный осмотр начинается в кабинете участкового или цехового терапевта, который ставит диагноз и годами наблюдает больного. Он же, как диспетчер, должен решить, куда и зачем направить пациента, какой специалист в состоянии оказать ему действительную помощь.

Так, заболеваниями желудочно-кишечного тракта занимается врач-гастроэнтеролог, почки находятся в ведении уролога, если болит сердце — обратитесь к кардиологу.

Но даже внутри одной специальности существует еще более мелкое дробление. Например, врачи-стома-

тологи делятся на стоматологов-терапевтов, стоматологов-хирургов, стоматологов-пародонтологов, лечащих заболевания десен, и стоматологов-ортодонтонтов, которые исправляют искривления зубоч.

Больному требуется операция. И всегда наготове врачи-хирурги.

Если человек находится на грани жизни и смерти, если все решают считанные секунды, если уже наступила клиническая смерть, в бой идут хирурги-реаниматологи.

Необходимо оперировать глаз, ухо, сделать мельчайшую, сложнейшую операцию на мозге — слово за микрохирургией — хирургическим вмешательством под микроскопом.

Все больше развивается кардиохирургия. Заменяются большие клапаны, сосуды сердца. Делаются попытки пересадки сердца. Впрочем, не только сердца, но и некоторых других органов. Это уже область медицинской науки, которую интересуют самые неожиданные явления и процессы в человеческом организме. Развивается генетика, наука о наследственности и изменчивости организма. Психиатры пытаются проникнуть в область психики человека, его «души»...

Трудности с диагнозом заболевания разрешают бактериологические, цитологические (на клеточном уровне) и другие лабораторные исследования.

Требует специализации и профессия санитарного врача. Врач по гигиене питания следит за организацией рационального питания, под его наблюдением находятся все пищевые предприятия, продовольственные магазины. Широкий круг обязанностей врача по коммунальной гигиене: следить за строительством жилых и общественных помещений, озеленением городов, качеством питьевой воды.

Нет, пожалуй, на земле профессии человечнее, благороднее и благодарнее, чем профессия врача...

«ВЫХОЖУ НА СВЯЗЫ!»

«Дорогая редакция! Я перешла в 10-й класс и хотела бы после окончания школы быть телефонисткой. Напишите, пожалуйста, где и как получить эту специальность.»

Таня АНТИПОВА,
г. Магнитогорск.

Короткое письмо. Но не первое о связистах. Кстати, мы начали рассказ с письма Людмилы Безродковой, которая как раз стала телефонисткой.

«Все в мире пронизано невидимыми волнами. Это — связь. Человек в небе — земля его слышит, человек в горах — в долине за ним следят, путешественник в океане — берег о нем знает. Без связи, даже телефонной, представить современную жизнь невозможно. Я хочу посвятить свою жизнь этой области человеческой деятельности. Где научиться?»

*Людмила МОЛОКОВА,
г. Каменск-Уральский
Свердловской области».*

Этот же вопрос задают другие наши читатели:

Иван Борисов (с. Казанское Тюменской обл.), Алексей Зуев (г. Усолье Сибирское Иркутской обл.), Лиля Яковенко (с. Бердюжье Тюменской обл.), Андрей Каревич (г. Джебказган), Галя Снегирева и Наташа Радионова (г. Североуральск Свердловской обл.), Таня Алексеева (г. Междуреченск Кемеровской обл.), Марина Климова (г. Кустанай), Андрей Кирев (пос. Чидерты Павлодарской обл.), Таня Тарасова (г. Касимов Рязанской обл.), Рита Сахаурова (г. Салават Башкирской АССР), Лариса Валова (г. Кушва Свердловской обл.), Лида Барина (г. Великие Луки Ивановской обл.), Иван Капустин (г. Троицк Челябинской обл.).

С письмами читателей нештатный корреспондент журнала Хелена НОВАК отправилась в Свердловский электротехникум связи (ул. Репина, 15).

В. Л. Микушин, директор:

— Основной вопрос читателей: кого техникум принимает. Скажу так: приглашаем всех желающих, зачисляем в студенты достойных. Что отнести к достоинствам будущего связиста? Прежде всего предпочтительнее те, кто в школе был неравнодушен к электротехнике. Как мы знаем, у нас два вида связи — телеграф и телетайп, то есть электрическая и почтовая. Так вот, пять специальностей, по которым готовят техникум, связаны с электротехникой и одна — техник почтовой связи. Аккуратность, ответственность, самодисциплина, умение принимать решения в короткое время, любовь к технике — вот черты, которые мы стараемся разглядеть при приеме, а затем воспитать при учебе. Больше половины студентов — девушки... Хотелось, чтобы ребята шли к нам с большей охотой. На вооружение связистов страны поступает все более сложная техника — кому же как не мужчинам заниматься ею... Добавлю: при поступлении на заочное

отделение техника почтовой связи нужен стаж работы по избранной специальности. Конкурс здесь, к нашему удовлетворению, высок...

Ира Анисимова, выпускница:

Я выросла в северном уральском городке Тавда. Родители — почтовики. Я решила поддержать семейную традицию. Не ошиблась! Сегодня вот защитила диплом. Теперь я техник многоканальной связи. Столько радости приносит мне специальность! Я проходила практику в Омске. Будто руку на пульсе города держишь — очень значительно все. Почтамт ведь всегда — в центре.

Александр Одинцов:

— Это еще раз подчеркивает важность связи. В школе я увлекался радиотехникой. И теперь вот уже, как выпускник, приглашен на Центральный телеграф города Свердловска. Центральный! Самое сердце связи Урала. Как я благодарен школьному своему увлечению, которое, видите, определило судьбу...

Рубрика «Требуются специалисты» для вас, дорогие читатели. Кто еще не определил свое место в жизни, не выбрал профессию, спрашивайте — ответим...

Подборку подготовил
отдел публицистики
«Уральского следопыта».

Фото А. Лысякова

**Владлен
ВОЛКОВ**

«МЕДВЕЖАТНИКИ»

...Темная пелена ночи отодвинулась, небо-склон светлел и розовел на глазах: наступало утро. По реке Зее, резво буравя воду винтом, шел катер. Дизель работал вполне исправно, и моторист вышел наружу подышать свежим воздухом. Дул прохладный бодрящий ветерок, мимо проплывали залитые пламенем рассвета то высокие скалы с застывшими на них одиночными лиственницами, то густые тальниковые заросли. Вдруг впереди по курсу на поверхности воды моторист увидел косматую голову — реку переплывавший медведь. Моторист сказал об этом капитану. Оба выскочили на палубу. Топтыгин, старательно загребая лапами, двигался к берегу. «Эх, медвежатники бы! — причмокнул капитан. — Вкуснятина!.. А ну, Кукарекин, полный вперед — на косолапого!» — скомандовал он стоящему на вахте механику. Машина набрала обороты, и судно вскоре ткнулось носом в зверя.

От громких разговоров проснулся и подошел отдыхавший после дежурства второй моторист.

— Прикончим лохматого! Капитану — шкуру, мясу — всем поровну!..

На катере не было оружия, и каждый колотил медведя тем, что подвернулось под руку: шестом для промера глубин, багром, палкой. Войдя в азарт, суетливо толкаясь, они мешали друг другу и никак не могли нанести зверю решающих ударов. Перессорились:

— Куда ты, дубина, тычешь! По кумполу его! По кумполу!..

— Пусти меня, недотепа, я попробую!

— А, черт, опять ты промазал! Мазила!..

Медведь ревел, отчаянно мотал головой, но деться ему было совершенно некуда: как зверь ни старался отвернуться, податься в сторону, ему это не удавалось, борт судна снова и снова вырастал перед ним, и град ударов не прекращался. Неизвестно, сколько бы это длилось, как вдруг медведь рывком схватил штанину капитана и разорвал ее вместе с подштанниками, пробороздив ногу от колена до пятки. Сорванный полуботинок полетел за борт. Капитан кое-как удержался за поручни. Нападавшие сразу отпрянули. Продолжая яростно реветь, зверь забрался на судно, стал на дыбы. В глазах его горела ненависть. Любители медвежатники в ужасе бросились на корму катера. Впереди, развив невиданную скорость, в одном полуботинке и с лихо развевающимися на ветру темносиними и белыми рваными лоскутьями, — капитан. Преследуя своих мучителей, зверь приблизился к рулевой рубке. Увидев огромного взбе-

шенного медведя, Кукарекин одним прыжком вымахнул из нее, споткнувшись, сделал великодушное сальто, прогрохотал сапогами по палубе и нырнул в машинное отделение. Прийдя в себя, он обнаружил, что за работающим дизелем спрятались, прижавшись в страхе друг к другу, все остальные. Между тем судно, оставшись без управления, двигалось «куда бог пошлет»: то вверх по реке, то — вниз, то совершало немыслимые виражи. Крен при резких и крутых поворотах был иногда настолько сильным, что, казалось, вот-вот катер перевернется.

Полным хозяином положения был грозный властелин зейской тайги. Экипаж отчетливо слышал разъяренный рев, удары и треск, доносящиеся с палубы. Зверь, видимо, крушил и громил на катере все, что было ему под силу, но зайти в машинное отделение не решился, боясь шума работающего дизеля и резких запахов.

Но вот — скрежет, резкий толчок, и судно остановилось. Осторожно высунувшись из-за корпуса машины, беглецы увидели, что катер с хода врезался в прибрежную траву мелководного залива. Неожиданно на палубе появился медведь. Голова, морда, грудь и лапы его были облеплены пухом, отчего зверь казался наполовину белым и потому очень смешным. Но экипажу было не до смеха, он с тревогой и трепетом ждал: «Что же будет дальше?». Топтыгин, однако, уже не ревел, вел себя спокойно, лишь нетерпеливо смахивал лапами непрошеное украшение, и пушинки летели во все стороны. Доковылял до носовой части судна, сполз на берег и, миновав тальник, скрылся в лесу. Вздох облегчения раздался за дизелем, и «медвежатники» покинули свое убежище.

Какая картина предстала перед ними! Кругом валялись куски досок от дверей рулевой рубки и шкафа разгромленного кубрика; вспоротые и сорванные со своих мест спасательные круги; клочья тряпья и ваты от того, что совсем недавно называлось матрацами и одеялами; черепки разбитой кухонной посуды. Все это было покрыто обильным слоем пуха из разорванных подушек...

Когда капитану смазали йодом и перевязали пораненную ногу, он сменил одежду и, криво усмехнувшись, сказал: «Да... накушались мы медвежатники!» И все вымученно-нервно засмеялись.

«ЮНОСТЬ»

Юрий
БОРИСИХИН

Фото
А. Лысякова

Мы любили это место. Деревянные трибунки, пыльное поле, вытопанное ботинками и кедами, ларек с мороженым... Хорошо бежать по грунтовке (зрители — все, студенческое знакомье), не хуже и посидеть на теплых досках, по школьной, еще не ушедшей привычке, выжечь лупой инициалы...

Где те ребята? Припомним: чемпион Уральского университета по ходьбе Виктор Оспицев — спортивный обозреватель «Известий», а самая быстрая — Рита Ширяева — выпускает научные сборники...

У людей свой рост, своя жизнь. Но отчего бы не быть росту и у того деревянного и травяного стадиона пионеров и школьников, который приветил свердловскую детвору еще в 1935 году, став вторым по величине в стране после московского, понятно, такого же стадиона?

Почему бы не стать первым? И стадион стал им. Все произошло быстро (сейчас так кажется). Сложили большие и красивые здания, а на бывшем футбольном поле сотворили конькобежную дорожку с искусственным льдом.

Помню, недоверчиво тыкали пальцем эту молочноватую твердь, державшуюся и при плюсе. Чуть позже тоже с недоверчивой ревностью следили за элегантными и длинноногими норвежцами, крепкоплечими, суроволицыми немцами на матчах с нашими.

Наши побеждали! Раньше мы узнавали об этом из газет, а теперь это творилось на глазах. Это была

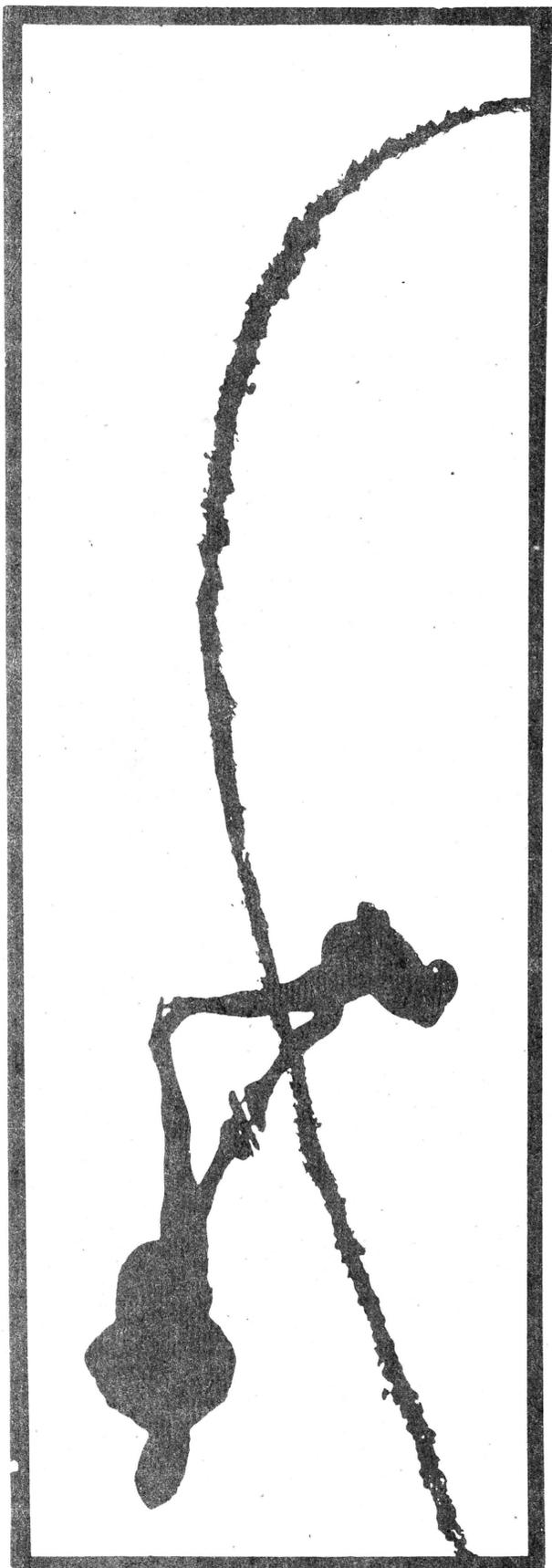
радость. Это было приобщение, прикосновение к спортивным событиям мирового масштаба.

Уникальный единственный в стране спорткомбинат с бассейном, крытым катком, спорткорпусом, залами для гимнастики и бокса, с дорожкой, избранной для тренировок конькобежцами — олимпийцами, был отдан Министерством просвещения РСФСР под начало горно и зажил, как говорится, большим спортом.

И вот уже замелькали в списках участников чемпионатов страны, Европы, мира имена наших (слово в спорте, чудодейственным образом объединяющее болельщиков) — М. Акбаров, В. Першина, Р. Синицын и Н. Карамышева, М. Квашнин и Н. Климова (фигурное катание), А. Меденников (коньки), С. Трухенко и А. Старков (хоккей с шайбой), С. Мингазов (прыжки на батуте), а вместе с ними — имена тренеров: Ю. и А. Ренник, И. Ксенофонтов, А. Федоров, В. Пучков, П. Ложкин, В. Клепиков, Л. Фомичева, А. Потапов, П. Мамин.

Эти имена не обойти при рассказе о комплексе. Ныне тренер — специалист высокого класса, организатор, воспитатель, и, как правило, сам в прошлом незаурядный спортсмен. Я беседовал со многими. И к традиционной, но, видимо, истинной формуле — надо любить детей, присовокуплялась другая, сладкая моему спецкоровскому тщеславию: важно быть патриотом своего края — Урала!

То-то и оно! Любовь воспитывается личной одер-

жимостью, преданностью педагога. Нормально, вероятно, сиделось в спортивном комитете Геннадии Кирилловичу Горбунову. Но ведь пошел в «Юность» на директорство — на дело, где надо было показать конкретное умение организатора. И хоть сам он мне не говорил этого, но из беседы вытекало: хотелось ему приподнять посильно славу уральского спорта.

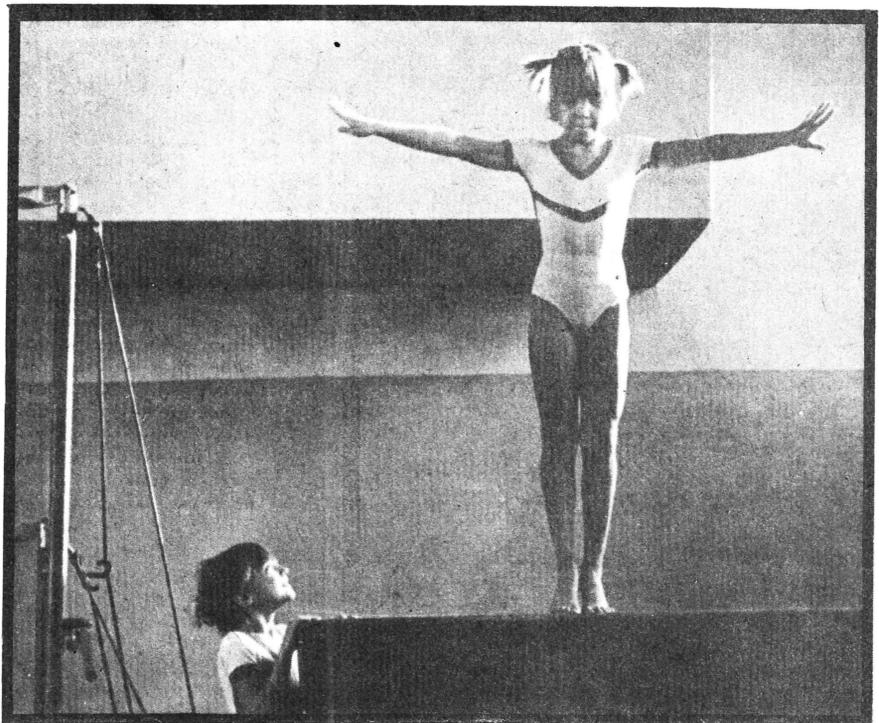
— Комплекс для детей прежде всего. Подчеркните это, — сказал мне директор. — У нас занимаются десять детских спортшкол, четыре из них специализированные — олимпийский резерв! Семь тысяч ребят в секциях...

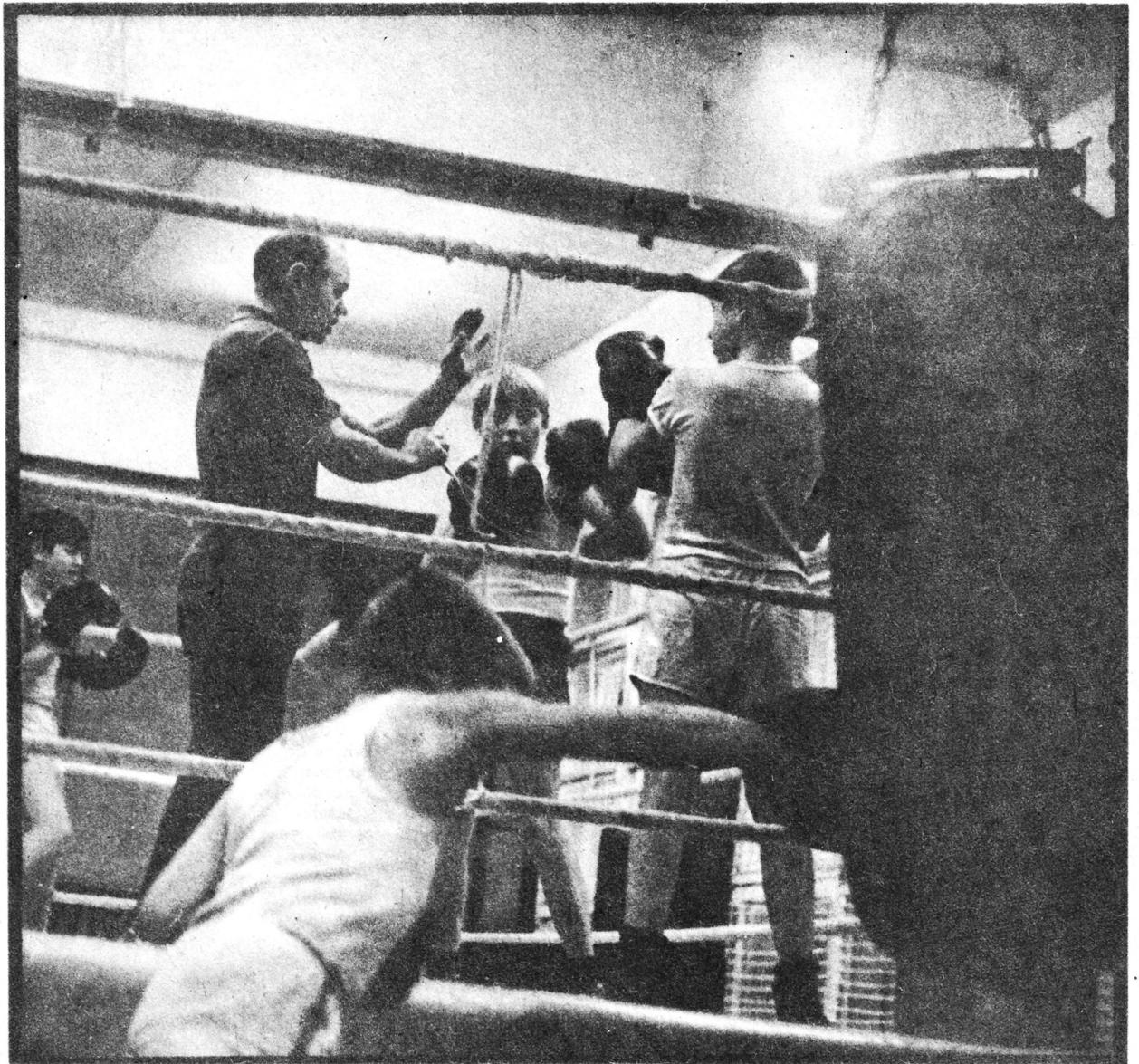
Я проверил, хотя пришлось начать репортажный день с... 6 утра. В семь уже начинались тренировки. Честно говоря, в такую рань мне сложно было переварить впечатления. Да еще какие! Вот боксеры. Город еще в полусне, а они отрабатывают хуки, спортсменам — 10—11 лет. Вот крутит на ковре (как его назвать: парнишка, мальчишка?) фляк, сальто гимнаст из четвертого класса... Над этим упражнением не так давно пыхтели и многие кандидаты в мастера. Вот хоккеист (изпод шлема едва различим насупленный взгляд) обрабатывает шайбу...

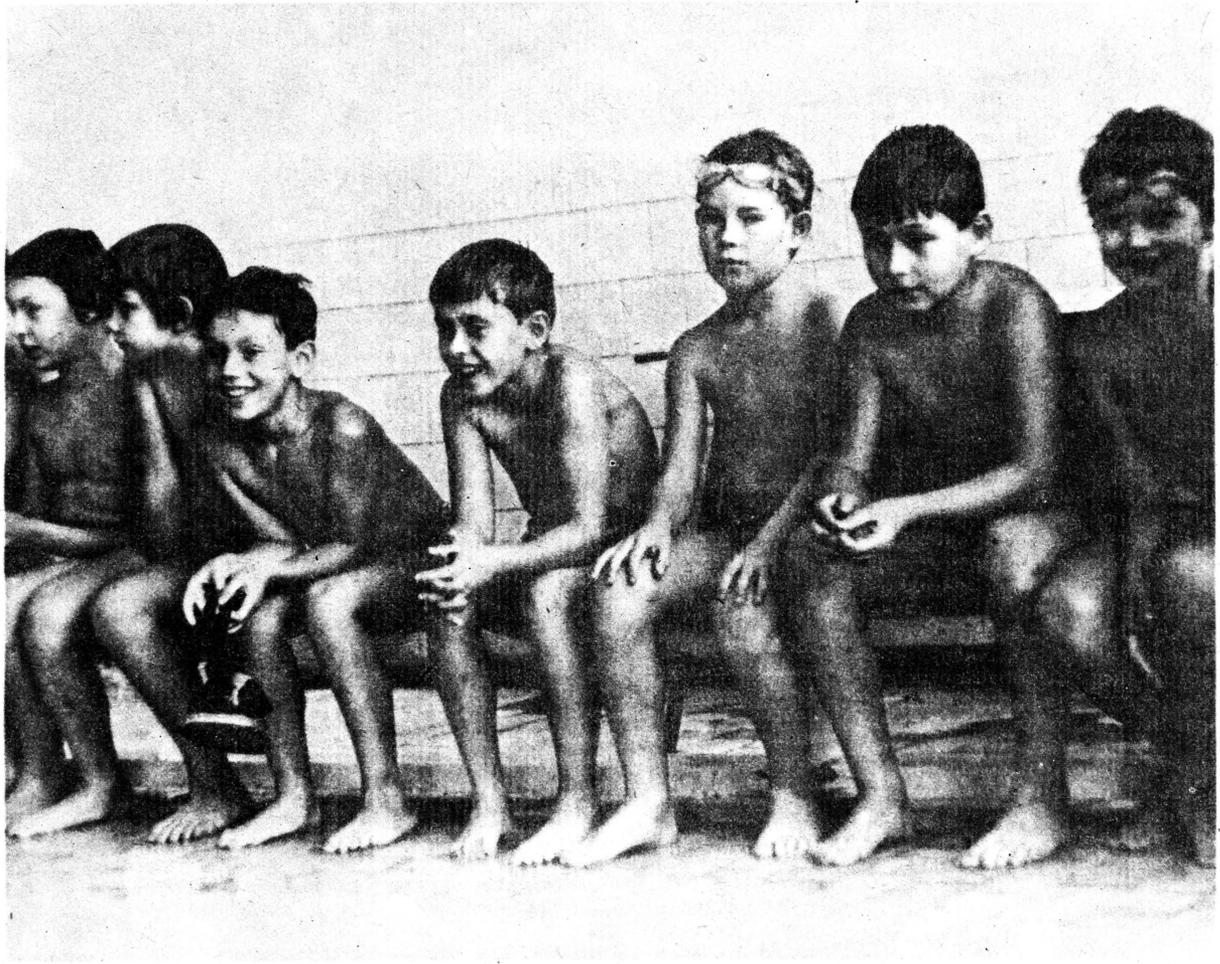
Что ж, говорят, тот преуспевает в спорте, кто любит рано вставать.

Геннадий Кириллович, положив палец на мой лист, говорил строго:

— Подчеркните: в комплексе работают 160 тренеров, из них 8 человек — заслуженные тренеры РСФСР. По итогам 10-й

пятилетки были и первыми в стране, и вторыми, из призеров не выходили. У нас занимаются более 100 групп здоровья. 20 тысяч человек плавают, 10 тысяч сдали нормы ГТО. У нас огромное техническое хозяйство. Вот уважаемые люди: машинисты Е. Осетров, А. Дума, Е. Хмелева, рабочие на льду М. Калинина, Е. Горбунов, начальник слаботочных сетей и радио В. Устинов, зав. спортотделом М. Кузьминых, зав. спорткорпусом М. Комарова...

Я записывал, потому что понимал: «у нас» — значит «у нас на Урале». И еще потому, что Геннадий Кириллович, которому за методическое руководство тренировками спортсменов высшего класса присвоено звание заслуженного тренера РСФСР, справедливо подчеркивал: большое дело — плод усилий коллективных.

На снимках:

1. «Лед нашей надежды» — так говорят о конькобежной дорожке «Юно-

сти» не только свердловчане, но и спортивные специалисты Москвы, тренеры многих других городов страны. Дорожка «работает» почти круглый год, и потому на ней родилось и встало на действительно быстрые коньки большое количество талантливых скороходов, установлены рекорды...

2. Глава спортивного комбината — Геннадий Кириллович Горбунов.

3. Основная спортивная арена «Юности». Как полны и шумны эти трибуны, когда перед ними свое мастер-

ство демонстрируют «наши»!..

4. В гимнастическом зале. На «коне» — это пока еще не так высоко...

5. Ну а тут и говорить нечего: в хоккей играют настоящие мужчины. Не так ли?

6. Самая обыкновенная рабочая обстановка в секции бокса.

7. Уметь плавать, как рыбы, и тут же смеяться, как смеются самые веселые люди на свете, — так естественно!..

ВЕЛИКИЙ

Ирина
ПРИЧИНА

В Казанском музее имени А. М. Горького готовится к открытию комната, посвященная Андрею Степановичу Деренкову. Что это был за человек, чем объясняется интерес к его личности?

...Был он сыном бывшего крепостного крестьянина, державшего лавку в Казани. Андрей получил нехитрое трехклассное образование (позже окончил приходское училище), помогал отцу в торговле, и ничего особенного судьба ему, вроде, не готовила.

Но юноша был слишком энергичен, жаден до знаний, пыллив, чтобы безразлично относиться к событиям, потрясавшим Россию. Стачки, забастовки, громкие судебные процессы над борцами за социальную справедливость... Спросить: «почему?» было не у кого, и Андрей стал много читать, а потом, разыскав запрещенный Указатель лучших книг и журнальных статей товарищеского общества братьев Покровских из Челябинска, начал собирать революционную литературу. Литература эта подсказывала одно: надо бороться. Вокруг библиотеки Деренкова возник кружок самообразования, который привлек многих свободомыслящих людей. По существу, его члены вели революционную деятельность. Деренков поддерживал ее доходами своей небольшой торговли. Квартира молодого лавочника превратилась в место конспиративных встреч.

Как-то студент-медик Кудрявцев

привел к Деренкову высокого сутуловатого парня, назвал Алексеем Пешковым и попросил приютить, шепнув, что парень очень толковый и обязательно пригодится в кружке. Кудрявцев не ошибся. Сначала, получив доступ в деренковскую библиотеку, Пешков серьезно занялся самообразованием. Познакомился с «Капиталом» Маркса, прочел «Наши разногласия» Плеханова («злословной» назовет впоследствии эту библиотеку Горький и скажет, что физически родился он в Нижнем Новгороде, а духовно — в Казани). Потом, когда было решено организовать булочную, так как расходы на книги и печатание брошюр росли, Алексей Пешков стал и вовсе незаменимым человеком. Он изучил в пекарне Семенова, самодура и пьяницы, хлебопечное дело и начал работать в новой булочной. Трудно было. Ночами — работа. А утром, наполнив корзину, в которую вмещалось до двух пудов булок, Алексей отправлялся их продавать. По заданию руководителей кружка он вместе с булками разносил запрещенную литературу, передавал записки членам подпольных кружков, студентам.

Трудно было не только молодому Пешкову, но и Деренкову, который тоже не знал отдыха и покоя в заботе о революционном деле. Ведь дело это требовало не только мужества и энтузиазма, но и больших материальных средств. Вот что впоследствии писал Горький: «Все чаще случалось, что люди, не считаясь с ходом дела, выбирали из кассы деньги так неосторожно, что иногда нечем было платить за муку. Деренков, теребя бородку, уныло усмехался: «Обанкротимся. Несерьезно все. Все всё берут — без толку. Купил себе полдюжины носков — сразу исчезли...» Это было смешно — о носках, но я не смеялся, видя, как бьется скромный, бескорыстный человек, стараясь наладить полезное дело, а все относится к этому легкомысленно и беззаботно, разрушая его. Деренков не рассчитывал на благодарность людей, которым служил, но он имел право на отношение к нему более внимательное, дружеское и не встречал этого отношения».

Два года жил Алексей Максимович у Деренкова (1885—1887), а затем жизнь надолго разлучила их. Политическая обстановка была сложна. Голодный 1887 год, страшный год реакции. В декабре произошла сходка студентов Казанского университета. Начались массовые репрессии. За булочной на Большой Лядской, за молодежью, которая посещала конспиративные собрания, был установлен негласный полицейский надзор. Последовали первые аресты. Кружку грозила опасность. Пришлось объявить о роспуске и спешно скрываться. Деренков с семьей рублями в кармане бежал в Сибирь.

Людам пришлым сибиряки не удивлялись. Поэтому, когда Андрей Степанович добрался до глухого селеньца Лебедянка в Томской губернии, там его особо не расспрашивали — кто да откуда. Мол, обживется — увидим. Было беглецу в то время тридцать три года. Он вполне еще мог начать в этом тихом месте тихую жизнь, обзавестись вместо книг ружьишком, лодкой, бить зверя, ловить рыбу, вдыхать смолистые запахи девственной тайги... Попробовал Андрей Степанович... Но понял, что уже не обойтись ему без дел и книг.

Так уж случилось, что прибыл сюда Деренков в очень знаменательное для всей страны время. Здесь был найден уголь. Правда, разговоры о том шли только в Западно-Сибирском отделении Русского географического общества, и царские власти в 1888 году еще не торопились с детальным изучением района. Однако к концу века строительство шахт, а затем и угледобыча все же начались. И опять, достав челябинский указатель, начинает Деренков собирать книги...

С открытием угольных копей в близлежащих поселках — Анжерке и Судженке — глухомань становилась все менее похожей на глухомань, все более проникал сюда революционный дух. Шахтеры были пролетариями чистой воды — угнетенными, но не забытыми. Андрей Степанович быстро нашел с ними общий язык.

КНИГОНОША

...Странный это был лавочник. Удивительно, как он только не проторговался в пух и прах! В долг попросят — дает без уговоров; если должник долго расплатиться не может — сделает вид, что забыл о долге. А вот что рассказывали о Деренкове старые горняки Анжеро-Судженска (местная газета «Борьба за уголь», 15 января 1957 года): «Задолго до революции Деренков давал порядочные суммы денег подпольной партийной организации, под всякими предлогами выдавал для чтения запрещенную литературу, принимал и скрывал в своем доме тех, кого искала полиция».

То, насколько был верен себе «купец-революционер», выдавало в нем цельного, недюжинного человека. Огромное мужество и честность надо было иметь, чтобы, оказавшись в чужих краях, потеряв лучших друзей, начать жизнь сначала и вновь пойти опасной дорогой борьбы, пусть не открытой, но — борьбы. Стать примиренцем не позволяли ему воспоминания, не позволяло прошлое. Частенько задумывался он о судьбе своих казанских товарищей. О некоторых из них доходили кой-какие известия, а вот куда Алеша Пешков канул... Будто сквозь землю провалился...

Революцию Андрей Степанович встретил как праздник, жалея только о том, что исполнилась его мечта, когда ему уже перевалило за шестой десяток. В первые же месяцы Советской власти он сделал рабочим города прекрасный подарок — передал в пользование свою библиотеку, которая насчитывала около двух тысяч книг. Они были собраны уже здесь, в Сибири. Не каждый библиофил способен на такой нравственный подвиг, тем более что в коллекции имелось немало ценных изданий.

И до революции, и долгое время после нее существовал в Томске книжный магазин Макушина, куда навещался Андрей Степанович, бывая в этом городе. Но однажды заинтересовали его не книги на прилавке, а портрет писателя, лицо которого показалось знакомым. Но фамилия — «Горь-

кий» — ничего не говорила. Продавец охотно объяснила пожилому человеку, что это псевдоним Алексея Максимовича Пешкова. Радости Деренкова не было предела.

Не откладывая, написал он Горькому, а вскоре получил от него посылку с книгами — «Бывшие люди», «Фома Гордеев» и «Мещане». Тогда и завязалась переписка. Андрей Степанович не раз гостил у Горького в Москве. Алексей Максимович тоже собирался навестить его в Лебедянке, уже были четкие планы поездки — но, к сожалению, не удалось Горькому побывать в Сибири. Дружба Горького и Деренкова продолжалась долгие годы.

Следопыты клуба «Поиск» Анжеро-Судженского Дома пионеров об этой дружбе знают не меньше, чем сотрудники казанского музея Максима Горького. Между ними существует тесная связь. Недаром, приезжая в Анжеро-Судженск, научные работники первым делом идут к ребятам. В 1977 году благодаря им музей получил неизвестное письмо Горького, переписку казанцев с Андреем Степановичем в сороковые годы, а недавно поехала в Казань... резная деренковская этажерка. Резная этажерка незамысловата и... пуста. Дело в том, что книги Деренкова исчезли бесследно. Две тысячи томов — не иголка в сене. Но сдаваться следопыты не собираются. Пока они нашли тот самый знаменитый указатель Покровских, который дает некоторое представление о содержании бывшей библиотеки.

Не дает покоя следопытам и пропажа заветной шкатулки Андрея Степановича, в которой хранились письма Горького, Шаляпина, Скитальца. Пропала она сравнительно недавно, в пятидесятых годах. Шансов найти шкатулку почти нет, но ребята все-таки надеются на удачу.

...Исчезла библиотека, исчезли письма, но не исчезла память. У некоторых людей сохранились еще воспоминания об Андрее Степановиче. Вот письмо старшей учительницы, ветерана народного образования Л. П. Шубиной, которая пишет, что детей он любил,

часто угощал конфетами и всегда говорил: «Приходите еще!». Она помнит, как смешно, по-волжски «окал» лавочник и как это весело ее и подружек. Потом довелось Шубиной учить правнучку Деренкова Галю Чубисову, и вновь она увидела его в последние годы жизни. В то время жил Андрей Степанович у внучки Анны в старенькой избушке.

...За печкой, в тепле лежал маленький, сухонький, похожий на сказочного старичка-боровичка дедушка и читал книгу Л. Толстого «Казак». Увидев гостью, чтение прекратил и очень обрадовался застенчивому ею разговору. С большой гордостью рассказал, что пригласил его в Казань, чтобы восстановить булочную, где работал Алексей Максимович.

— Ну, мыслимое ли дело: почти столетнему старику в такую даль ехать!.. — сокрушались родные.

Так или иначе Деренков не раз побывал в Казани и оказал музею неоценимую помощь. Приглашали его там работать, но слишком прочно укоренился он в Сибири, слишком полюбил этот край, нехитрую свою Лебеянку и ее жителей. Кто-то из старожилов еще помнит, как Деренков, будучи в преклонном возрасте, брал книги в Анжерской библиотеке и носил их в мешке за плечами для чтения лебедянкам. Это был замечательный книгоноша, простой, скромный, умеющий заинтересовать.

Простой, скромный... Но если добавить к этому еще и «великий» — ошибки не будет. Великий книгоноша — именно им был Андрей Степанович Деренков.

Уралмаш идет в море

На больших глубинах Каспия, где невозможно построить традиционные искусственные острова, эстакады, начала трудовую вахту плавучая буровая установка «Шельф-1». Ее основное рабочее оборудование изготовлено уралмашевцами. Эта плавучая буровая сможет сверлить дно моря на глубину до шести тысяч метров. Теперь и 200-метровая толща воды — не преграда для тех, кто давно ищет и добывает из-под вод Каспия нефть.

Н. ИВАНОВ

Сталинградская панорама

«Сталинградская битва» — первая круговая панорама о Великой Отечественной войне. Здание для нее построено по проекту народного архитектора СССР В. Маслева студенческим стройотрядом.

Музей-панорама поднялся на бывшем огненном рубеже у знаменитого дома Павлова. Вид со смотровой площадки — словно с Мамаева кургана в день 26 января 1943 года: сожженный, разрушенный, но не покоренный врагом город.

Авторы панорамы «Сталинградская битва» — известные художники-баталисты Н. Бут, В. Дмитриевский, П. Жигимонт, Г. Марченко и другие.

Георгий Марченко — участник Сталинградского сражения, бывший артиллерист, скончался на творческом посту во время создания панорамы, увековечив подвиг своих боевых друзей.

П. СЕРГЕЕВ

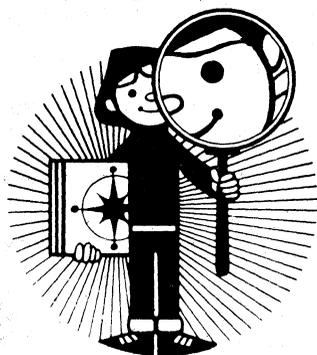

Два кита энергии

Ученые сделали вывод: уголь и уран становятся «китами», на которых будет основываться в ближайшие десятилетия большая энергетика нашей планеты. В СССР взят курс на ускоренное строительство атомных электростанций. Одна из главных проблем ядерной энергетике — безопасное хранение радиоактивных отходов, которых становится все больше и больше.

Исследователи оптимистичны. Они утверждают: атомная станция обеспечит наиболее чистое производство энергии. Такие станции способны оказывать минимальное воздействие на окружающую среду. Уже созданы различные методы экологической «брони». В частности, разработан метод остекловывания радиоактивных отходов атомных станций и последующего захоронения их в глубинные подземные хранилища. Стекло при этом не выщелачивается — не распадается. Стеклоблоки с отходами чрезвычайно прочны. И даже если они будут расколоты на куски (что может случиться, например, при землетрясении), отходы не освободятся, так как они сплавлены со стеклом. Подобные блоки могут удерживать в себе отходы атомных станций тысячи лет.

В. ДАНИЛИН

М И Р

НА ЛАДОНИ

Мир еще не весь открыт...

● В Боливии, у подножия Анд археологи раскопали развалины неизвестного города инков. Открытие значительно «отодвинуло» на восток границы некогда могущественной империи. Самое любопытное — при раскопках обнаружено множество золотых вещей. Высказывается предположение: а не есть ли это следы легендарного золотого города инков — Эльдорадо?

● Новейшие данные: каждую секунду, в поверхность нашей планеты вонзаются в среднем сто молний.

● Вечная мерзлота — естественный холодильник! В Монголии в ряде мест с вечной мерзлотой созданы хранилища продуктов с емкостью по тысяче тонн.

● Изучение орбит, по которым движутся планеты солнечной системы, позволило американским ученым высказать предположение: за Плутоном, возможно, находится еще одна — десятая планета. Масса этой неизвестной планеты в два-пять раз больше земной.

● Год — на запад, год — на восток... Так периодически меняется ветер, который дует вблизи экватора в стратосфере (высота от 18 до 30 километров). Это явление природы обнаружено над тропической частью Тихого и Индийского океанов. Скорость стратосферного ветра достигает 30 метров в секунду. Явление изучается. Оно имеет большое значение для составления сверхдолгосрочных прогнозов погоды.

● В Японии, у острова Кюсю, началось сооружение «маринополиса» — подвод-

ного города-комплекса для разведения рыбы. Цель строительства — увеличить в течение пяти лет вылов в этом районе моря в два раза. Намечается даже установить в воде громкоговорители, по которым будет транслироваться музыка, привлекающая рыб.

● Астрономы США после анализа данных с искусственного спутника Земли подтвердили, что в газовой туманности Тарантул существует сверхмассивная звезда. Она больше Солнца по массе в 2.500 раз. Прежде ее считали значительно легче.

Турбомотоцикл

Японская фирма «Хонда» предложила любителям прокатиться с ветерком новинку — мотоцикл с турбиной, развивающий скорость 140 миль в час. Турбомотоцикл расходует меньше топлива, чем преж-

ние «хонды» с таким же, как у новичка, объемом двигателя. Он оснащен мини-компьютером, который рассчитывает оптимальную подачу топлива в цилиндры сгорания в строгой зависимости от температуры и давления в двигателе.

Н. АЛЕКСЕЕВ

Деревянная библиотека

На кафедре лесоводства Московской сельскохозяйственной Академии имени К. А. Тимирязева находится уникальная коллекция образцов древесных пород. Она насчитывает более шестисот «книг» и считается лучшей и наиболее полной в мире.

Основателем деревянной библиотеки был профессор М. К. Турский, который руководил кафедрой с 1876 по 1899 год. Он собирал вначале образцы древесины в виде небольших кругляшей с тремя сечениями. Позднее образцам стали придавать форму книг с корешками из коры. На корешках — сафьяновые этикетки с золотым тиснением русских и латинских названий пород. Издали кажется, что на стеллажах вдоль стен размещены тяжелые книги в темно-серых, коричневых, бурых и белых переплетах: «Шелковица черная», «Лавр благородный», «Магнолия крупноцветная», «Сосна итальянская», «Эвкалипт», «Ясень манчжурский»...

Среди собранных экспонатов выделяются коллекции древесины из Франции. В свое время кафедру лесоводства Тимирязевки посетил Жан де Вассер — Генеральный директор вод и лесов Франции. Его восхитила деревянная библиотека. И в знак признательности он прислал набор образцов древесины своей страны.

Первая

книжная выставка

В сентябре 1981 года в Москве состоялась Международная книжная выставка-ярмарка. А когда же состоялась первая в России книжная выставка? 30 июня 1909 года в зале Санкт-Петербургской городской думы начал работать Российский съезд издателей и книгопродавцов. Между прочим, этот съезд направил приветственную телеграмму Льву Толстому — как единственному писателю, отказавшемуся от авторских прав на свои произведения.

Одновременно со съездом и была организована первая в стране книжная выставка. В ней участвовали не только русские издательства, но и иностранные фирмы.

Б. ЕФИМОВ

Винтокрылый богатырь

Новейший советский вертолет — МИ-26 — самая грузоподъемная машина в мире среди винтокрылых. Он может поднимать до двадцати тонн и при этом развивает скорость до 300

километров в час. Через «ворота» в хвостовой части машины могут въехать и разместиться в грузовом отсеке два автобуса.

В. СЕМЕНОВ

Авиатематика филателии

Первая советская марка с изображением самолета вышла в ноябре 1922 года. Она была выпущена в помощь голодающим. Это были так называемые безвалютные марки, то есть без номинала, часть денег от продажи их шла в фонд пострадавшим от неурожая. Неизвестно, какой именно самолет изображен на этой марке — то ли моноплан «Ньюпор», то ли какой другой.

Два года спустя вышла серия авиапочтовых марок. Их номиналы были обозначены в золотом исчислении. Потом уже альбомы филателистов пополнились марками с изображением «АНТ-9», «АНТ-25» и других самолетов Ильюшина и Туполева. В 1980 году были выпущены марки с изображением вертолетов.

Б. НЕСМЕЛОВ

Еще одна Африка

На восточном берегу Камчатки находится мыс, который называется Африкой. Своим названием мыс обязан русскому крейсеру «Африка», офицеры которого в начале восьмидесятых годов прошлого века проводили гидрографические работы у берегов Камчатки и Командорских островов.

Памятник «Русалке»

Кто бывал в Таллине — видел памятник «Русалка». Он посвящен экипажу броненосца береговой обороны «Русалка», который погиб в сентябре 1893 года в Финском заливе во время жестокого шторма. Вскоре был создан специальный комитет, начавший собирать пожертвования в пользу семей погибших моряков. На добровольные пожертвования был создан в Таллине и памятник. Его автор — эстонский скульптор Амандус Адамсон.

Экзамены — лотерея. Для тех, кто провалился на первом, — «Спринт».

Если повелительное, то почему — наклонение?

В. ВЛАДИМИРОВ

*Рисунки
И. Ильичева*

МУДРЯШКИ

— Я не сторонник рукоприкладства, — признался бездельник.

Общественных нагрузок у школьника так много, что с ними не успевают справиться ни папа, ни мама, ни бабушка.

Ведь это факт: после уроков оставляют обычно тех, кому и на уроках нелегко высидеть!

Охранял зеленого друга так тщательно, что облизал каждую ветку в школьном саду.

В. СОЛОМИН

Из сочинений

Аллергический образ старухи Изергиль... Старуха Изергиль состоит из трех частей.

Вообще я думаю, что «Горе от ума» больше похоже на драму, но раз Грибоедов назвал его комедией, видимо, у него были на это свои соображения.

Ленский жил, но не дожил — умер от дуэли.

Собрал В. ЛАТУШЕВ

Как у людей

Ведут о «Красной книге» речи: — Иных уж нет, а те далече...

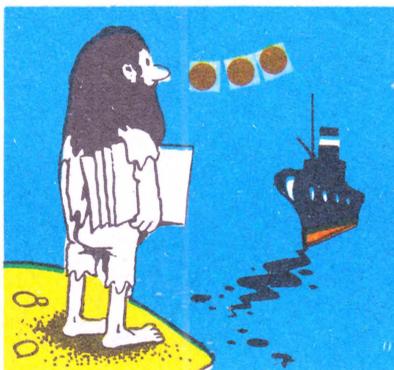
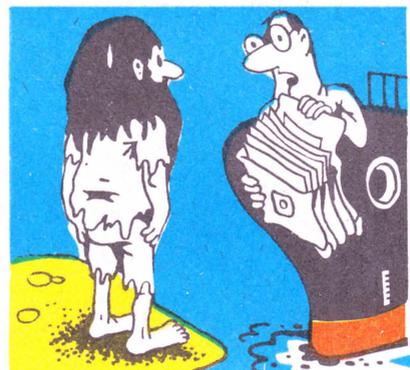
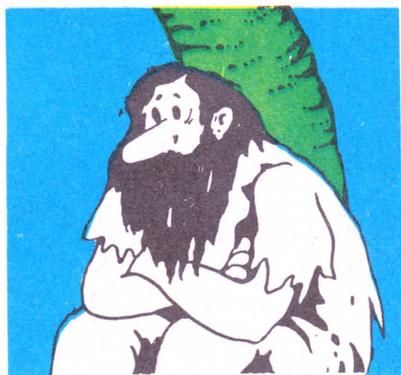
Памятник

Вот памятник далекой старины. Автографы туристов не видны. И, значит, смело можно сделать вывод: Мы уникальным счесть его должны.

В. ВОРОНЦОВ

СЛУЧАЙ В ОКЕАНЕ

МУЛЬТИК «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

Художник С. Ашмарин (г. Свердловск)

НЕ ЗАБУДЬТЕ О СТРАХОВАНИИ!
ГОССТРАХ – ВАШ ДРУГ И ПОМОЩНИК

УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РЕДКИЕ РАСТЕНИЯ РЕКИ ЧУСОВОЙ

ЛУЧИК В ТЕНИ

Грушанку на Урале часто называют ландышем: та же грациозная цветочная ветвь, наклоненная в одну сторону, те же колокольцы, чарующий аромат... Но роду-племени они разного: ландыш — из семейства лилейных, а грушанка — из вересковых. Это растение насчитывает до сорока видов и разновидностей. Есть зонтичная, зеленоцветная, с одним цветком, один вид — даже ископаемый... Именно наша, круглолистная, грушанка наиболее всего похожа на настоящий ландыш.

Много названий придумал грушанке народ: живая трава, ребячья переполошка, слезки, дикий ладан, яблонька лесная, светелка, майская трава... В каждом из них — похва-

ла и признание цветку за его скромную, застенчивую красоту; и то сказать, настоящая роскошь никогда не кричит о себе и не бросается в глаза... А еще есть название — «виновник», от слова «вино»: в Тверской губернии, например, умели настаивать на листьях грушанки вино. В Якутии листья, собранные в августе, сушили впрок и пили вместо чая.

...Когда будете в весеннем лесу, не стремитесь рвать грушанку букетами — возьмите один-два, это доставит гораздо больше радости. Грушанка прекрасно поддается культивации, растет в горшочках, на грядках, в теплицах, так что вы можете вырастить эту лесную красоту в любое время — даже к Новому году.